

НАШЕЙ РОДИНЫ

В. Н. ПАНОВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СПОРТСМЕНЫ

М. И. ЧИГОРИН

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СПОРТСМЕНЫ НАШЕЙ РОДИНЫ

В. Н. ПАНОВ,

*Международный мастер
по шахматам*

**МИХАИЛ ИВАНОВИЧ
ЧИГОРИН,**
его друзья, соперники и враги

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“
МОСКВА-1962

Внук солдата, сын рабочего, Чигорин благодаря своему таланту пробился в условиях царской России к вершине мировой шахматной славы и стал основоположником русской, отечественной шахматной школы.

Победитель ряда международных соревнований, бессменный чемпион России конца прошлого и начала текущего веков, блестящий теоретик и журналист, бескорыстный, страстный общественник, прогрессивный интеллигент, кипучий организатор русской шахматной жизни — таким предстает М. И. Чигорин на страницах книги международного мастера В. Панова.

В своей работе автор широко использовал воспоминания о Чигорине его современников в России и за рубежом, литературные фрагменты и письма самого Чигорина, его теоретические работы, высказывания о Чигорине чемпионов мира Стейница, Ласкера, Ботвинника.

В книге дан жизненный, творческий и спортивный путь Чигорина, шахматный быт конца прошлого века. Приведено также много творческих портретов и характеристик других ведущих шахматистов прошлого столетия.

ИЗ ГУЩИ НАРОДНОЙ

Вряд ли можно найти другого столь знаменитого человека, о детстве и юности которого было бы так мало известно, как о начале жизненного пути Михаила Ивановича Чигорина. Объясняется это прежде всего тем, что сам Чигорин даже в расцвете славы не любил вспоминать о своем тяжелом прошлом, не хотел беречь еде зарубцевавшиеся душевные раны, не делился воспоминаниями даже с близкими друзьями.

Чигорина с полным правом можно назвать потомственным пролетарием. Дед Чигорина, солдат эпохи Александра I, был определен на службу на Охтенский пороховой завод. Его сын, отец великого шахматиста, Иван Иванович Чигорин после окончания пиротехнической школы поступил на тот же завод в качестве мастера и проработал там двадцать два года — до самой своей смерти — 1859 г.

О второй его жене, матери шахматиста, Наталье Егоровне мы ничего не знаем.

Михаил Чигорин родился в Гатчине 31 октября 1850 г. старого стиля, или 12 ноября 1850 г. нового стиля. Он рано остался круглым сиротой. Мать его умерла, когда Мише было шесть лет, отец — когда сыну еще не было девяти. Сводный брат Миши — Петр Чигорин, уже работавший на Охтенском пороховом заводе, с помощью администрации завода определил Михаила Чигорина в Гатчинский сиротский институт.

Основанный в 1803 г. в качестве Сельского воспитательного дома, в 1837 г. институт был преобразован в среднее закрытое учебное заведение (нечто вроде юридического училища) «для воспитания сыновей военных обер-офицеров и гражданских чиновников до IX класса

включительно», т. е. для сирот мелких чиновников и офицеров. Детей готовили в канцеляристы, воспитывая будущих надежных «слуг царёвых», нерассуждающих, забытых Акакиев Акакиевичей. Согласно программе, воспитанники должны были изучать математику, химию, физику, географию, историю, французский и латинский языки, русскую словесность и «закон божий», бывший в те времена самым обязательным предметом — пробным камнем будущей политической благонадежности. И сейчас старики, учившиеся в царской гимназии, могут рассказать, что значило до революции для ученика получить по «закону божьему» хотя бы четверку. Это было подлинным несчастьем, зловещим предвещанием дальнейших неприятностей, неудачнейшим жизненным дебютом, за которым иногда следовал прямо «переход в эндшпиль» — исключение из гимназии с «волчьим паспортом». А Чигорин ухитрился по этому важнейшему в те изуверские времена предмету получить годовую тройку, что, конечно, свидетельствовало о полном отсутствии набожности.

Да! У юного Чигорина не было оснований верить в доброго бога и даже проявлять чисто внешнюю религиозность. Девятилетний сирота сразу окунулся в мрачайшую бытовую обстановку, сходную с тою, которая столь живо описана в «Очерках бурсы» Помяловского. В Гатчинском Николаевском сиротском институте (носившем, как явствует из приведенного официального названия, имя державного палача Николая I) свирепствовала излюбленная этим императором палочная дисциплина. Чуть-что — розги вплоть до еженедельной обязательной порки, карцер Пища была отвратительная (жидкий суп, несвежая каша, прогорклое масло, затхлый хлеб). Все это сопровождалось вошедшими в систему провокационными придирадками и издевательствами институтского начальства. Особенной жестокостью отличались директор института Доливо-Добровольский и воспитатель Игнациус. Конечно, все это травмировало нервную систему учеников и, несомненно, отрицательно сказалось в дальнейшей жизни М. И. Чигорина, на его спортивной выдержке во время шахматных соревнований.

Справедливость требует, однако, отметить, что и среди воспитателей хотя изредка, но попадались, как тогда говорили, светлые личности. В некрологе воспитателя

П. М. Цейдлера говорится: «Благодаря ему в институте прекратились телесные наказания и отдача за малейшую провинность в солдаты, поднялся у воспитанников интерес к знанию, так что часть из них стала попадать в высшие учебные заведения».

А благодаря другому классному надзирателю — учителю немецкого языка Шуману шахматная игра стала излюбленным и, вероятно, единственным культурным развлечением воспитанников. Многие для нее бросили потаенные выпивки и картежные игры, которые процветали в почти тюремной атмосфере сиротского института.

В. Малаховский в журнале «Исторический вестник» за 1914 г. так вспоминает о Шумане:

«Увидит, бывало, воспитанника в перемену и подзовет к себе:

— Ты что делаешь? Иди-ка, иди сюда.

И словно по шучьему велению, появлялась шахматная доска, и ученик и учитель старались обыграть друг друга».

Шуман, познакомив шестнадцатилетнего Чигорина с основными правилами игры, пробудил у него страстный интерес к шахматам, причем, надо сказать — на свою голову! Сам Шуман играл очень слабо и вскоре стал получать от Чигорина ладью вперед, а на равных с ним уже играть не мог, хотя, по-видимому, оба — и учитель и ученик — не имели представления ни о дебютах, ни о типичных комбинациях и маневрах середины игры, ни о технике эндшпиля. Но именно потому, что ученик и учитель равно были не сведущи в шахматной науке, исключительное природное дарование Чигорина давало ему подавляющий перевес над Шуманом.

Шахматы стали и отрадой Михаила и средством забытья от гнетущей действительности. Такими они были, к слову сказать, и для заключенных в одиночных камерах царских тюрем, которые перестукиванием передавали друг другу очередные ходы и разыгрывали вслепую шахматные партии.

ДИРЕКТОР ПРОСЧИТАЛСЯ, НО...

Гордая, страстная, свободолюбивая натура Чигорина не могла примириться с варварским режимом института, в котором, видимо, и учеба была поставлена из рук вон

плохо. Произведенный в 1863 г. переход с пятилетнего образования в институте на семилетнее не улучшил положения. Достаточно сказать, что такой одаренный подросток, как Миша Чигорин, за восемь лет пребывания в институте полностью закончил только четыре класса. Из пятого же класса семнадцатилетний Чигорин был исключен за участие в бунте воспитанников. Бунт начался с того, что воспитанники заявили воспитателю Игнациусу коллективный протест против издевательств над ними и по поводу плохого питания. Протест был им отклонен. На следующий день один из воспитанников демонстративно отказался поцеловать после богослужения руку священника, за что был немедленно посажен в карцер. А когда делегация старшеклассников пошла к директору ходатайствовать за товарища, Доливо-Добровольский встретил ее нешуточной угрозой отдать всех в солдаты. Терпение юношей лопнуло, и директор был избит ими до потери сознания «в темную», так как керосиновая лампа в начале этого стихийного взрыва была кем-то предусмотрительно погашена.

Завязалось дело, которое в незапамятные николаевские времена могло бы для юношей кончиться очень печально. Об аналогичном историческом факте рассказывает, например, Лев Толстой в «Хаджи Мурате»: за ничтожную рану перочинным ножиком, нанесенную студентом профессору, по решению царя студент двенадцать раз был проведен «сквозь строй», что означало медленную, мучительную смерть. Но к моменту бунта в Гатчинском сиротском институте политическая обстановка в России изменилась. Николай I давно умер, а поражение в Крымской войне вызвало рост оппозиционных настроений в стране, который вынудил его преемника Александра II вступить на путь буржуазных реформ. Расправа над воспитанниками-сиротами была бы резко осуждена общественным мнением. Поэтому педагогическая следственная комиссия, не желая разоблачать зверские нравы, царившие в институте, и выносить сор из избы, постаралась замять дело. После допроса всех воспитанников пятого и шестого классов, проявивших редкие стойкость и единодушие, директор был уволен в отставку «по болезни», а семеро учеников, в том числе Михаил Чигорин, были исключены из института. Однако каждому «мятежнику» было выдано свидетельство

о пройденных науках с правом поступления на должность без полагавшегося тогда экзамена на низший чин и «взаимообразно» дано пособие — 60 рублей, видимо, для того, чтобы он не рассказывал о мрачных порядках, вызвавших бунт. Надо полагать, что обе стороны — и администрация института и ученики — когда дело было замято, вздохнули с облегчением.

Любопытно, что, согласно выданному Чигорину свидетельству, у него были по алгебре и геометрии пятерки, а по русскому языку двойка! О тройке по «закону божьему» я уже упоминал.

Семнадцатилетний Чигорин, покинув институт, оказался на попечении тетки (сестры отца) Феклы Ивановны, имевшей маленький домик на окраине Петербурга.

Чем занимался следующие три года Михаил Чигорин, точно неизвестно. Судя по всему, он пробавлялся случайными заработками, а свободные часы отдавал чтению и самообразованию, так как трудно иначе представить себе, каким образом нищий полуграмотный подросток за несколько лет смог превратиться в разносторонне культурного человека, общественника, живо интересующегося судьбами родины, пылкого литератора, сознающего мощь и значение печатного слова для пропаганды любимого дела.

В конце 1871 г. Чигорину, которому еще не исполнилось даже юридического совершеннолетия, удалось устроиться на постоянную службу «исправляющим должность столоначальника». Чиновничьей карьеры Чигорин не сделал, да, по-видимому, нисколько и не стремился к ней, рассматривая службу лишь как возможность после трудового дня предаваться шахматной игре. Прослужив одиннадцать с половиной лет, Михаил Иванович Чигорин ушел в отставку в чине губернского секретаря, т. е. все эти годы был и остался мелкой канцелярской сош-

М. И. Чигорин в молодости

кой. Большую часть своего ничтожного жалованья, получаемого в последние годы перед отставкой, Чигорин, как мы увидим дальше, тратил на издание убыточного шахматного журнала. Конечно, этим была очень недовольна первая жена Чигорина — Ольга Петровна. Женился он на ней в конце семидесятых годов, имел дочь, но спустя некоторое время жена, не выдержав постоянной нужды, ушла от него, забрав ребенка. Дальнейшие отношения между супругами ограничивались тем, что сбежавшая жена любезно присылала мужу счета для оплаты — своеобразная форма алиментов. Второй брак Чигорина, последовавший значительно позже, также был неудачным. И шахматы, которым беззаветно отдался Чигорин, заменили ему все!

ЛИШЬ «ВЕКОВАЯ ТИШИНА»?

Для молодого шахматиста наших дней, привыкшего к могучему размаху советского шахматного спорта, к тысячам зрителей на чемпионатах СССР и матчах на мировое первенство, к десяткам тысяч участников массовых всесоюзных и республиканских соревнований, масштабы дореволюционной шахматной жизни могут показаться жалкими. Тем более 85—90 лет назад, когда Чигорин делал свои первые, робкие шаги в качестве начинающего любителя.

И действительно, количество организованных любителей шахматной игры — членов шахматных клубов и обществ — тогда исчислялось десятками человек.

Первый русский шахматный клуб, открывшийся 27 марта 1853 г. в доме богатого мецената, много сделавшего и для русской литературы и для шахмат, графа Кушелева-Безбородко, насчитывал меньше ста членов. Среди них были такие прославленные имена, как Толстой, Тургенев, и такие выдающиеся шахматные специалисты, как Петров, Урусов, Шумов, В. Михайлов. Клуб посещали в основном, кроме нескольких «профессиональных» шахматистов, крупные чиновники, военные, представители петербургской аристократии. Однако их интерес к игре постепенно охладел, и в конце 1860 г. клуб закрылся.

Значение этого клуба было в том, что это была первая русская шахматная организация, и именно с 1853 г.

следует вести счет юбилейным датам отечественного шахматного движения. Другой заслугой клуба было то, что стоявшие во главе его высококвалифицированные шахматисты напечатали тщательно продуманный и отредактированный «Устав шахматной игры» — первый отечественный шахматный кодекс и в течение 1859—1863 гг. выпускали журнал «Шахматный листок».

Только полгода просуществовало «Общество любителей шахматной игры», открывшееся в январе 1862 г. и тоже имевшее лишь несколько десятков членов. Оно было закрыто петербургским генерал-губернатором из-за того, что в клубе наряду с шахматной игрой велись разговоры на актуальные общественные темы того времени. Частым посетителем этого клуба был вождь русской революционной демократии Н. Г. Чернышевский и другие прогрессивные деятели. Но было бы ошибочно судить по ничтожному количеству членов этих и других русских шахматных клубов о низком уровне шахматной культуры в России девятнадцатого века, об отсутствии в стране интереса к шахматам. Конечно, нельзя сравнивать эти показатели с цифрами нашего, социалистического общества, насчитывающего два с половиной миллиона организованных шахматистов, но можно смело утверждать, что количество любителей шахматной игры в царской России было не меньше, чем в любой другой стране того времени, и значительно больше, чем в современных нам капиталистических шахматных союзах. Даже сейчас, например, по данным Международной шахматной федерации, в США насчитывается всего три тысячи организованных шахматистов, во Франции — две тысячи, в Италии — меньше полутора тысяч, в Австрии три с половиной тысячи и т. д., а ведь в девятнадцатом веке эти страны считались ведущими в шахматном отношении.

В конце семидесятых годов прошлого столетия в Берлине было два шахматных клуба. В одном — 64 шахматиста, в другом — 28. В Вене, Париже, Лондоне количество членов шахматных клубов колебалось от 100 до 120.

Среди русской интеллигенции девятнадцатого века любители шахматной игры насчитывались, по меньшей мере, десятками тысяч. Не случайно, хотя и чисто стихийно, выдвинулись из ее рядов такие шахматисты международного класса, как Петров, Шумов, братья Уру-

совы, Винавер, Яниш, Алапин, Ашарин, Бескровный, Клеменц, Соловцов, Хардин и многие другие.

Но дело в том, что шахматы в царской России до появления Чигорина были лишь камерной, салонной игрой, которую вели в тесном кругу знакомые между собой люди, или «кафейной» игрой, практиковавшейся в узком кругу профессионалов, игравших на ставку в кафе с состоятельными «любителями». Шахматная игра не являлась, как в наши дни, международным спортом и своеобразной отраслью национальной культуры.

Сказывалось, конечно, и враждебное отношение царского правительства к любым формам общественного объединения, о чем свидетельствует и закрытие шахматного клуба 1862 г., и запрещение Чигорину организации Всероссийского шахматного союза и десятки подобных фактов.

Вследствие салонного или «кафейного» характера игры, естественно, снижался и ее общественный авторитет, и именно такой характер игры заслуженно высмеян в известном рассказе Куприна «Марабу». Чигорину принадлежит великая заслуга поднятия шахматной игры в глазах русского общества на высоту искусства и вывода ее из рамок частных домов и кафе на торную дорожку отечественных и международных соревнований.

Сам Чигорин отчетливо сознавал слабую организованность русской шахматной жизни и стоящие перед ним задачи и высказывал это в печати. При чтении приводимых ниже фрагментов из журнальной статьи Чигорина, относящейся к 1885 г., надо учитывать, конечно, цензурные условия, вследствие чего он, как и любой другой прогрессивный журналист той эпохи, вынужден был прибегать к эзоповскому языку.

«Существует широко распространенное, твердо установленное мнение,— писал Чигорин,— что у нас в России, сравнительно с западно-европейскими странами: Германией, Австрией, Францией, особенно же — Англией и Северными Американскими Штатами, число любителей шахматной игры ничтожно. И точно: видя открытую, живую и блестящую шахматную жизнь на Западе и ощущая с другой стороны непреодолимую вялость и мертвенность разных явлений шахматной жизни в России — прийти к подобному заключению неудивительно.

Но будет ли это заключение верным или нет — другой

вопрос. Шахматы исстари знакомы русским, и было бы удивительно предположить, что нет шахматистов на Руси. Легко может быть, что шахматистов на Руси достаточно и даже очень, да только мало шахматистов, не стесняющихся играть публично. Случалось ли вам наблюдать, как не любит русский шахматист играть на людях, публично, и как считает он себя, в случае проигрыша, навеки нерушимо опозоренным?

Отсюда характерная разница между русским и заграничным шахматистом. Последний, приученный развитой общественностью не стесняться, что называется, учится шахматам публично, пробуя в них свои силы без стеснения, берясь за теорию, за книжки,— и все это, конечно, для собственного удовольствия, в минуты досуга, тогда как наш шахматист избегает всякой публичности, играя только в своем закоулке. Отсутствие в нашей шахматной жизни общественного характера не осталось без влияния на нашу шахматную литературу, в которой мы встречаем почти исключительно какие-то бесшабашные издания... Но отсутствие в нашем шахматном мире общественности и недостатки нашей шахматной литературы вовсе не доказывают отсутствия у нас шахматных игроков. Те, кто серьезно стали бы отстаивать вышеприведенную мысль о сравнительной многочисленности шахматных игроков в Западной Европе, показали бы тем самым незнание дела. Шахматистов там, может быть, и не больше, чем у нас, но все они на виду, все действуют публично...»

Обрисовав активность заграничных шахматистов, Чигорин ставит вопрос: «Картина шахматной жизни на Западе выходит, как никак, блестящей, поражающей. Что же у нас на Руси? Лишь «вековая тишина»? *

И отвечает сам на вопрос так: «Мы имеем полное основание оставаться при нашем утверждении, что отсутствие среди русских шахматистов общественности скрывает истинную суть дела, истинное отношение русского человека к нашей благородной игре...»

* Это выражение взято Чигориным у его любимого поэта Некрасова. Девять лет спустя, в 1894 г., Чигорин приводит в другой своей статье строфу Некрасова полностью:

В столице шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,—
Там вековая тишина.

«В общей работе, удесятеряющей силу отдельной личности,— писал далее Чигорин,— есть нечто удивительно привлекательное. Матчи, конкурсы, турниры и составляют в деле шахмат формы обмена между собою знаниями и наслаждениями, и в них члены шахматного общества находят то связующее, которое не легко разорвать. Таким образом, в бойких живых формах международной шахматной жизни — залог их устойчивости.

В этом решение нашего вопроса», — делал вывод Чигорин.

ПОД СТУК БИЛЛИАРДНЫХ ШАРОВ

Забегав несколько вперед, я осветил те мысли и настроения, которые волновали молодого шахматиста Михаила Чигорина. Когда в начале семидесятых годов он получил возможность вечерами предаваться любимой игре, выяснилось, что для серьезной, творческой игры нет соответствующих условий. Возникшее в 1869 г. в Петербурге Общество любителей шахматной игры, «президентом» которого был Шумов, просуществовало около года. Потом оно влилось в качестве шахматного кружка, получив отдельную большую комнату, в «Немецкое собрание», иначе «Шустерклуб», объединявший иностранных коммерсантов русской столицы.

Однако чинность и роскошь «Шустерклуба» угнетающе действовали на «допущенных» туда русских любителей шахматной игры — мелких служащих, журналистов, артистов и всякого рода представителей петербургской богемы. Они чувствовали себя незваными гостями, вторгшимися в своеобразный иностранный сэттльмент, такими воронами в павлиньих перьях.

Допускались русские шахматисты и в Английский клуб, чемпионом шахматного кружка которого был Фильд, игравший довольно слабо. В 1874 г. он проиграл матч Шифферсу со счетом —4, +1.

Охотнее всего шли петербургские шахматисты в расположенный в центре города на Невском проспекте ресторан «Доминик», названный так по имени первого владельца — швейцарца Доминика Риц-а-Порта. Там посетителям наряду с выпивкой и едой предоставлялась возможность поиграть в бильярд, в домино, в шашки и шахматы. Прокат шахмат в течение часа стоил двадцать

копеек — цена по тем временам немалая. Для того, чтобы поиграть вечер — пять часов, надо было платить рубль, а жалование мелкого чиновника в те времена колебалось от 25 до 50 рублей. Чигорин в середине семидесятых годов уже имел немалый служебный стаж, но получал 50 рублей.

Поэтому шахматисты, переполнявшие ресторан «Доминика», делились на два сорта: состоятельные любители шахматной игры, для которых несколько рублей за вечер не составляли расчета, и профессиональные шахматисты, игравшие с этими клиентами на денежную ставку. Профессиональные шахматисты шутливо именовали себя «доминиканцами», своих клиентов — «пижонами», а стандартную денежную ставку в 25 копеек — «франком», согласно тогдашнему соотношению русской и французской валют. Впрочем, ставки иногда были и более высокие, вплоть до нескольких рублей за партию.

Конечно, играть «на равных» было неинтересно ни «пижонам» ни «доминиканцам». Первые проигрывали бы в несколько минут без всякой борьбы своим искусственным противникам, и тогда столь дорогое удовольствие отпугнуло бы их от игры в кафе. «Доминиканцы» это прекрасно понимали. А ведь каждому из них было интересно заполучить постоянного партнера, пускай слабого, но охотно оплачивающего игру со знатоком. Да и чисто спортивное честолюбие заставляло «доминиканца» стремиться к борьбе с приблизительно равными шансами. Поэтому — не только в России, но и во всем мире — в девятнадцатом веке, да и раньше, игра на денежную ставку между партнерами разной силы стимулировалась дачей вперед — форой.

Мастеров и гроссмейстеров в те времена не было, точнее — не было официальных носителей такого звания, а сильнейших шахматистов называли старинным итальянским титулом «маэстро», так же как, например, музыкантов или певцов.

В Петербурге и Москве шахматисты по силе игры делились на пять категорий. Обычно практиковались такие форы. Шахматисты первой категории, самые сильные, давали вперед второкатегорникам пешку и ход, т. е. играли обязательно черными и снимали у себя пешку f7. Шахматист третьей категории получал от первокатегорника фору пешку и два хода, т. е. он делал бе-

лыми сразу два хода при отсутствии в начальной позиции у партнера пешки f7. Однако шахматист четвертой категории играл с первокатегорником обязательно черными, получая зато вперед ферзевого коня. Шахматист пятой категории от первокатегорника, играя черными, получал вперед ладью. Такая же пропорция соблюдалась при встречах между собою шахматистов разных категорий. Например, шахматист второй категории давал вперед шахматисту пятой категории коня, шахматист третьей категории шахматисту четвертой категории — пешку и ход и т. п. Ферзя вперед давали только самым слабым, начинающим шахматистам.

По этой системе проводились не только отдельные партии в кафе, но и разыгрывались в клубах вплоть до начала века целые турниры. Квалифицированных шахматистов было тогда очень мало и еще меньше было шахматистов высших категорий, так что провести, например, турнир одних первокатегорников, хотя бы с десятью участниками, было невозможно. Поэтому организовывались так называемые турниры-гандикапы. Например, играют три первокатегорника, четыре шахматиста второй, шесть — третьей, пять — четвертой, два — пятой категории, и, согласно приведенному выше «табелю о шахматных рангах», каждый участник дает обладателю низшей категории соответствующую фору. Немудрено, что такие турниры-гандикапы иногда заканчивались тем, что на первое место выходил шахматист третьей или четвертой категории, опережая опытейших первокатегорников. Но обычно все же побеждали сильнейшие, опытейшие, талантливейшие шахматисты.

Турниры-гандикапы вышли из практики лишь в начале двадцатого столетия, во-первых, из-за появления большого количества шахматистов, что позволило организовывать турниры шахматистов равной силы, во-вторых, из-за резко повысившейся техники игры и возросшего понимания элементарной дебютной стратегии, благодаря чему давать вперед пешку и ход или (тем более!) коня или ладью стало попросту невозможно. Но игра на ставку в нашей стране сохранилась вплоть до создания централизованной советской шахматной организации, а за рубежом процветает и сейчас.

Еще в первые годы революции московские «доминиканцы» культивировали игру на ставку, не гнушаясь

любимым противником. Когда я четырнадцатилетним мальчиком в 1921 г. робко вошел в Московский шахматный клуб, ко мне тотчас подскочил бодрый седовласый старичок Г. А. Гельбак и предложил сыграть на ставку, посулив вперед коня. Я был немного ошеломлен, так как не предполагал, что придется играть на деньги и вспомнил, что Гельбак считается сильным первокатегорником чигоринского времени, но, подсчитав свои ресурсы, согласился играть. После нескольких проигрышей на дачу коня и потом на пешку и ход обескураженный «охотник за черепами» предложил мне играть «на равных», и тогда борьба пошла с переменным успехом. Все же я ушел домой с выигрышем в несколько миллионов рублей.

Впрочем, не принимайте меня, читатель, за шахматного Мюнхгаузена, а Гельбака — за графа Монте-Кристо. «Миллионы» тогда никого не удивляли. В то время, накануне появления прочного советского «золотого» рубля, была дикая инфляция. На свой выигрыш я не мог купить ни яхты, ни автомобиля, а ограничился покупкой на Сухаревке солидной порции мороженого и старинного шахматного «Самоучителя» Шифферса. А номер журнала «Шахматы» в 1922 г. стоил 2 500 000 рублей!

Любопытно, что игра на ставку господствовала даже в сеансах одновременной игры. Твердого гонорара за сеанс маэстро прошлого века не получал, а каждый участник сеанса вносил два рубля. Однако лишь от искусства игры участника сеанса зависело: плакали эти денежки или возвращались к прежнему хозяину или даже приносили ему прибыль. Если участник сеанса проигрывал, деньги шли сеансёру. Если он делал ничью, то получал деньги обратно. Но если проигрывал маэстро, то участник сеанса не только получал свои деньги назад, но и столько же ему выплачивал сеансёр. Проще говоря, творческий труд маэстро не оплачивался совсем, а просто он играл на ставку не с одним, а со многими противниками.

Таковы были шахматные нравы, процветавшие в джунглях русского капиталистического общества, где и шахматист шахматисту был волк!

Вот такая бешеная погоня за «франками» — четвертаками, такая игра на ставку на равных с сильным противником или на дачу вперед со слабым под лозунгом

«Кошелек или мат!» процветала в кафе «Доминик» в Петербурге в то время, когда бессребреник-идеалист, человек, сурово осуждавший всякое стяжательство и сам жертвовавший всем, чем можно, на пользу шахматного дела, Михаил Чигорин стал постоянным посетителем этого своеобразного шахматного центра столицы России. Это было в 1873 г. Сначала Чигорина завсегда-тай кафе отнесли к разряду «пижонов», но очень быстро он стал одним из сильнейших «доминиканцев», хотя презирал до глубины души и этих мелких халтурщиков и самые условия игры, с которыми приходилось мириться и которые были совершенно неподходящими для серьезного шахматного творчества.

«Какими крепкими нервами, какой крепкой головой должен обладать шахматист, играющий у «Доминика»! — писал несколько лет спустя Чигорин. — Если расположению духа, небольшому нездоровью знаменитые игроки приписывают иногда причину своего поражения, то что сказали бы они, или лучше, — как играли бы они в душной, дымной атмосфере среди шума игроков других профессий (домино, бильярд). Трудно предположить, чтобы игра при таких неблагоприятных условиях совмещала бы правильность и изящество, но, несмотря на это, все-таки «Доминик» чаще и больше посещается, чем клуб».

Когда «Доминик» в 1877 г. закрылся на ремонт и шахматисты перекочевали в другой ресторан, Шумов в таком выпретенном стиле описывал оба шахматных центра:

«Шахматный приют, много лет существовавший в кафе-ресторане Доминика, недавно закрылся. Шахматисты, собиравшиеся там, наконец покинули любимый уголок, избрав себе другое поле для сражений; они завоевали комнату в ресторане Прадера, благодаря тому, что владелец его сам большой любитель шахматной игры. После доминиковского угла целая комната показалась увлекающимся шахматистам ни более, ни менее как целым миром. Зато в прежнем уголке было гораздо оживленнее: иногда до сражавшихся в шахматы там долетали бильярдные шары, а непрерывная стукотня от них и от костей домино казалась беглым огнем дерущихся батальонов, и весь этот шум часто покрывался победными криками, похожими на «ура»: вечно расстилавшийся густой дым мешал сразу рассмотреть не толь-

ко шахматные фигуры, но и людей — надо было прежде отмахнуть его платком; если не пахло порохом, то — гораздо хуже... Вообще, казалось, будто происходит настоящее сражение. Теперь в новом помещении происходит битва в тишине, свойственной одним шахматистам».

Вот в какой «доминиканской обстановке» развивался галант Чигорина. Ясно, что она тоже расшатывала нервы и здоровье великого шахматиста, не говоря уже о том, что и сама игра в ресторанах вела за собою употребление спиртных напитков, и каждый шахматист незаметно, понемногу привыкал к их постоянному употреблению, тем более, что он использовал их не для простого удовольствия, а как допинг, желая подстегнуть себя алко-голем.

«ТРУДЕН ПЕРВЫЙ ШАГ»

На шахматной арене Чигорин выступал в начале семидесятых годов в ранге шахматиста слабейшей, пятой, категории и, начав принимать систематическое участие в турнирах-гандикапах, быстро продвигался по квалификационной лестнице.

Надо сказать, что турниры-гандикапы имели и плохие и хорошие стороны. Для сильного шахматиста первой категории, конечно, играть, например, без коня или ладьи со слабым шахматистом было определенно вредно. Он не только привыкал к плохой игре партнера, но и всю начальную стадию партии должен был сознательно разыгрывать неправильно, т. е. не согласно дебютной теории, а вопреки ей, ставя своей основной целью, избегая всяких разменов, запутать партнера в сложной позиции и потом переиграть его в головоломной борьбе. Правда, у первокатегорников тоже развивалась тактическая находчивость и комбинационное дарование, но не в творческом отношении, как в борьбе против равного по силе противника, а по линии изобретения иногда хитрых, иногда наивных, но всегда чисто-психологических ловушек. Например, якобы подставлялась пешка или фигура Малоискушенный противник радостно хватал ее, чтобы через несколько ходов получить форсированный мат. Совершенствоваться даже в гамбитах сильный шахматист в турнирах-гандикапах не мог.

Зато для слабого, но даровитого, быстро развивающегося шахматиста гандикапы давали исключительную

возможность встретиться с опытными, сильными партнерами, поучиться у них мастерству комбинаций и точности расчета и наглядно убедиться в полезности основных принципов шахматной стратегии, вроде необходимости быстрейшего развития фигур, незамедлительной рокировки, важности быстрой мобилизации всех сил и координирования действий фигур. Начиная любитель шахматной игры нашего времени такой возможности не имеет и встречается с мастерами лишь изредка в сеансах одновременной игры, а это далеко не то, что турнирная партия один на один.

Современник Чигорина Л. Велихов в своих воспоминаниях свидетельствует, что Чигорин «особенную пользу видел в турнирах-гандикапах... Полезность турниров-гандикапов для слабейших игроков, которые играли с шансами на успех с сильными шахматистами и на опыте учились у них, была очевидна. «Я сам,— пишет Велихов,— играл когда-то с Чигориным на ладью и ход, и затем, последовательно пройдя все категории (приз давал право на повышение квалификации), возвысился до первой».

У читателя, естественно, возникает вопрос: откуда же брались деньги на призы, если игра шла в кафе, а клубы закрывались из-за отсутствия средств. Ответ прост. Каждый участник турнира-гандикапа вносил турнирный взнос и из их общей суммы выделялось несколько призов. Победители турниров (если они не были первокатегорниками) получали призы и переводились в следующую категорию. Первокатегорники, естественно, имели лучшие шансы на шахматный заработок, а для остальных участников турнирный взнос был платой за шахматную учебу.

Такую же возможность практиковаться с самым сильным шахматистом имел любитель, играя на деньги и на фору. И хотя для маэстро не было ни удовольствия, ни пользы играть со слабым партнером, но власть денег в капиталистическом обществе, к сожалению, такова, что вместо совершенствования в игре с равными противниками ведущие шахматисты столицы целый вечер сидели у «Доминика», подстерегая богатого клиента, подобно паукам, ожидающим, пока муха не запутается в паутине.

Сильнейшим шахматистом Петербурга в шестидесятых годах считался бывший морской чиновник Илья

Степанович Шумов. Это был не только остроумный практик игры, но и составитель шахматных задач, которые он обычно снабжал веселым стихотворным комментарием. Эти задачи Шумов называл скахографическими, т. е. изобразительными, потому что расположение фигур в них напоминало тот или иной предмет или грубо символизировало какое-либо сенсационное политическое событие. Шумов вел постоянный шахматный отдел в популярном журнале «Всемирная иллюстрация». В течение многих лет это был единственный печатный орган, хотя и скупой, но все же отражавший шахматную жизнь Петербурга, Москвы, провинции и способствующий выявлению молодых дарований. Образец скахографической композиции Шумова приведен на стр. 28.

В начале семидесятых годов на смену Шумову пришел новый фактический чемпион русской столицы молодой учитель математики Эммануил Степанович Шифферс, ровесник Чигорина, ставший спустя несколько лет постоянным его соперником. Шифферс вырос в семье, в которой все: и отец, и мать, и братья и сестры — играли в шахматы, и сам он с малых лет изучил правила игры и неустанно практиковался в ней с родными.

Когда Чигорин был еще шахматистом пятой категории, Шифферс уже играл в силу мастера и знал, по выражению Шумова, «всю шахматную теорию, как молитву «Отче наш»». Действительно, это был разносторонний, культурный знаток теории, создавший в дальнейшем превосходный для своего времени «Самоучитель» и много сделавший для отечественной шахматной литературы. Человек огромного роста, внушительной наружности, художник и лингвист, шахматный журналист, переводчик самого популярного до революции шахматного учебника Дюфрена, редактор отделов в журналах и газетах, друг шахматной молодежи — таким вошел Э. С. Шифферс в шахматную историю.

Еще студентом Шифферс приобрел репутацию выдающегося шахматиста, а с начала семидесятых годов стал настоящим «генералом ордена доминиканцев», непревзойденным специалистом по игре на дачу вперед. Как писал М. С. Коган, «столик Шифферса в ресторане всегда был окружен густой толпой народа, смотревшей с удовольствием, как Шифферс добывает свою очередную жертву». Старейший Шумов, которому в 1872 г.

было уже больше пятидесяти лет, не мог долго сопротивляться молодому маэстро.

В некрологе Шифферса, напечатанном в «Литературных приложениях к «Ниве» в 1904 г., Чигорин так охарактеризовал своего покойного коллегу:

«В Петербурге Эммануил Степанович был более известен как практик. Его талант проявлялся особенно в легких партиях — быстро играемых. Многие его партии, игранные в семидесятых и восьмидесятых годах, отличались не меньшим остроумием и красотой комбинаций, чем известная его партия с Гармонистом, за которую ему на турнире во Франкфурте был присужден особый приз, назначенный за наиболее красивую партию турнира».

Ясно, что юный Чигорин со своей творческой страстью и пламенной любовью к шахматам с первых же шагов подпал под обаяние красочной фигуры Шифферса и стремился играть только с этим пока сильнейшим шахматистом русской столицы, чтобы его догнать и перегнать. Сначала Чигорин получал от Шифферса вперед ладью, потом коня, потом пешку и ход и наконец стал играть с Шифферсом (и побеждать того!) на равных.

«Много я четвертаков переплатил Шифферсу за науку, оставаясь иногда без бутербродов, — вспоминал впоследствии Чигорин, — но успехи были налицо. Я страстно любил и ценил шахматы, и первая, далеко не случайная победа над сильнейшим игроком России доставила мне исключительную радость и предопределила мою судьбу».

К 1874 г. Чигорин уже был шахматистом второй категории и принял участие в крупном турнире-гандикапе Петербургского шахматного клуба. В нем играли пятнадцать шахматистов всех категорий. К первой были отнесены Шумов, Шифферс, Бескровный и Петровский. Эта четверка давала шахматистам второй категории (и в частности Чигорину) вперед пешку и ход, третьекатегорникам — коня, а остальным участникам — ладью. Играли в два круга. Первый приз завоевал Шифферс, второй — Шумов, третий — Чигорин. Шумов во «Всемирной иллюстрации» напечатал партию, выигранную им у Чигорина, и так охарактеризовал своего партнера:

«Третий приз достался молодому шахматисту второй категории, который в самое короткое время сделал бли-

стательные успехи, и к удивлению любителей, состарившихся в пятой категории и еще недавно побеждавших его в игре на равных, он сражается с ними теперь без коня, а с игроками первой силы так на так».

ЧИГОРИН — МАЭСТРО

Успех в турнире-гандикапе в декабре 1874 — феврале 1875 гг. как бы подвел черту периоду шахматной учебы и творческой юности Михаила Чигорина. Двадцатичетырехлетний шахматист получил общественную путевку в жизнь! Именно — общественную, так как хотя перевод в первую категорию был тогда морально равносителен теперешнему присвоению звания мастера, и таких шахматистов называли «маэстро», но это нигде не оформлялось юридически. Просто это давало Чигорину возможность играть в турнирах-гандикапах на дачу вперед, а с другими маэстро на равных. Но, конечно, авторитет Чигорина в кругах петербургских шахматистов очень повысился, поскольку Чигорин был включен в число сильнейших.

Сохранился портрет Чигорина начала семидесятых годов, очень непохожий на широко известные фотографии русского чемпиона в его зрелые годы. На нас смотрит задумчивый сухощавый юноша — жгучий брюнет с черными глазами, прямым носом, решительным, волевым подбородком. Лицо не вульгарное, лицо мыслителя, мечтателя, поэта. В этом лице нет ни спокойствия, ни благодушия, ни удовлетворенности жизнью. Чувствуется обаяние незаурядной натуры, и понятно, почему сильная, оригинальная личность молодого Чигорина неизменно вызывала симпатии друзей и ненависть врагов.

По воспоминаниям современников, Чигорин отличался крайней нервностью, вспыльчивостью («вскипит как молоко, но быстро отходит») и большой принципиальностью как в вопросах шахматной теории, так и в личных отношениях с людьми.

Д. Н. Павлов, познакомившись с Чигориным в девятых годах, пишет, что в Чигорине «поражала удивительная выдержанность его в обращении с окружающими, выработанная, вероятно, годами упорной борьбы с проявлениями бурного темперамента и лишь отчасти покидавшая его в моменты сильного волнения. Особенно

хорошо можно было наблюдать эту черту Чигорина во время серьезных состязаний: он всегда сидел за доской совершенно прямо и спокойно, сохраняя обычно корректность, а иногда мне случалось даже наблюдать, как в острые, напряженные моменты партии он судорожно садился на кисти рук, положенные с двух сторон корпуса на сиденье стула, чтобы удержать себя от непроизвольного касания фигур руками. Эта выдержанность придавала внешности Чигорина особую внушительность и выражение какой-то большой внутренней силы».

Эту интересную борьбу с собою, со своим страстным темпераментом, молниеносно оценивающего позицию шахматиста, отмечает и другой московский шахматист Н. П. Целиков:

«Во время турнира (в 1907 г.— В. П.) некоторые партии анализировались членами нашего кружка вместе с Чигориным. Он делился с нами своим богатым опытом, принимал активное участие в разборе различных вариантов, возникающих на доске. Конечно, каждый из нас спешил высказать свое мнение, предложить свое продолжение, зачастую непродуманное до конца. Чигорин упрекал нас в торопливости и вспоминал, что живость темперамента в молодости была иногда причиной его неудачных ходов.

— В особенно острых положениях,— говорил он,— я всегда старался держать руки в карманах, чтобы не сделать поспешного хода».

Уже цитированный мною Л. Велихов так описывает поведение Чигорина во время игры: «В манерах Чигорин отличался угловатой застенчивостью и в то же время какой-то буйной стремительностью. Он ходил быстро и бесшумно, словно плавал, неожиданно появляясь то здесь, то там. Только за игрой в шахматы Чигорин прочно садился на стул как вкопанный и мог сидеть так часами, нервно покачивая ногами в минуты затруднений и устремив пронизательный взгляд на доску. Он не курил и терпеть не мог табака, чем иногда пользовались расчетливые партнеры, разводя вокруг шахматной доски облака дыма крепких сигар.

Психологическая характеристика Чигорина нелегка,— его трудно разгадать. Чувствовался в нем весьма оригинальный самородок, с самодовлеющим характером, мало доступным влияниям извне. Одной из отличитель-

ных черт его характера было болезненное самолюбие, из-за которого ему часто приходилось страдать».

Из дальнейших пояснений Велихова, однако, видно, что под «болезненным самолюбием» он понимал обостренное чувство собственного достоинства у Чигорина, отсутствия раболепия перед тогдашними титулованными или богатыми шахматными меценатами, в чем читатель еще не раз убедится. Из нищеты, из народных низов пробился Чигорин к мировой славе и, естественно, чувствовал, что общественное уважение, которым он пользуется, делает его, по меньшей мере, равным любому современнику — будь то светлейший князь Дадриан-Мингрельский или миллионер Бостанжогло. Но его собеседники, привыкшие к преклонению перед титулом и богатством, не всегда правильно понимали благородные чувства Чигорина.

Настоящие же ценители шахмат, знатоки, даже при встречах с молодым, никому неизвестным Чигориным чувствовали, с кем имеют дело.

В конце 1875 г. Петербург посетил Симон Винавер, проживший всю жизнь (1837—1919 гг.) в Варшаве, но числившийся русским подданным и выступавший в международных турнирах как представитель Российской империи. В своем первом выступлении на Парижском турнире 1867 г. Винавер неожиданно завоевал второй приз выше Стейница, а спустя одиннадцать лет повторил свой успех — тоже в Париже, опередив таких шахматистов, как Блекберн и Андерсен. В 1882 г. в крупнейшем международном турнире в Вене Винавер поделил первые два приза с «самим» Стейницем, а на турнире в Нюрнберге в 1883 г. взял «чистый» первый приз.

Винавер проявил себя смелым изобретательным тактиком и большим мастером эндшпиля, который был ахиллесовой пятой даже многих выдающихся шахматистов прошлого века. В Петербурге Винавер принял участие в небольшом турнире, где, кроме него, участвовали Чигорин, выигравший в том же году матч у другого петербургского первокатегорника Н. И. Петровского (счет матча не сохранился), Шумов и Ашарин. Хотя Винавер занял первое место, но он был настолько очарован дарованием Чигорина, что стал уговаривать того выступить в международном турнире. При своих же дальнейших выездах за границу Винавер горячо рекомендовал Чиго-

рина вниманию тогдашних заправил европейского шахматного движения, и это несколько лет спустя (!) повело к приглашению Чигорина в Берлинский международный турнир.

Однако Чигорин сразу осуществить совет Винавера не мог. Он был связан своей чиновничьей службой и к тому же, вероятно, считал, что ему следует сначала победить всех отечественных соперников — прежде всего Шифферса и начавшего выдвигаться Алапина. Кроме того, у Чигорина созрел дерзкий план издания собственного журнала. Как расценивал эту для того времени смелую идею даже дружески относившийся к Чигорину Шумов, видно из сообщения в редактируемом им отделе «Всемирной иллюстрации». Среди решателей напечатанных задач был упомянут М. И. Чигорин, «намеривавшийся задать себе труднейшую задачу издавать шахматный журнал» (выделено разрядкой, чтобы обратить внимание читателя на шумовскую игру слов).

ЖУРНАЛИСТ И ТЕОРЕТИК

«Приобретать! Приобретать! Приобретать! Вот возгласы, которые раздаются со всех сторон в нашем практическом, очень практическом веке, среди водоворота спекуляций, ажиотажа, среди грома, стука машин... среди стука игральные костей и шелеста карт бесчисленного множества азартных игр, на которые употребляет все свое свободное время, свой досуг практический современный человек...»

Так начиналась передовая статья первого номера журнала «Шахматный листок», который имел гриф: «1 сетнябрь 1876 г.», сразу выдававший корректорскую неопытность редактора-издателя Михаила Ивановича Чигорина.

До Чигорина была только одна попытка издавать в России шахматный журнал, да и то в качестве приложения к журналу «Русское слово». Этот шахматный журнал выходил в 1859 г. в течение пяти лет вначале — в качестве приложения к журналу «Русское слово», издававшемуся Г. А. Кушелевым-Безбородко, а под конец — в качестве самостоятельного органа. Редактировал «Шахматный листок» петербургский литератор и страст-

ный любитель шахматной игры В. М. Михайлов. Вначале журнал питался главным образом иностранной хроникой и широко освещал творчество Морфи и других зарубежных шахматных знаменитостей, но затем стал печатать оригинальные отечественные статьи и теоретические исследования Петрова, Урусова и других ведущих русских шахматистов того времени.

М. И. Чигорин начал издавать шахматный журнал в сентябре 1876 г. Желая подчеркнуть творческую и национальную преемственность отечественной шахматной печати, он свой журнал назвал также «Шахматным листком». В своем «Шахматном листке» Чигорин вел пропаганду необходимости объединения русских шахматистов во Всероссийский шахматный союз и сразу начал борьбу за становление отечественной шахматной культуры.

С первых же номеров «Шахматного листка» перед нами в лице Чигорина выступает разносторонне культурный человек, общественник, шахматный историк и теоретик.

Нелегко было Чигорину наладить издание журнала! Он был одновременно и издателем, и редактором, и корректором, и основным сотрудником, и выпускающим, и экспедитором; все это — помимо канцелярской службы и активного участия в шахматной жизни Петербурга.

«Шахматный листок» приносил ввиду ничтожного тиража (сто двадцать подписчиков!) не прибыль, а убыток, но Чигорин, приступая к изданию, и не строил себе особенных иллюзий на этот счет и заранее готовился ко всевозможным материальным жертвам. Бескорыстие было его основной чертой.

Как видно из цитированного выше вводного абзаца журнальной статьи, Чигорин вообще отрицательно относился к спекулянтскому, предпринимательскому духу, характерному для той эпохи бурно развивающегося русского капитализма.

В цитированной выше передовой статье Чигорин подробно развивает мысль об общественной полезности шахматной игры для «развития фантазии, соображения, способности глубокого анализа и памяти». Он призывает к глубокому овладению шахматной теорией, к максимальному сотрудничеству всех русских шахматистов в возникшем журнале.

В том же номере находим обзор «Шахматные международные конгрессы и турниры», статью «Шахматы в России», шесть партий русских шахматистов, хронику «По всему свету» и пять партий зарубежных корифеев. Затем следует историческая статья о происхождении шахмат, излагающая различные теории о времени и месте возникновения игры. Сам Чигорин считал, что шахматы были изобретены в Индии, откуда непосредственно проникли в Россию. Заключается первый номер журнала разделом, наиболее ценным для шахматистов того времени: Чигорин начинает из номера в номер печатать «Курс дебютов» и курс «Концы игры». Любопытно, что в первом номере журнала Чигорин анализирует «Начало королевского коня» (1. e4 e5 2. Kf3). после чего следует «Защита Петрова, или русская игра конем». В конце номера — задачи русских и иностранных проблемистов.

Такой разносторонний и всеобъемлющий тип журнала строго выдерживался и в дальнейшем. К указанным разделам присоединяются еще библиография и критика. Отечественной шахматной культуре и истории русских шахмат посвящен ряд статей самого Чигорина и историка М. Гоняева.

От номера к номеру «Шахматный листок» становится все интереснее и самобытнее. Чувствуется, как из года в год формируются творческий характер Чигорина, его страстная принципиальность, его полная самостоятельность во всех вопросах шахматной теории. Уделял должное внимание Чигорин и теоретическому наследию своих предшественников. Например, в № 2 и 3 за 1876 г. на пяти страницах приведен перечень работ К. Яниша.

Психологически интересно, что Чигорин нередко помещал в журнале проигранные им партии, не боясь этой самокритикой подорвать свой авторитет.

С четвертого номера «Шахматный листок» имеет уже подзаголовок «Ежемесячный журнал, посвященный шахматной игре и ее литературе». С самого начала Чигорин воспринимал шахматы как своеобразную область национальной и международной культуры.

Улучшается от номера к номеру и качество журнала. Если первые номера кишат опечатками, то в последние годы существования журнала их почти не было. Чигорин набил руку и стал профессиональным журналистом, знакомым и с техникой набора и со всеми тонкостями по-

лиграфии. Улучшается заметно язык и стиль статей, хотя вследствие цензурных условий смелые мысли маскируются крайне туманной формой. Например: «Отсутствие общности интересов, выражающееся в такой политической, сословной и местной замкнутости, к сожалению, единственная причина, почему до сих пор не развился дух общей ответственности и взаимной пользы», или «Религия и естествознание произошли из одних побуждений, но дали различные результаты вследствие различных точек отправления. История развития знаний представляет собою историю развития человеческого мозга и его функций».

Читатель, вероятно, согласится, что указания на отсутствие демократизма в русском обществе и материалистический взгляд на науку и религию имеют довольно слабое отношение к шахматной игре, но они свидетельствуют о широком журналистском диапазоне Чигорина.

Периодически встречаются в журнале и сетования на пассивность провинциальных корреспондентов и вытекающую из этого бедность отечественной информации. Действительно, хроника состоит почти исключительно из освещения петербургской шахматной жизни и перепечаток из иностранных шахматных журналов.

К сожалению, самоотверженная издательская деятельность Чигорина все же не обеспечивала журналу такого тиража, который покрывал бы производственные расходы и давал бы Чигорину такой прожиточный минимум, чтобы он мог целиком посвятить себя любимому делу. В середине 1878 г. выход журнала приостановился на шесть месяцев. В № 2—3 за 1879 г. помещено сообщение «От издателя»: «Я решился предпринять издание «Шахматного листка» без достаточных денежных средств на издание. Я полагал, что подписных денег наберется столько, что легко покроются расходы на типографию, бумагу, публикацию и другие мелкие расходы. Если бы мое предположение оправдалось, то «Шахматный листок» мог бы выходить аккуратно и не был бы приостановлен, так как редакторский труд и труд литературный не оплачивался. Я и другие шахматисты посвящали ему свой труд безвозмездно. К сожалению, сумма подписки не могла покрыть расходы». Далее Чигорин обращается к состоятельным подписчикам с просьбой выписывать не один номер журнала, а несколько. Для безубыточного

издания журнала при подписной цене 5 руб. в год надо было иметь не меньше 250 подписчиков.

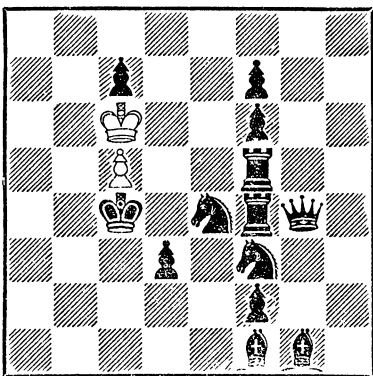
Призыв Чигорина дал совершенно неожиданный результат! Из ста двадцати подписчиков через некоторое время осталось только девяносто восемь, хотя, правда, некий Кондратьев из Тифлиса подписался сразу на 11 экземпляров. Но никто не последовал его великодушному примеру.

В первом номере за 1880 г. читаем такие полные горечи строки: «Предприятие наше — издавать в России шахматный журнал — было делом исключительно нашей любви к шахматной игре и желания распространить ее в России, а нисколько не делом какого-либо расчета... Журнал существует уже 4 года, а нам приходится пока еще терпеть только убытки».

Первые номера журнала за 1881 г. носят характер прощания с читателем. В № 1 появляется литографированный портрет Чигорина, к тому времени ставшего одним из сильнейших шахматистов мира. После этого вышли еще только два номера, причем оба — в жирной траурной рамке. Правда, вызвана была она официальным трауром по царю, убитому народолюбцами, но сейчас производит впечатление, будто журнал возлагал венок на свою собственную могилу.

Всего было выпущено «Шахматного листка» 52 номера. «Шахматный листок» сыграл большую роль в объединении русских шахматистов и в поднятии общего уровня игры в России. В 1877 г. Шумов опубликовал во «Всемирной иллюстрации» скахографическую задачу, где расположение фигур изображает первую букву фамилии Чигорина. После задания следовал стихотворный комментарий:

М. И. Чигорину от подписчиков
«Шахматного листка»

Черные — любители шахматной игры.

Белые переменяют позицию и о первого своего хода нисмотря на то, что противников несравненно больше, заставляют их отказаться от победы.

Изучая курс дебютов
В нашем «Шахматном листке»,
Мы какой достигли силы,
Полюбуйтесь на доске.
Против нас тут черных много,
Но любителей таких

Нам не страшны легионы:
Наше знание против них!
Место выберем другое,
Укрепимся и вдвоем
На ничью принудим черных,
Всех их ловко проведем.

Как видно, хорошее намеренье шахматного поэта искупало явные недостатки версификации. Смысл же последних стихов заключался в решении задачи. Белые переставляют короля на e3 и играют 1. c5—c6, после чего пат неизбежен.

СИЛЬНЕЙШИЙ ШАХМАТИСТ СТРАНЫ

Напряженная борьба Чигорина за создание первого классного отечественного шахматного журнала отнюдь не истощила его творческой энергии. Именно с основания «Шахматного листка» в 1876 г. можно отсчитывать славное тридцатилетие, в течение которого Чигорин совершенствовался во всех видах шахматной культуры: играл в турнирах-гандикапах и в обычных отечественных и международных турнирах, встречался в матчах с грозными соперниками, играл консультационные партии, играл по переписке и по телеграфу, решал задачи и этюды, издавал и редактировал журналы, вел шахматные отделы в газетах и журналах, корреспондировал в газеты о ходе соревнований, проводил сеансы одновременной игры — обычные и «вслепую», читал лекции по теории игры, вел многолетнюю полемику с другими крупнейшими теоретиками того времени, не щадя сил создавал петербургские шахматные клубы, гастролировал в Москве, в русской провинции, в Центральной и Западной Европе, в США и на Кубе, пропагандировал идею создания Всероссийского шахматного союза, лично организовал три первых чемпионата России, дважды оспаривал мировую шахматную корону.

Все это — без какой-либо правительственной и общественной поддержки, нередко вопреки бездушным и бессердечным шахматным меценатам, борясь с врагами, завистниками, интриганами.

Единственно, что упустил сделать Чигорин за четверть века своей поистине кипучей деятельности и чему нельзя не удивляться, — он так и не собрался написать

учебник шахматной игры, который еще больше способствовал бы распространению шахматной игры в России и явился бы, конечно, новым словом в убогой переводной учебной шахматной литературе той эпохи. Любопытно, что очень схожий с Чигориным и по стилю и по творческим убеждениям и по многогранности творческой деятельности другой великий русский шахматист Александр Алехин также не создал учебника по шахматам.

Но вернемся к Чигорину конца семидесятых годов. К Чигорину — издателю журнала, который он почти целиком делает сам, к Чигорину — мелкому чиновнику, к Чигорину, рвущемуся к личному первенству, — сначала Петербурга, потом России, потом всего мира.

Шахматный журнал был создан, и Чигорин надеялся, что подписчики с каждым годом будут прибывать, вследствие чего издание в конце концов станет рентабельным. Но он не просто тешился этой мечтой, а старался создать прочную основу для процветания журнала. Наряду со страстными призывами к объединению и развитию общественной инициативы в русской провинции и в Москве Чигорин старается организацией ряда интересных национальных соревнований всколыхнуть «вековую тишину»! Особенную активность Чигорин проявляет в 1878—1880 гг., он даже отказывается от полученного им в мае 1878 г. приглашения принять участие в Парижском международном турнире. Только шахматист может оценить такое самопожертвование! Выйти на международную арену, получить признание шахматного мира, выполнить норму мастера, — что могло быть привлекательнее для молодого, растущего Чигорина.

Но Чигорин предпочел направить все свои помыслы на организацию первого всероссийского турнира и, став во главе инициативной группы, разослал приглашение всем известным русским шахматистам прибыть к концу 1878 г. в Петербург. Правда, с самого начала был допущен просчет в виде попытки свалить все материальные тяготы на плечи иногородних участников. Участники всероссийского турнира сами должны были нести все расходы по проезду и содержанию во время соревнования и, кроме того, сделать взнос за право участия (!). Оргкомитет с Чигориным во главе надеялся путем подписки среди шахматных меценатов обеспечить лишь средства

для найма турнирного помещения и (частично) для призов.

В том же, 1878 г., Чигорин организует четыре партии по переписке между Петербургом и Харьковом, которые фактически ведет один. После трех лет игры по переписке Чигорин добился победы во всех встречах!

И одновременно со службой, выпуском журнала, подготовкой турнира, игрой по переписке Чигорин осуществляет свою давнишнюю мечту — «догнать и перегнать» непобедимого дотоле Шифферса. Вероятно, заодно он решил хорошенько потренироваться перед всероссийским турниром.

Весною 1878 г. Чигорин встретился со своим грозным сверстником в матче. Счет шел до семи выигранных партий. По-видимому, Шифферс еще помнил времена, когда он давал Чигорину вперед коня и оставлял того без копейки, и недооценил Чигорина-маэстро. Матч закончился блестящей победой Чигорина с большим перевесом: $+7, -3, =0$ (ничьи тогда были не в моде!).

Самолюбивый Шифферс тяжело переживал неожиданное поражение от своего прежнего «клиента» (так на профессиональном жаргоне «доминиканцев» именовался шахматист, постоянно проигрывающий другому). Он вызвал Чигорина на матч-реванш, который состоялся в том же году на тех же условиях. Борьба была упорная. Первые две партии выиграл Чигорин. Следующие семь партий дали равный счет (по три победы при одной ничьей), но просмотр Чигорина в выигрышной позиции в очередной партии, видимо, деморализовал его и окрылил Шифферса, который на финише добился четырех побед, потерпев лишь одно поражение. Общий счет матча $+7, -6, =1$ в пользу Шифферса.

Это было хорошим уроком Чигорину, который, решив усовершенствоваться в матчах (труднейшей форме шахматных соревнований), следующие два года посвятил исключительно им.

К концу 1878 г. выяснилось, что «просвещенные меценаты» не поддерживали должным образом идею чемпионата России, провинциальные же шахматисты были не настолько состоятельны, чтобы на свои средства ехать в Петербург, десять дней жить там, да еще платить за участие в турнире. Удалось привлечь, кроме семи столичных шахматистов, еще двух сильнейших москви-

чей — Соловцова и Шмидта. Но все же турнир, происходивший во время рождественских каникул (когда все чиновники и, стало быть, Чигорин были свободны от службы), оказался первоклассным соревнованием и прошел в крайне напряженной интересной борьбе.

Главным соперником Чигорина, кроме, конечно, Шифферса, были Алапин и Соловцов. Остальные участники были послабее.

Наибольший интерес из чигоринских соперников представлял Семен Зиновьевич Алапин, которому суждено было омрачать всю последующую жизнь Чигорина вечными претензиями на творческий и спортивный приоритет и неустанными интригами — «борьбой за власть» в петербургских шахматных клубах. Будучи на шесть лет моложе Чигорина, Алапин был по натуре антиподом великого русского шахматиста. Честолюбивый, энергичный, эгоистичный, разжившийся на лесных подрядах и всякого рода торговых операциях, в которых он помогал богатому отцу, Алапин мог годами переключаться на шахматы без всякой заботы о завтрашнем дне. В шахматной теории Алапин был убежденным последователем новой школы, возглавлявшейся Стейницем, и сам был незаурядным дебютным теоретиком, создавшим своеобразные системы, которые, однако, не удержались в практике наших дней.

Выдвинувшись в семидесятых годах в кругу «доминиканцев» как маэстро позиционного стиля игры, Алапин впоследствии много выступал за границей, куда часто ездил по торговым делам и где потом поселился окончательно, бывая в России лишь наездами. Играл Алапин в международных турнирах со средним успехом, иногда занимая призовые места, иногда оказываясь в хвосте турнирной таблицы. Первого приза в международном турнире не взял ни разу. В матчах против сильных партнеров играл неудачно, у второстепенных мастеров выигрывал.

Чигорин испытывал к Алапину явную антипатию и из-за крайнего теоретического догматизма Алапина и апломба, с которым тот высказывал и отстаивал свои ошибочные взгляды. Между ними в шахматной печати шла неустанная теоретическая полемика, и, как убедится в дальнейшем читатель, Алапин в стремлении дока-

зять правильность своих анализов не брезговал никакими средствами.

Отношения между ними всегда были вежливо враждебными. Лишь после смерти Чигорина Алапин дважды предпринял демонстративные шаги, которые, на первый взгляд, свидетельствовали об его изменившемся, дружественном отношении к памяти великого современника.

В начале 1908 г., тотчас после смерти Чигорина, Алапин взял на себя обязательство составить «Чигоринский сборник». Туда должны были войти, согласно опубликованному в шахматной печати проспекту, «биография, избранные партии и теоретические исследования покойного маэстро», — причем не только на основе литературных публикаций, но и личного архива Чигорина, переданного его вдовой Петербургскому шахматному собранию.

Трудно, конечно, было найти более неподходящего составителя такого «нерукотворного памятника» великому русскому шахматисту! Ведь Алапин всю жизнь боролся с Чигориным, отрицал его теоретические установки, принижал его творческое значение. И действительно «Чигоринский сборник» никогда не был составлен Алапиным, а местонахождение чигоринского архива до сих пор неизвестно. По-видимому, истинная цель «заявки» Алапина была не почтить память Чигорина, не воссоздать яркий облик великого шахматиста, а сорвать подобное мероприятие, предупредить возможность составления чигоринского сборника другим, чтящим память Чигорина литератором. Это тем более вероятно, что Алапин, умерший в Мюнхене пятнадцать лет спустя, ни в России, ни за рубежом не напечатал никаких воспоминаний о Чигорине, хотя знал того больше тридцати лет.

Второй демонстративный шаг Алапин сделал в 1914 г., когда прах Чигорина был перевезен из Люблина, где Чигорин умер в 1908 г., в Петербург. Алапин прислал на могилу Чигорина венок с надписью: «Талантливому, безвременно угасшему товарищу от С. З. Алапина». Нескромно снисходительный тон надписи, эпитет «талантливый» по отношению к гениальному шахматисту, которого таковым признавал весь зарубежный шахматный мир, не говоря уже о России, вряд ли можно рассмат-

ривать как дань уважения памяти Чигорина. Со стороны Алапина это была попытка подчеркнуть и «освежить» свой собственный авторитет и связать свое имя с именем великого Чигорина.

Невольно вспоминается такой случай. Булгарин, жестоко травивший писателя и историка Н. А. Полевого, пришел на его похороны и выразил желание нести гроб. К нему подошел П. А. Каратыгин и громко спросил: «Ну, зачем вам нести его мертвого? Ведь вы и при жизни его достаточно поносили!»

Возвращаясь к описанию петербургского «рождественского» турнира 1878/79 гг. Алапин, прекрасно понимавший общественное значение этого соревнования, объединившего, кроме Винавера, всех сильнейших шахматистов Российской империи, сыграл очень хорошо. Он набрал 6,5 очка из восьми партий, проиграв только Чигорину и сделав ничью с Ашариным. Столько же очков набрал Чигорин, проигравший Соловцову (в последнем туре!) и сделавший ничью с Шифферсом. Для выяснения первого и второго призеров между Чигориным и Алапиным была сыграна решительная партия, которую выиграл Чигорин, получивший первый приз.

Третье и четвертое места в турнире поделили набравшие по 5,5 очка Шифферс и Соловцов, а две добавочные партии между ними закончились вничью.

Красочной, яркой фигурой на шахматной доске того времени был и Александр Васильевич Соловцов. Родился он в Казани в 1847 г. и уже восьми лет научился от отца правилам шахматной игры, став его постоянным партнером. В 1869 г. Соловцов переехал в Москву, где стал выступать как пианист и заниматься преподаванием музыки, одновременно увлекаясь изучением шахматных дебютов. Соловцов быстро приобрел репутацию сильнейшего шахматиста Москвы. Выигрыш партии в описанном выше турнире у Чигорина достаточно говорит о силе Соловцова, а в следующем, 1879 году он добился нового яркого успеха. Между Москвой и Петербургом был организован матч по переписке. От северной столицы игру вел Чигорин, от Москвы — Соловцов, Шмидт и Бовыкин. Союзники одержали победу, в которой главная заслуга принадлежала, конечно, Соловцову. С какой серьезностью относился Соловцов к этому матчу, видно из того, что он занимался анализом позиций не только

днем, но и ночью. Возле его постели были расставлены шахматные доски, и он не ложился спать до тех пор, пока не отшлифовывал полностью все возможные варианты и не находил лучших ходов в обеих партиях. Это был типичный самородок, как говорили тогда — «натур-шпицер», по своему смелому, яркому, инициативному стилю очень похожий на Чигорина. К сожалению, в 1900 г. Соловцов почему-то отошел от шахмат, хотя умер только в 1923 г.

Забегая вперед, отмечу, что в дальнейшем Чигорин доказал свое полное превосходство над Соловцовым. В 1884 г. начавшийся между ними матч, правда, был прерван со счетом 1 : 1, так как Соловцов из-за личных дел не мог продолжать игру и Чигорину чисто формально была зачтена победа, но сыгранные до матча пять тренировочных партий между ними закончились в пользу Чигорина со счетом 4 : 1. Еще убедительнее выиграл Чигорин матч у Соловцова в 1893 г., добившись «сухого» счета 4 : 0.

Хотя победой в петербургском «рождественском» турнире 1878/79 гг. Чигорин доказал, что он является фактическим чемпионом России, вместе с тем еще не было твердого общественного убеждения, что он явно сильнее остальных маэстро. Прежде всего ему надо было доказать свое превосходство над корректным Шифферсом и неугомонным Алапиным. Прежде чем перейти к решающим схваткам с этими соперниками, Чигорин сыграл в 1879 г. четыре (!) тренировочных матча с Евгением Александровичем Шмидтом.

Выбор Чигорина пал на Шмидта, вероятно, по следующим причинам. Он уже в 1877 г. выиграл у Шмидта партию и был, стало быть, знаком с силой и стилем его игры. В «рождественском» турнире Шмидт, проиграв четыре партии (в частности, Чигорину) и найдя, что темп игры (20 ходов в час) для него непосилен, выбыл из соревнования, но вскоре в турнире московских шахматистов поделил первые два приза с Соловцовым, а в последующем коротком матче с ним добился счета 1 : 1. Шмидт был очень опытным, квалифицированным шахматистом и к тому же почти на тридцать лет старше Чигорина. Уроженец Эстонии, Шмидт долгое время жил в Германии, где два года редактировал известный журнал «Дейтче шахцайтунг», а потом поехал в Россию в

качестве преподавателя немецкого языка. Выдающийся теоретик и аналитик той эпохи, Шмидт представлял для Чигорина, стремившегося овладеть всем классическим наследием шахмат и новейшими теоретическими данными, особую привлекательность, и к тому же Шмидт играл лишь немногим хуже Соловцова, о котором Чигорин был высокого мнения.

Все матчи между Чигориным и Шмидтом закончились победой Михаила Ивановича с общим счетом $+15, -4, =3$.

Однако доказать свое превосходство над Шифферсом было труднее. Правда, в третьем матче Чигорин — Шифферс, происходившем в 1879 г., Чигорин одержал победу со счетом $+7, -4, =2$, но в турнире-гандикапе 1880 г. Шифферс опередил Чигорина, занявшего второе место, и повторил свой успех на турнире петербургского купеческого клуба, где они набрали одинаковое количество очков, но матч за первый приз был выигран Шифферсом со счетом 2:1.

Однако очередной, четвертый, матч между двумя замечательными шахматными ровесниками в 1880 г. закончился решительной победой Чигорина со счетом $+7, -1, =3$, после чего Шифферс надолго признал превосходство Чигорина и лишь в 1895 и 1897 гг. возобновил с ним борьбу, хотя столь же безуспешно, о чем речь впереди. Всего же Чигорин и Шифферс сыграли между собой сто матчевых и турнирных партий, из коих Чигорин выиграл 51, проиграл 29 при 20 ничьих. Результат, почетный для обоих маэстро и довольно точно отображающий соотношение сил. Сюда, конечно, не входят бесчисленные «легкие» партии, иггранные обоими маэстро у «Доминика», партии на дачу вперед на ставку или иггранные в турнирах-гандикапах. Таковых было, наверно, не меньше тысячи!

К концу 1880 г. пришла пора «расправиться» и с Алапиным. Этот матч закончился со счетом $+7, -3, =0$ в пользу Чигорина, что навсегда отбило у Алапина охоту к длительному единоборству с великим соотечественником.

В течение следующих 27 лет Алапин не делал больше ни одной попытки организовать матч с Чигориным, хотя при его материальной обеспеченности и нуждаемости Чигорина это было бы не трудно.

В турнире 1880/1881 гг. сильнейших шахматистов Петербурга Чигорин и Алапин оказались наравне, но после выигрыша Чигориным короткого матча у Алапина со счетом 2:1 первый приз достался Миханлу Ивановичу.

Как курьез отмечу, что в происходившем в том же году турнире-гандикапе первый приз завоевал второкатегорник Сахаров, а Чигорин был вторым, но, конечно, при игре на дачу вперед результаты не отражают соотношения сил.

Наряду с бурной шахматной активностью и изданием журнала Чигорин в конце семидесятых годов предпринимал энергичные попытки возродить петербургский шахматный клуб, взамен зачавшего и тихо скончавшегося шахматного кружка в «Шустерклубе».

После энергичных хлопот устав общества «Любителей шахматной игры» был утвержден 31 октября 1879 г. — в день рождения Чигорина, что казалось хорошим предзнаменованием. Однако «подарок» 29-летнему секретарю нового общества Михаилу Чигорину (председателем был некий «почтенный человек» О. И. Корбут) был сделан с довольно трудным предварительным условием. Для деятельности общества надо было иметь минимум шестьдесят членов, а их сразу не набралось. Лишь благодаря агитации чигоринского «Шахматного листка» удалось организовать нужное количество любителей, и 11 января 1880 г. шахматный клуб, или, как его называли, «чигоринский кружок», был открыт.

Таким образом, за несколько лет Чигорин практически, за доской доказал всем своим соперникам и общественному мнению, что он — сильнейший шахматист России, и основал шахматный клуб, независимый и от петербургских иностранцев и от настроения хозяина ресторана. К сожалению, любимое детище Чигорина — журнал «Шахматный листок» — дышало на ладан и из-за недостатка средств в начале 1881 г. прекратило свое существование.

Но «не бывать бы счастью, да несчастье помогло!» — гласит мудрая народная пословица. Чигорин уже не был связан кропотливой и убыточной издательской работой и смог думать о выходе на международную шахматную арену.

«В ЕВРОПУ ПРОРУБИЛ ОКНО»

Имя Чигорина — новой яркой звезды на русском шахматном небосводе — уже было широко известно не только в России, но и за рубежом по журналу «Шахматный листок», по сообщениям шахматных отделов русских и зарубежных газет, по восторженным отзывам о Чигорине Винавера, Шмидта, Бескровного, имевших большие связи с иностранными шахматными организациями.

Получив новое приглашение участвовать в международном турнире, Чигорин 15 июля 1881 г. подал заявление своему служебному начальству: «Имея надобность по делам своим отправиться за границу в Берлин с 12 августа по 3 сентября текущего года, я имею честь ныне просить 28-дневный отпуск с 10 августа».

4 августа господин министр соизволил предоставить Чигорину отпуск. И всё! А ведь господин министр отлично знал, для чего Чигорин вдруг собрался за границу. Он не мог не слышать, что этот маленький скромный чиновник является гордостью и надеждой шахматной России, что Чигорин стремится прославить русское имя в своеобразной области древней шахматной культуры. Но господин министр и не подумал о том, чтобы как-то помочь Чигорину. А это было так просто: предоставить Чигорину небольшое пособие из казенных сумм, дать неделю-две добавочного отпуска, чтобы тот мог отдохнуть и потренироваться перед своим дебютом на международной арене, и т. п. Чигорин отправился на первый в своей жизни международный турнир за счет своего отпуска и на свое ничтожное жалованье. Так в царской России «помогали» народным талантам!

Какова была тогда обстановка в шахматном мире? Это была юность международного шахматного спорта. Международные турниры еще были в диковинку и проводились редко. За предыдущие тридцать лет состоялся всего десяток мало-мальски значительных турниров. Гораздо больше была в ходу старинная форма соревнования: матчи между двумя соперниками, для организации коих не требовалось ни таких длинных «дипломатических» переговоров, как сейчас, ни выработки сложных процедур с арбитрами, судьями, секундантами, тренерами. Игра обычно шла на крупную ставку, но так как

тогда даже ведущие маэстро не обладали большими средствами, то за каждого участника матча взнос делали по коллективной подписке его сторонники, как на петушинных боях за того или иного петуха. Проигрыш участника влек за собою и потерю поставленных за него денег, но в случае выигрыша «подписчики» получали свой взнос обратно плюс 50 процентов чистого выигрыша. Остальные 50 процентов шли в пользу победителя матча. По сравнению с петушиными боями это был все же шаг вперед!

Иногда матчи организовывались еще проще. На одном немецком турнирчике первый приз взял знаменитый Адольф Андерсен (победитель двух первых международных турниров), который уже пережил свою славу и через три года сошел в могилу. Второй приз был не денежным, а вещевым, и достался двум любителям, которые должны были разыграть вещьцу в матче. Но они решили, что интереснее будет посмотреть на единоборство прославленных маэстро и предложили этот «ценный подарок» (как мы ныне выражаемся) разыграть в матче между Андерсеном и другим замечательным шахматистом того времени Луи Паульсеном на пресловутом условии: «Победитель получает всё!»

— Ну, что ж,— решил Андерсен,— один приз получить хорошо, а два лучше!

— Против меня старик вряд ли устоит! — подумал Паульсен. И они сыграли матч из десяти партий! Течение матча было забавно: первые три партии выиграл Андерсен, следующие три — Паульсен, седьмую Андерсен, восьмая была ничья, девятую и десятую партии и матч выиграл Паульсен, получивший «ценный подарок».

Кто же к моменту выхода Чигорина на международную арену входил в касту сильнейших маэстро?

Мы уже знакомы с Симоном Винавером, бывшим тогда в расцвете сил, с Луи Паульсеном — тонким и остроумным мастером позиционного стиля — предшественником гипермодернистов двадцатых годов. Не так уж ему в силе игры уступал его брат Вильфрид Паульсен. Выдвигался талантиливый англичанин Берд, его соотечественники, переехавшие в США, Мэкензи и Мезон, австрийский немец Энглиш, венгерец Шварц и другие.

Но все они затмевались тремя прославленными шах-

матистами: чемпионом Англии Джозефом Блекберном, выходцем из Чехии, переехавшим в Лондон Вильгельмом Стейницем и выходцем из царской Польши, также переехавшим в английскую столицу, которая в прошлом веке была центром мировой шахматной жизни, Иоганном Цукертортом.

Блекберн был блестящим мастером атаки. Коллеги в шутку прозвали Блекберна «черная смерть» по аналогии с его фамилией, которая в переводе означает приблизительно: «черная жизнь». Многократный чемпион Англии Блекберн выступал в международных турнирах в течение 52 лет! Начав свою карьеру борьбой с Андерсеном и Стейницем на Лондонском турнире 1862 г., он закончил ее участием в Петербургском турнире 1914 г., где встретился с Ласкером, Капабланкой и Алехиным, включив в свою творческую амплитуду таким образом всех чемпионов мира своего времени!

Но у Блекберна был крупный психологический недостаток, свойственный многим, даже самым выдающимся шахматистам,— он был превосходный турнирный боец, но значительно слабее играл в матчах с противниками равного класса, и поэтому никогда не был претендентом на личное мировое первенство.

Ко времени чигоринского турнирного дебюта в 1881 г. вопрос о личном мировом первенстве должен был разрешиться между двумя другими великими шахматистами.

Вильгельм Стейниц прославился как победитель и призер международных турниров в Лондоне (1862 г., VI приз), Париже (1867 г., III приз), Баден-Бадене (1870 г., II приз), где вице-президентом оргкомитета был И. С. Тургенев, Лондоне (1872 г., I приз), Вене (1873 г., I приз) и как победитель в матчах Андерсена в 1866 г. (+8, —6, =0), Блекберна в 1863, 1870 и 1876 гг. с потрясающим общим счетом +19, —1, =3 и Цукерторта в 1872 г. (+7, —1, =4). К этому времени Стейниц уже начал выступать и как новатор шахматной теории, исповедуя свои принципы так называемой «новой школы» в шахматном отделе английской спортивной газеты «The Field».

В 1881 г. Стейницу было уже 45 лет. Это был хорошо натренированный, опытный мастер позиционного стиля, отнюдь не гнушающийся возможностью проведения комбинаций и смелых атак, если они подвертываются. Для

Стейница характерна была большая выдержка, ровность успехов и безграничная вера в себя (чрезвычайно важный фактор спортивного успеха!). Когда перед началом одного турнира Стейница спросили о шансах участников, он ответил: «Наибольшие шансы занять первое место, конечно, у меня. Учтите: всем остальным участникам придется играть со Стейницей, а мне нет!»

Вот этой уверенности в себе не хватало сопернику Стейница Иоганну Цукерторту. Он в конечном счете потерпел поражение со счетом $+5, -10, =5$ в матче 1886 г. со Стейницей, после чего Стейниц был провозглашен чемпионом мира, а Цукерторт резко сдал как шахматист и умер через два года.

Но в 1881 г. тридцативосьмилетний Цукерторт был в расцвете своего яркого комбинационного дарования, сочетавшегося с высокой для того времени техникой игры. Список его успехов был менее внушителен, чем у Стейница: турниры в Лондоне (1872 г., II приз), в Лейпциге (1877 г., III приз), Париже (1878 г., I приз), плюс выигрыш матча у Андерсена (1871 г., $+5, -2, =0$).

Несмотря на то, что Стейниц не участвовал в Берлинском турнире 1881 г., состав турнира был перво-классным.

Однако борьбы за первый приз фактически не было. Блекберн был в такой блестящей форме, что задолго до конца обеспечил себе победу, а на финише на 3 очка опередил следующего за ним Цукерторта, одержав над тем победу и в личной встрече. Из шестнадцати партий Блекберн выиграл тринадцать, проиграл Мезону и сделал ничьи с Виттеком и Бергером.

Третий и четвертый призы поделили набравшие по 10,5 очка Винавер и Чигорин, что, конечно, для новичка было большим успехом. Правда, первую турнирную партию Чигорин проиграл, но в следующих десяти турах набрал 8,5 очка и нагнал Блекберна. Но здесь у Чигорина не хватило выдержки и, главное (чем всегда он и потом страдал), спортивной практичности, уменья сдерживать свой пламенный темперамент и удовольствоваться полуочком, когда нет никаких реальных шансов на выигрыш. В решающей личной встрече с опытным английским чемпионом Чигорин уклонился от почетной ничьей и проиграл, после чего деморализовался и финиш провел неудачно.

Высокий приз, взятый Чигориным, и качество его игры произвели сильное впечатление на шахматный мир.

В журнале «Всемирная иллюстрация» писали о партии Чигорин — Шмидт: «Чигорин блистательно окончил партию комбинацией, обратившей на него общее внимание. Из числа иностранцев, приехавших в Берлин для участия в конгрессе, наибольший интерес возбуждают секретарь Петербургского шахматного клуба Чигорин, Блекберн и Мэзон».

Для знатоков наших дней крайне любопытна и встреча Чигорина с одним из сильнейших зарубежных маэстро Луи Паульсеном, избравшим черными против Чигорина свою излюбленную сицилианскую защиту. Всю партию русский шахматист провел в превосходном гармоничном стиле. Вначале он позиционно переиграл Паульсена — мастера маневренной защиты, затем методично вскрыл королевский фланг и нанес решающий удар по пешечному прикрытию черного короля. Если сейчас напечатать эту партию, приписав ее двум ведущим современным гроссмейстерам, никто бы не усомнился в их авторстве, настолько она стратегически не устарела. И немецкий шахматный журнал так отозвался об этой встрече: «Блестящая победа! Одной этой партии достаточно было бы, чтобы признать представителя России первокласснейшим маэстро».

Такой крупный авторитет, как Цукерторт, после турнира писал в английском шахматном журнале о Чигорине: «Представитель России был допущен к участию в турнире как маэстро, выдвинувшийся у себя на родине. Стиль его игры предприимчив и энергичен, комбинации очень остроумны, но он играет чересчур смело. Мы приветствуем его блестящий дебют. До сих пор он был нам известен лишь как сильный местный шахматист. Теперь одним прыжком Чигорин стал в ряд международных маэстро. Очень характерна партия Чигорина с Блекберном: в сложном положении Чигорин абсолютно правильно пожертвовал фигуру, чем обеспечил себе ничью, однако он не пожелал довольствоваться половиной очка и проиграл. В будущих соревнованиях Чигорин будет опаснейшим противником».

Следующее выступление Чигорина — в международном турнире в Вене в 1882 г. не принесло ему успеха.

Он поделил только двенадцатое и тринадцатое места. Первые два места поделили Винавер и Стейниц, набравшие по 24 очка из 34 партий. Только на очко от них отстал Мэзон и на полтора очка Мэкензи и Цукерторт. Лишь шестым на этот раз был Блекберн, набравший 21,5 очка. У Чигорина было всего 14 очков (из 34).

Единственными достижениями Чигорина в этом «марафонском беге» были его результаты против обоих претендентов на мировое первенство — Стейница и Цукерторта. Чигорин по одной партии против каждого выиграл и по одной проиграл.

В чем была причина неудачи Чигорина, хотя турнир был вряд ли сильнее берлинского? Вероятнее всего — в длинной дистанции (восемнадцать человек играли в два круга!), вследствие чего турнир занял семь недель и нагрузка оказалась для неопытного Чигорина слишком велика. Возможно также, что в неудаче нервного, впечатлительного Чигорина немалую роль играли и неспортивные причины. Созданный им с таким трудом шахматный клуб, несмотря на отчаянные попытки его «секретаря» — М. И. Чигорина отстоять этот центр русской шахматной жизни, прекратил свое существование из-за отсутствия средств. И, конечно, Чигорин был переутомлен своей основной чиновничье-канцелярской службой, которая ему не давала возможности ни отдохнуть, ни подготовиться к ответственному международному соревнованию. Причин для плохого, не боевого настроения было достаточно.

Чигорин понял причину неудачи. Вернувшись в Петербург, он принял твердое решение порвать с чиновничьей лямкой, тем более, что его материальное положение уже год как значительно укрепилось. 17 октября 1881 г. редакция «Всемирной иллюстрации» сообщила своим читателям — любителям шахматной игры: «Смерть нашего многоуважаемого сотрудника И. С. Шумова, к сожалению, вызвала временное прекращение отдела «Шахматы». Возобновляя его с этого номера, редакция заявляет, что ведение отдела обязательно взял на себя Михаил Чигорин, представитель России на Берлинском международном шахматном конгрессе». Таковы были первые плоды творческого шахматного труда и реакция общественного мнения! Чигорину стало ясно, каков должен быть его дальнейший путь!

И накануне нового ответственного выступления на международной арене Чигорин 22 февраля 1883 г. подал господину министру последнее заявление: «По домашним обстоятельствам моим, не имея возможности продолжать службу по занимаемой мною должности регистратора, прошу к сему дабы повелено было прошение сие принять и сделать распоряжение об увольнении меня от службы в отставку».

Господин министр соизволил дать согласие на отставку мелкого чиновника Чигорина, и великий русский шахматист Михаил Иванович, выйдя из опостылевшей канцелярии, вздохнул наконец полной грудью.

И эта моральная свобода, возможность целиком отдаться любимому делу немедленно принесла большой творческий успех и полностью загладила прошлогоднюю неудачу в Вене.

Отдохнув, подзанившись теорией, потренировавшись, Чигорин выехал на сильнейший по составу участников международный турнир в Лондоне. Соревнование проходило также в два круга, но при четырнадцати участниках. Интересно, что в этом турнире впервые были применены хорошо знакомые советским шахматистам контрольные двойные часы, специально изобретенные к этому турниру манчестерским часовщиком — любителем игры Вильсоном. Привожу таблицу этого сенсационного для своего времени турнира. Ведь сухие с виду «бухгалтерские» колонки цифр шахматных таблиц на самом деле очень интересны. Кто у кого выиграл? Почему такой-то проиграл такому-то, хотя, казалось бы, они равны по силе? Кто кого на сколько опередил? Вот вопросы, какие хочется разрешить, анализируя технические результаты соревнования.

Из таблицы турнира видны блестящий успех Цукерторта, опередившего Стейница на три очка, и прекрасный результат Стейница, опередившего прочих участников на 2,5 и более очков. Итоги турнира доказали мировому общественному мнению, что только матчевая борьба между этими ведущими маэстро может определить сильнейшего шахматиста мира.

Блекберн, игравший в родной стране, завоевал лишь третий приз, а четвертый приз достался Чигорину, проведшему это труднейшее соревнование с большим подъемом. Особенно важное значение для дальнейшего твор-

Турнир в Лондоне 1883 г.

№	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	Итого	Приз
1	Цукерторг	×	0 1	1 1	1 1	1 1	1 0	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	1 0	1 0	1 1	22	I
2	Стейниц	1 0	×	0 1	0 0	1 1	1 1	0 1	0 0	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	19	II
3	Блекберн	0 0	1 0	×	0 1	1 1	0 0	1 0	1 0	$\frac{1}{2}$ 1	0 1	1 1	1 1	1 1	1 1	16 $\frac{1}{2}$	III
4	Чигорин	0 0	1 1	1 0	×	0 1	1 1	0 1	0 1	1 0	1 0	1 0	1 1	1 0	1 1	16	IV
5	Мэзон	0 0	0 0	0 0	1 0	×	1 0	1 1	1 0	1 0	1 1	$\frac{1}{2}$ 1	1 1	1 1	1 1	15 $\frac{1}{2}$	V — VII
6	Мэкензи	0 1	0 0	1 1	0 0	0 1	×	$\frac{1}{2}$ 1	$\frac{1}{2}$ 0	0 1	0 1	1 1	$\frac{1}{2}$ 1	1 1	1 1	15 $\frac{1}{2}$	
7	Энглиш	0 0	1 0	0 1	1 0	0 0	$\frac{1}{2}$ 1	×	$\frac{1}{2}$ 1	0 1	0 1	1 1	1 1	1 1	1 1	15 $\frac{1}{2}$	
8	Розенталь	0 0	1 1	0 1	1 0	0 1	1 0	$\frac{1}{2}$ 0	×	$\frac{1}{2}$ 1	1 0	0 1	0 1	1 1	1 1	15	
9	Винавер	0 0	0 0	$\frac{1}{2}$ 0	0 1	0 1	1 0	1 0	$\frac{1}{2}$ 0	×	0 1	1 0	1 1	1 1	1 1	13	VIII
10	Берд	0 0	0 0	1 0	0 1	0 0	1 0	1 0	0 1	1 0	×	0 0	1 1	1 1	1 1	12	
11	Ноа	0 0	0 0	0 0	0 1	$\frac{1}{2}$ 0	0 0	0 0	1 0	0 1	1 1	×	0 1	1 1	0 1	9 $\frac{1}{2}$	
12	Сэлмэн	0 1	0 0	0 0	0 0	0 0	$\frac{1}{2}$ 0	0 0	1 0	0 0	0 0	1 0	×	1 1	0 1	6 $\frac{1}{2}$	
13	Моргимер	0 1	0 0	0 0	0 1	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	×	0 1	3	
14	Скипуорт	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	0 0	1 0	1:0	1 0	×	3	

ческого пути великого русского шахматиста имело то, что он выиграл у Стейница обе партии, причем в превосходном, боевом стиле. В турнирном сборнике было сказано: «Чигорину, взявшему четвертый приз, несомненно, предстоит великое шахматное будущее. У него нет еще опыта Цукерторта или Стейница, но у него имеется та энергия, которая необходима, чтобы стать замечательным маэстро. В течение всего турнира он всегда упорно играл на выигрыш, а не на ничью, и его настойчивость была вознаграждена».

По окончании турнира Лондонский шахматный клуб избрал Чигорина своим почетным членом — высшая по английским понятиям честь для иностранца.

На эмблеме лондонского ресторана «Симпсон» с тех пор красуется шахматная доска и сохранились шахматные фигуры, которыми играл Чигорин.

Во время турнира в Лондоне, длившегося почти два месяца (то есть с гораздо менее жестким регламентом игры, чем в Венском турнире 1882 г.) на арене цирка регулярно проводились партии живыми шахматами. Вот как о них позже рассказывал Чигорин, руководивший игрой наряду с Цукертортом и Гунсбергом:

«Это были партии, иггранные живыми фигурами: солдаты в богатых костюмах исполняли на громадной шахматной доске передвижения, указываемые игроками... Спектакли имели громадный успех, и каждый раз иностранные маэстро, ведущие партии, были вызываемы публикой».

По окончании лондонского турнира Михаил Иванович, которому теперь не нужно было торопиться ни к возвращению к секретарской работе в уже несуществующем шахматном клубе, ни к своим канцелярским обязанностям, заехал в Париж. Там ему предложили сыграть матч с маститым французским маэстро Арну-де Ривьером, который много лет назад был постоянным партнером гениального Морфи.

Чигорин матч выиграл со счетом $+5$, -4 , $=1$ и вернулся на родину, радостно встреченный петербургскими любителями шахматной игры. Русские люди понимали, что Чигорин поднял авторитет русских шахмат на международной арене, что он своими выступлениями в зарубежных соревнованиях три года подряд «прорубил окно в Европу!»

ВО ИМЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Перед тридцатилетним международным маэстро, призером двух крупнейших турниров, фактическим чемпионом России Михаилом Ивановичем Чигориным в 1883 г. была торная дорога. Он был бы желанным гостем в любой стране и, сочетая гастрольные поездки с журналистской работой во «Всемирной иллюстрации» и других органах печати, мог бы вести достаточно обеспеченную жизнь. И главное — эта жизнь была бы творческой, захватывающе интересной, позволяющей видеть города и страны, жизнью, ведущей к осуществлению затаенной мечты каждого даровитого молодого шахматиста, — завоеванию им личного мирового первенства.

Правда, тогда еще не было введено официального титула чемпиона мира по шахматам, но разговоры об этом в связи с намечающимся матчем Цукерторт — Стейница шли, да и идея была не так уж нова. Еще в 1859 г., когда Морфи вернулся из поездки в Европу, его поклонники и друзья хотели провозгласить гениального американца чемпионом мира, но Морфи, усиленно подчеркивавший, что для него шахматы являются не профессией, а развлечением, отклонил эту честь.

Чигорин, набравший в четырех партиях против Стейница 3 очка, при наличии еще одного-двух крупных успехов в международных турнирах вполне мог стать в общественном мнении шахматного мира полноправным соперником Стейница и Цукерторта. Но он, к удивлению шахматных историков, шесть лет не выезжал из родной страны и не играл в международных соревнованиях.

Значит ли это, что Чигорин был о себе как о шахматисте столь невысокого мнения, что не решался конкурировать с прославленными зарубежными бойцами? Нет, он знал себе цену!

Но Чигорин считал, что важнее эгоистических, личных интересов создание русской шахматной организации и возрождение русского шахматного журнала. Он не хотел быть чемпионом без родины, одиноким «шахматным волком», бродящим по миру в поисках добычи, а хотел быть представителем авторитетного, крепко спаянного творческими и спортивными интересами на-

ционального шахматного союза, объединяющего по всей России десятки тысяч любителей игры, Чигорин был прежде всего патриотом и общественником!

Вероятно, Чигорин, как всякий творческий работник, нуждался в сочувственном окружении, в ценителях его таланта. И не из-за суетного желания лести, хотя похвалы, если они произносились не подхалимами, а от чистого сердца толковыми людьми, были ему приятны. Чигорин хотел сплотить вокруг себя в шахматной организации людей столь же страстно, как он, интересующихся шахматной культурой, с которыми он мог бы делиться своими творческими и спортивными планами, играть тренировочные партии, проводить сеансы одновременной игры, вести теоретические занятия, воспитывать молодые кадры русских шахматистов. Словом, Чигорин мечтал о той чуткой, страстной, квалифицированной аудитории болельщиков, с которой так хорошо знакомы наши, советские гроссмейстеры и мастера.

И с упорством фанатика Чигорин по возвращении из-за границы приступил к созданию петербургского шахматного клуба, рассматривая это как первый шаг к возрождению журнала, как первую ступень к созданию Всероссийского шахматного союза.

Уже в 1884 г. Чигорин организовал шахматный кружок, который занимал отдельную квартиру в две большие комнаты с шахматными столиками, мягкой мебелью, мощными керосиновыми лампами, освещавшими помещение, и стеариновыми свечами на каждом столике. Затем кружок переехал в два номера гостиницы «Англетер», напротив Исаакиевского собора. Осенью 1886 г. властями был утвержден устав «Санкт-петербургского общества любителей шахматной игры». Чигорин единогласно избран был председателем, а товарищем председателя — его свояк А. Н. Дубравин. Свою деятельность новый шахматный клуб начал в большой просторной квартире на Мойке в центре Петербурга.

Большой зал был уставлен столиками. На каждом столике лежала клеенчатая шахматная доска и ящик с комплектом дорогих «стаунтоновских» фигур. Они так назывались потому, что крупный размер и строгая, благородная форма фигур были разработаны чемпионом Англии середины прошлого века, шахматным журналистом и шекспироведом Говардом Стаунтоном.

В других комнатах помещались библиотека и столовая.

Членский взнос был установлен 12 рублей в год.

Игра в клубе начиналась около восьми часов вечера. Часть шахматистов играла «легкие партии» на ставку, а участников турниров рассаживал по доскам сам Чигорин, который совмещал обязанности председателя с обязанностями технического работника.

В два часа ночи Чигорин сам аккуратно гасил лампы в зале и в библиотеке, так как окна выходили на Мойку, а полицейский надзиратель следил, чтобы к этому времени шахматный клуб закрывался.

Но уже с полуночи и до четырех часов утра члены клуба наполняли столовую, находившуюся в задней комнате, откуда свет лампы не был виден с улицы. Там осушались бутылки вина и велись жаркие споры на шахматные темы. Конечно, игра на ставку и подача спиртных напитков не делали привлекательным лицо новой шахматной организации, но таковы были нравы той эпохи. К сожалению, и сам Чигорин не был врагом бутылки.

Многим современникам Чигорина казалось странным, что такой волевой, принципиальный человек мог так пренебрегать своим здоровьем. Например, Л. Велихов писал в уже цитированных мною воспоминаниях: «Спорить с Михаилом Ивановичем было бесполезно. Он твердо и непреклонно стоял на своем, почти никогда не уступая. Его вкусы, симпатии, взгляды были очень определенными и неизменными. Вся его жизнь и деятельность похожи на тяжелый снаряд, выпущенный в одном направлении. С этой силой характера и энергией проведения своих взглядов в жизнь как-то плохо вязалось в Чигорине некоторое слабование в борьбе с самим собою, в сопротивлении личным страстям, которые у него были очень ярко выражены. Всем известно, например, его пристрастие к спиртным напиткам, которые подчас вредили его шахматным успехам, его здоровью и, вероятно, сократили его жизнь».

Действительно, в таком слабоволии скрывается объяснение многих, иначе непонятных, творческих срывов великого русского шахматиста. Но вызвано оно было многими причинами. И другие деятели русской культуры прошлого века под влиянием разочарования в без-

отрадной жизни под гнетом царского режима искали утешения в вине, а Чигорин, как мы увидим дальше, был не счастливее их.

Надо учесть также, что алкоголь для шахматных профессионалов того времени был своего рода допингом, средством искусственно взвинтить себя перед решающей партией или при усталости во время напряженной борьбы. Другие маэстро (подобно Ласкеру или Таррашу) искали поддержки в крепком табаке, некоторые — в черном кофе, иные принимали наркотики.

Употребление Чигориным спиртных напитков объяснялось иногда его неумением отказать просьбам друзей, желавших выпивкой отпраздновать ту или иную его победу или поднять его настроение.

Невольно вспоминаешь стих из басни Крылова: «Услужливый дурак опаснее врага». Например, считавший себя закадычным другом Чигорина драматург Ге отлично знал, что «Чигорин не курил и во время игры никогда ничего не пил. Было время,— пишет Ге про турнир в Остенде 1905 г.,— когда Чигорин выпивал помногу, трудно пьянея, но это время уже давно миновало». И все же, видя, что старый и больной Чигорин играет неудачно, Ге (во время турнирной партии!) «пришло в голову встряхнуть его, сдвинуть, так сказать, с мертвой точки, и, выждав удобную минуту», Ге шепнул:

«— Михаил Иванович давайте дернем шампанского?

Он махнул рукой:

— Не стану!

— По бокальчику...

— Ну его!... И отошел».

Все же Ге продолжал свои уговоры, и несколько часов спустя буквально заставил Чигорина «дернуть» голландской водки, а потом две бутылки «отличного бордосского». В результате Чигорин без борьбы проиграл очередную партию чемпиону США Маршаллу, у которого до того неизменно выигрывал. Таковы были «друзья Чигорина!» Что же сказать о врагах?

Характерно, что и общественное шахматное мнение не осуждало тогда выпивки во время соревнования. В разгар Всероссийского турнира 1900 г. Московский шахматный клуб устроил для участников обед, на котором, согласно восторженному отчету альманаха «Шахматные вечера», из разноцветных салфеток была выло-

жена доска с «русской партией», где роль фигур выполняли бутылки: короли — шампанское, ферзи — рейнвейн, ладьи — красное вино, кони — водка. Все это, по словам альманаха, обещало любителям веселую, интересную и «комбинационную» игру..

Печальный пример молодежи подавали тогдашние руководители шахматной жизни!

Возвращаясь к описанию деятельности чигоринского шахматного клуба 1884—1890 гг.

Чтобы привлечь больше любителей в клуб, Чигорин по-прежнему регулярно участвовал в турнирах-гандикапах.

В турнире-гандикапе 1884 г. при 25 участниках Чигорин был лишь третьим. На первое место вышел второкатегорник Отто, на второе — второкатегорник Полнер.

В 1885 г. в турнире-гандикапе при 24 участниках Чигорин вышел на первое место.

В турнире-гандикапе зимою 1885—1886 гг., где играло четырнадцать участников в два круга, первое место занял шахматист третьей категории (!) Зыбин, второе — третьекатегорник Синицын и лишь третье — Чигорин.

Чем объясняются отдельные неудачи Чигорина в турнирах-гандикапах?

Чигорин, ведший тогда большую работу по изучению классической теории дебютов и разрабатывавший ряд оригинальных, новаторских дебютных систем, уже не мог «с душой» разыгрывать причудливые, неправильные, антипозиционные начала, которые требовались в турнирах-гандикапах. Он играл их, но ...волей-неволей, вопреки своему утонченному пониманию дебютной стратегии, далеко ушедшей от ловушечной игры «доминиканцев». Принимая участие в гандикапах в силу печальной необходимости, так сказать «по служебной обязанности», в качестве руководителя шахматного клуба, чье имя привлекало и новичков и опытных шахматистов, Чигорин не испытывал ни подъема, ни вдохновения — верных залогов успеха.

Наряду с игрой в петербургском шахматном клубе Чигорин стал выезжать на гастроли. Весной 1884 г. он приехал в Харьков. Там он взял первый приз в турнире, выиграв все двенадцать партий, победил в матче, давая вперед пешку и ход, местного чемпиона Беклемишева и выиграл четыре консультационных партии. На обратном

пути Чигорин остановился в Москве, где сыграл две партии с Соловцовым, о результате которых я уже упоминал.

В 1884—1886 гг. Чигорин организовал турнир по переписке в два круга для читателей «Всемирной иллюстрации». В нем, кроме самого Чигорина, играли одиннадцать участников. Чигорин выиграл двадцать партий при двух ничьих.

Упомяну еще о двух матчах, подтверждающих правильность поговорки «У каждого барона своя фантазия». По возвращении Чигорина с турнира в Лондоне в 1883 г. петербургский барон Э. Ф. Нольде предложил Чигорину сыграть с ним матч. Условия: ставка 150 рублей, но Чигорин дает партнеру вперед пешку и ход. Чигорин выиграл матч со счетом $+5, -4, =3$.

Неудовлетворенный барон три года спустя повторил свой вызов на матч при тех же условиях. На этот раз Чигорин выиграл со счетом $+5, -2, =2$.

Читатель удивится, как это Чигорин, уже пользовавшийся мировой известностью, соглашался играть с первым встречным, лишь бы у того были деньги? Не свидетельствует ли это о корыстолюбии Чигорина? Такой вывод был бы ошибочен. Тогда времена были тяжелые. Став первым шахматным профессионалом в России, Чигорин всегда нуждался. Давать пешку и ход шахматисту первой категории, каким был наш барон, значило вести напряженную и трудную борьбу со взаимными шансами, а отнюдь не халтурить. Заработок в виде 150 рублей, законно изъятых у богатого барона, был не слишком роскошной компенсацией большого творческого труда.

А о бескорыстии Чигорина свидетельствует много фактов. Например, в тот же приблизительно период, 7 ноября 1885 г., Чигорин провел платный сеанс одновременной игры вслепую на восьми досках, весь сбор с которого пошел на образование призового фонда для соревнований, устраиваемых шахматным клубом. И в дальнейшем читатель не раз сможет судить о готовности Чигорина жертвовать личным во имя общественного. Об этом же красноречиво говорит и журнальная деятельность Чигорина. Как только он воскресил «чигоринский шахматный кружок» — еще до официального утверждения устава «Санкт-петербургского общества любителей шахматной игры», — Чигорин стал под маркой этого об-

щества издавать журнал «Шахматный вестник». Финансировали журнал несколько петербургских меценатов, но им вскоре надоело выкладывать денюжки из своего кармана, хотя убытки были минимальными, поскольку труд редактора М. И. Чигорина и печатаемый материал его и других авторов не оплачивались. Чигорин, конечно, это предчувствовал, так как уже в первом номере «Шахматного вестника» помещает воззвание «К любителям шахматной игры», в котором надеялся, что каждый из них «употребит все зависящие от него меры к возможно большему распространению журнала. От количества подписчиков будет зависеть не только возможность постепенного развития, улучшения, но и самое существование журнала в последующие годы».

В том же номере редакция подчеркивала полную персональную и идейную преемственность нового журнала: «Шахматный вестник» будет продолжением «Шахматного листка».

Действительно по своему типу — это тот же журнал, но полнокровнее и интереснее. Зрелее, глубже, разнообразнее чигоринские комментарии к партиям, его теоретические исследования, высказываемые мысли. Перед нами уже не начинающий журналист, а маэстро и литератор в полном расцвете сил, с чувством законной гордости говорящий о себе, по праву требующий уважения к возглавляемой им отечественной шахматной культуре. «Недаром прошли четыре года и для России,— гласит вводная статья нового журнала.— Крупнейшее обстоятельство русской шахматной жизни в эти годы состояло в сближении ее с шахматной жизнью Европы и всего света, в участии русских шахматистов на международных конгрессах. Участие Чигорина в международных турнирах в Вене, Берлине и Лондоне завоевало для России прочное место в шахматном свете»... «Всякий согласится с нами,— приходит к выводу неизвестный нам автор статьи «Шахматного вестника»,— что деятельность Чигорина имеет не личное его, а общерусское значение в деле шахматной игры».

На протяжении следующего, 1886 г. «Шахматный вестник» под рубрикой «Русские и заграничные шахматисты» печатает ряд агитационных статей о необходимости организации Всероссийского шахматного союза. Для нас в них особенно любопытно то, что Чигорин точ-

ными цифрами и выкладками доказывает, что количественный размах русской шахматной жизни, проникновение шахмат в русское общество ничуть не ниже, а даже выше, чем за рубежом.

«Организация и деятельность! — вот пароль и лозунг борца за будущее процветание шахмат в нашем отечестве, — оптимистически подытоживал свою аргументацию Чигорин в № 4 «Шахматного вестника» за 1885 г. — Недостаточно любить шахматы и работать над ними, нужно всем шахматным любителям соединиться воедино для достижения общих целей. Недостаточно соединяться в общества, нужно, чтобы общества эти жили полной жизнью, работали, сами шли и других вели вперед.

Перед нами прямо и открыто поставят вопрос, — продолжает Чигорин, — чего же мы хотим, что разумеем под вышесказанным? Если бы уж пошло дело о нашем личном мнении, о наших стремлениях, то мы поставили бы, не обинуясь, не колеблясь, предложение радикальное, самое действительное — основать Общероссийский шахматный союз с ежегодными конгрессами и турнирами поочередно в разных городах.

И что же мешает этому...»

После дальнейшей аргументации Чигорин приходит к выводу, что «мешает» только «недостаток инициативы и настойчивости».

Вскоре Чигорин убедился, что он не прав и что дело совсем не в этом, а «отсутствие в нашей шахматной жизни общественности», о чем он писал в № 1 журнала «Шахматный вестник» за 1885 г. (см. цитату из статьи Чигорина на стр. 11), объясняется не пассивностью русских шахматистов, а общим политическим гнетом и произволом царского правительства.

В № 1 «Шахматного вестника» за 1886 г. был напечатан проект устава Русского шахматного союза, а в № 7 циркуляр, который предполагалось разослать русским любителям.

Но цензурный комитет 22 августа 1886 г. обратился к петербургскому градоначальнику с таким многозначительным запросом.

«Редакция журнала «Шахматный вестник», пропагандируя идею об образовании «Шахматного союза», желает печатать циркуляр, в коем заявляет, что уже она

приступает к организации союза, почему просит оказать содействие: 1) в привлечении любителей в члены союза и 2) в сборе впоследствии членских взносов.

Цензурному комитету неизвестно, утвержден ли устав означенного союза,— о проекте которого говорилось в январской книжке журнала,— и удобно ли появление подобного циркуляра, ранее чем будет разрешено правительством учреждение означенного союза.

Поэтому и имея в виду, что настоящий циркуляр, не заключая в себе ничего литературного, подлежит скорее разрешению полицейского начальства, чем общей цензуре, комитет, препровождая корректурный оттиск, имеет честь просить ваше превосходительство сообщить свое заключение о возможности напечатания оно́го».

Довольно прозрачный намек цензуры был понят, и господин градоначальник принял соответствующие меры, в результате чего в № 10—12 «Шахматного вестника» за 1886 г. появилось сообщение, в котором говорилось:

«Дело организации «Русского шахматного союза» пока не может получить движения. Печатный циркуляр, о котором мы говорили в № 7 «Шахматного вестника», не мог быть нами разослан по «независящим» от нас обстоятельствам... Теперь дело за уставом, который и будет составлен и представлен на утверждение в начале будущего, 1887 г. До утверждения же устава пока мы не можем открыто и свободно действовать в пользу осуществления нашей мысли».

Дальнейшая судьба чигоринских хлопот была предначертана.

Господин петербургский градоначальник вкупе с господином министром внутренних дел бесшумно подавили идею организации Всероссийского шахматного союза. Иллюзии Чигорина о возможности общественной деятельности в царской России были развеяны.

Да и сам «Шахматный вестник» с 1887 г. прекратил свое существование, выпустив в этом году лишь один первый номер, да и то в марте. Хотя у журнала было не 120, а 180 подписчиков, он не окупал производственных расходов. За полтора года вышло девятнадцать номеров, которым Чигорин безвозмездно отдавал всю свою энергию, талант и опыт.

И эта иллюзия (возможность выпускать в царской России шахматный журнал с достаточным для безубы-

точности издания количеством подписчиков) была развешена.

Это были тяжелые удары для Чигорина.

Неважно обстояло дело и с любимым детищем Чигорина: «Санкт-Петербургским обществом любителей шахматной игры».

По мере увеличения количества членов клуба в нем постепенно разгорелась склока между «чигоринцами» и сторонниками Алапина, также входившего в правление клуба и упорно противопоставлявшего себя Чигорину. Сейчас трудно разобраться в тогдашней ситуации. Согласно воспоминаниям секретаря клуба Г. А. Гельбака, Чигорина обвиняли в резкости, в нетактичных выходках по отношению к слабым шахматистам — членам клуба. Например, показывая им, как достигается мат слоном и конем, Чигорин доводил анализ до положения, когда оставалось дать мат в один ход, и говорил: «Ну, а последний ход вы уже сделаете сами». А иногда в ответ на просьбу слабого шахматиста дать оценку шансов в том или ином сложном положении Чигорин отвечал: «Проиграют те, которыми вы будете играть». Подобные нетактичные шутки, конечно, обижали людей и затем использовались врагами Чигорина, чтобы накалить атмосферу. Но ведь легко было предупредить подобные трения, обратив внимание Чигорина на недопустимость подобных острот. С другой стороны, Чигорин не обязан был давать уроки начинающим шахматистам и оценивать позиции, и его любезностью, очевидно, порою злоупотребляли.

В тех же воспоминаниях отмечается якобы «совершенно исключительное пренебрежение Чигорина к чужому мнению», под которым подразумевалось «мнение» Алапина, который считал себя выдающимся аналитиком и использовал каждую возможность завязать теоретический спор с Чигориным.

«Пренебрежение» заключалось в следующем: в 1886—1887 гг. Петербургский шахматный клуб играл матч из двух партий по телеграфу с шахматным клубом Лондона. Петербургский комитет матча состоял из пяти лиц, но практически анализировал ходы и телеграфировал их без задержки единолично Чигорин, несомненно, нарушая «священные права» прочих консультантов. Интерес к матчу в Петербурге и в других городах России,

а также за рубежом, был очень велик, тем более что Петербург (Чигорин) играл великолепно.

В конце концов Лондон сдал вторую партию матча, а про первую партию сообщил судье матча известному венгерскому маэстро Колишу, что он считает ее ничьей, а в матче признает себя побежденным.

Чигорин не был удовлетворен заявлением англичан. Поскольку «Шахматный вестник» уже закрылся, он напечатал во французском шахматном журнале детальный анализ финального положения первой партии матча, в котором убедительно показал, что позиция является не ничейной, а выигрышной для Петербурга. Англичане ничего не смогли возразить против блестящего чигоринского анализа.

Любопытно, что и первая партия была напечатана с подробными примечаниями Чигорина во французском шахматном журнале, а вскоре перевод их появился в немецком шахматном журнале с таким вступлением редакции: «Мы начинаем этот номер с появившегося в «La Strategie» анализа великого русского маэстро Чигорина. Этот анализ представляется нам самым достопримечательным из всего того, что в течение многих лет появилось в области анализа, а потому он заслуживает всеобщего серьезного внимания».

После такого триумфа трудно обвинить Чигорина в том, что он единолично, без консультантов, добился победы в обеих партиях. Гениальный мастер, в интересах русского общества отказавшийся в расцвете сил от выступлений на международной арене, имел единственную возможность напомнить о себе зарубежному шахматному миру блестящей игрой по телеграфу. Нельзя не напомнить высказывание М. Ботвинника, что «Чигорин — первый шахматист в России, который стал заниматься аналитической работой. До Чигорина этим занимался К. Яниш, но его анализы относились лишь к области дебюта, а не к шахматной партии в целом».

Мог ли быть Чигорин убежден (честно и непредвзято!), что, например, Алапин проведет игру лучше его, что коллективное обсуждение позиции не поведет к задержке передачи ходов, к бесплодным дискуссиям, к трепке нервов и, может быть, к посылке более слабого хода, чем предлагал Чигорин, путем приведения в ход «машины голосования»?

Мог ли Чигорин рисковать репутацией единственного в России шахматного клуба и своей лично?

Кидая ретроспективный взгляд на историю матча, исход которого увеличил славу русского «шахматного оружия», надо уверенно ответить, что Чигорин формально, может быть, был не прав, но действовал так, как человек, ставящий выше всего интересы дела и спортивную честь Родины.

ЧЕМПИОН МИРА БРОСАЕТ ВЫЗОВ ЧИГОРИНУ

Если Чигорин временно «позабыл зарубежный шахматный мир, всецело отдавшись хлопотам по журналу, клубу и по организации Всероссийского союза, то за рубежом отнюдь не забыли Чигорина. Настолько сильное впечатление произвели первые, давнишние выступления русского чемпиона на международных турнирах и его игра в телеграфном матче против Лондона.

Стейниц в 1886 г. был в зените славы. Он только что победил Цукерторта и был провозглашен первым чемпионом мира по шахматам. Но все же положение его было шатко: Цукерторт провел матч явно ниже своих сил. Стейницу требовался какой-то новый яркий успех, победа над другим сильнейшим шахматистом того времени.

Кто же еще тогда мог претендовать на шахматную корону? Не Блекберн, несмотря на свою репутацию блестящего турнирного бойца, так как он уже проиграл Стейницу в предыдущие годы три матча с разгромным счетом.

Общественное мнение по этому вопросу высказалось ясно. Еще в 1886 г. авторитетный английский маэстро Г. Берд писал: «Чигорин из Петербурга в настоящее время, вероятно, не уступает ни одному игроку, за исключением, может быть, Стейница».

А в корреспонденции из Парижа 1887 г. читаем: «Как долго Стейниц надеется держать скипетр в своих руках? Не более нескольких лет, так как он уже пережил свои молодые годы. Рано или поздно его имя появится в списке сошедших со сцены жизни, и ввиду этой возможности в кафе «Режанс» (центр французской шахматной жизни.— В. П.) уверяют, что тогда первенство перейдет

к Чигорину в Петербурге, который, как и вся русская нация, неудержимо стремится к первенству».

Стейниц морально обязан был встретиться в матче на мировое первенство с Чигориным. Случай вскоре представился.

В те времена энергичную спортивную деятельность развивал Гаванский шахматный клуб. Его члены — богатые креольские плантаторы и торговцы сахаром — не жалели денег для привлечения на свой прекрасный остров американских и европейских знаменитостей. В их памяти свежо было время, когда сам знаменитый Пауль Морфи нашел пристанище на Кубе и даже играл шахматные партии с чемпионом острова негром Феликсом — рабом плантатора Сикре. Как видно, любовь к шахматам уже тогда ломала всякие сословные перегородки и расовые предрассудки.

На острове Куба в 1888 г. родился и гениальный Капабланка — будущий чемпион мира 1921—1927 гг., и, конечно, в детстве (а Капабланка играл с 4 лет!) он наслушался немало рассказов очевидцев о матчах Чигорина со Стейницем.

Стейниц с 1883 г. переселился в США, и там же в разных городах страны происходил его матч с Цукертортом. В 1888 г. чемпион мира приехал в Гавану на гастроли. Там он сыграл два матча по пяти партий с местными маэстро Васкесом и Гольмайо, выиграл оба «всухую» и с удовольствием убедился, что полутропический климат Кубы не отражался отрицательно на качество его игры. Стейниц легко акклиматизировался.

Поэтому когда Гаванский шахматный клуб выразил желание провести на острове матч на мировое первенство между Стейницем и каким-либо другим знаменитым шахматистом, Стейниц решил вызвать на матч Чигорина, которого назвал «достоинейшим претендентом на мировое первенство».

Вот как позже и в третьем лице чемпион мира излагал мотивы своего решения: «Стейниц выбрал в качестве противника русского маэстро Чигорина, с которым он уже дважды встречался. Первый раз на международном турнире в Вене 1882 г. Стейниц разделил тогда с Винавером первый и второй призы, Чигорин же остался без приза. Однако в личных встречах каждый из них выиграл по одной партии. Второй раз они встре-

тились на международном турнире в Лондоне в 1883 г. Тогда в результате турнира они оказались гораздо ближе друг к другу. Стейниц взял второй приз, Чигорин — четвертый. При личных встречах Чигорин на этот раз оказался победителем в обеих партиях. Чигорин пользовался всеобщим признанием как первокласснейший маэстро. Особенное восхищение вызывал стиль его игры, характерными чертами которой являются редкая энергия и блеск комбинаций при проведении атак королевского фланга, а также точность расчетов в эндшпилях».

Так была охарактеризована чигоринская игра первым чемпионом мира.

Спустя шестьдесят лет шестой чемпион мира М. М. Ботвинник полностью присоединился к мнению своего предшественника. Он сказал: «Чигорин был величайшим мастером атаки. Он обладал превосходным комбинационным зрением и исключительной интуицией в острых, сложных положениях. Когда Чигорин жертвовал, то шел на такой вариант не только из соображений точного расчета, но и руководствуясь шахматной интуицией».

Надо отметить и другую, творческую, причину столь беспрецедентного в спорте шага, как вызов на матч чемпионом мира претендента. Ведь и до того и после этого во всех видах спорта, не исключая шахматного, претендент вызывал чемпиона мира на матч и претендент же подготавливал практическое осуществление соревнования.

Стейниц в восьмидесятих годах развил энергичную литературно-теоретическую деятельность и называл себя главою «новой», позиционной, школы. Чигорина же Стейниц совершенно ошибочно, исходя из яркого комбинационного дарования русского шахматиста, относил к сторонникам «старой» комбинационной школы, хотя Чигорин никогда не считал себя принадлежащим ни к «старой» школе, ни к «новой» школе. Его творчество было оригинально, оно представляло собой яркое новаторство, не входящее в узкие рамки того и другого течений шахматной мысли.

Нельзя не вспомнить аналогичного отношения другого великого русского шахматиста Александра Алехина к попыткам модной в двадцатых годах на Западе школы

«шахматных гипермодернистов» причислить Алехина к своим лидерам. «Претенциозные определения, которыми критики, более или менее благоволящие ко мне, пытаются охарактеризовать мое понимание шахмат, кажутся мне лишенными внутреннего содержания,— писал Алехин.— Я заявляю раз навсегда, что охотно отказываюсь от чести быть одним из основателей «неоромантической», или «гипермодернистской школы» в пользу изобретателей сих пышных названий».

Но Чигорин в своих теоретических и полемических статьях не раз критиковал односторонность и догматичность «новой школы», ведущей к обеднению творческого содержания игры, и даже личные поступки Стейница, если они имели целью исказить шахматную историю. В «Шахматном вестнике» за 1886 г. Чигорин резко выступил против бестактной попытки Стейница «развенчать» гениального Морфи: «Стейниц пытается бросить тень на блестящие имена прошлого, чтобы на этом темном фоне резче выделить картину своей борьбы с Цукертортом»,— писал Чигорин, который, хотя относился к Стейницу, как мы увидим далее, с большим уважением, но никогда не стеснялся ни печатно, ни в глаза резать правду-матку.

Чигорин не допускал в шахматах никакой фальсификации, никакой игры слов, понятий и вообще — искажения истины. Иначе, к сожалению, поступали Стейниц и, особенно, другие апологеты «новой школы» вроде Тарраша или Алапина. Они исходили из такого софистического силлогизма: Стейниц является представителем «новой», позиционной, школы, Чигорин не является шахматистом позиционного стиля игры, значит, Чигорин — приверженец «старой» комбинационной школы.

При таком подходе Чигорин и его чарующее широкие массы шахматистов творчество, действительно, являлись бельмом в глазу Стейница и его сторонников, не понимавших к тому же, что теория и практика шахматной игры органически связаны друг с другом и что практика является основой, неиссякаемым источником шахматной теории.

Если принимать их утверждения за чистую монету, то получается, что теория не имеет будто бы никакого практического значения, что можно не считаться с зако-

нами шахматной стратегии и тактики и тем не менее превосходно играть в шахматы. Вот примеры таких высказываний.

«Чигорин,— писал Стейниц,— это гений практической игры, считающий своей привилегией при каждом удобном случае бросать вызов принципам современной теории шахматной игры».

А позже Стейниц говорил Ласкеру: «Старая школа плоха, но ее король Чигорин — гениален».

Тарраш уже после смерти Чигорина писал: «Часто играл он с огромной силой. Случалось, что его ходы бывали плохи, но слабыми они не были никогда... У него не было и следа умения оценивать позицию (подчеркнуто мною.— В. П.), он умел только хорошо играть в шахматы, но не думать шахматно, и эта слабость была его величайшей силой. Благодаря ей никакая самокритика не уменьшала его уверенности в себе, и он обычно был убежден, что его позиция хороша и партия должна быть выиграна... Нечто демоническое было в его игре, пламенная страсть, соединенная с упрямым самоутверждением».

Более разумную характеристику игры Чигорина дал в 1892 г. английский шахматный журнал: «Чигорин — блестящий шахматист, смелый и отважный, однако этим качеством он редко позволяет превращаться в опрометчивость. Он обладает глубокими знаниями и, принимая многие принципы так называемой «новой школы», пророком которой является Стейниц, не допускает, чтобы эти принципы играли относительно его гения роль оков. Чигорин не педантичен, его концепции высоки, идеи великолепны, стиль правильный».

Чем же все-таки объяснить такие в корне противоречивые суждения крупнейших зарубежных авторитетов, явно обиженных тем, что Чигорин играл вопреки их указке и, так сказать, «шел не в ногу» со своими коллегами и современниками?

Тем, что Чигорин как теоретик был на голову выше своих критиков, что он отвергал не теорию вообще, а теорию догматическую, педантскую, состоящую из абстрактных, надуманных законов, якобы приложимых к любой шахматной позиции и поэтому обескровливающих и обедняющих шахматное творчество, а не двигающих его вперед.

Чигорин писал про работы своих зарубежных коллег: «Нередко теоретическое — синоним шаблонного, ибо, что такое «теоретическое» в шахматах, как не то, что можно встретить в учебниках и чего стараются придерживаться, раз не могут придумать чего-либо более сильного или равного, самобытного».

Чигорин считал, что «в каждом дебюте, чуть ли не в каждом варианте его, можно избежать шаблонных, книжных вариантов, достигая при этом, разумеется, не худших, если не лучших результатов».

В другом высказывании Чигорин подробно развивает свой призыв к творческому овладению шахматной теории, к исследовательско-экспериментальной тренировки: «В шахматных книгах и журналах, равно как и в беседах, то и дело приходится слышать: «теоретично», «теоретичнее было бы» и т. п. При этом под именем «теоретичного» разумеют обыкновенно ходы общепринятые, постоянно встречающиеся, имеющие разве то преимущество, что они более других исследованы. В действительности же почти во всех дебютах можно приискать такие ходы, которые не уступят теоретическим, если опытный и сильный игрок сумеет сделать их исходным пунктом комбинации. Вообще шахматная игра гораздо богаче, чем можно представить ее на основании существующей теории, стремящейся сжать ее в определенные узкие формы».

Как видно, Чигорин и впрямь «шел не в ногу» с теоретиками того времени, а впереди их — и намного! Он шел в ногу с нами, советскими шахматистами, его преемниками и учениками.

Стейниц, Тарраш, Алапин и многие другие не понимали, что Чигорин является не королем «старой» школы, а главой третьего, наиболее передового, прогрессивного течения шахматной мысли, которое нашло свое блестящее развитие в работах Алехина и советских теоретиков, которая доказала свою правоту практически — завоеванием мирового первенства Алехиным, Ботвинником, Смысловым, Талем, а во всех международных командных шахматных соревнованиях принесло победу советским гроссмейстерам и мастерам.

Познакомимся вкратце с установками шахматных школ, поскольку их подробная характеристика не вхо-

дит в тему этой книги, после чего «предоставим слово» самому Чигорину.

Напомню читателю, что хотя шахматная игра существует свыше тысячи лет, но ее теперешние правила и вытекающие из них законы окончательно сформировались лишь за последние столетия.

Вначале основной темой шахматной борьбы была прямолинейная атака на короля и достижение мата любой ценою. Для старой, иначе итальянской, шахматной школы характерны были такие партии: или белые стремительно использовали дебютную ошибку противника и быстро матовали черного короля или оба партнера, кое-как развив свои силы, начинали обоюдный стремительный штурм позиции неприятельского короля, не стесняясь ни пожертвованием ценного материала, ни образованием позиционных слабостей в собственном лагере. Игра шла «ва-банк!»

Очень часто исход партии решался не искусством игры того или иного шахматиста, а счастливой случайностью в виде некорректной, но удавшейся вследствие плохой защиты противника комбинации. На большой высоте были только техника конкретного расчета вариантов и комбинационное чутье. Блестящими представителями старой школы в ее позднейшем периоде были, например, Андерсен или Блекберн.

В противоположность односторонней, основанной на нездоровом авантюрном риске, иногда — ловушечной, игре Стейнницем был выдвинут иной подход к шахматной борьбе, основанный на значении пешечного расположения, на повышении техники защиты, на принципиальном признании возможности добиться победы не только матовой атакой, но и позиционным маневрированием с целью получить небольшой материальный перевес и потом постепенно реализовать его.

Стейниц не был абсолютным новатором в провозглашении преимуществ позиционной стратегии. Он использовал идеи и принципы, высказанные или продемонстрированные практически гениальными мастерами прошлого: Филидором, Петровым и (отчасти) Морфи. Но заслуга Стейница была в том, что он сумел обобщить и сформулировать в печати установки «новой» позиционной школы, хотя порою и перегибал палку и доходил до полного отрицания значения комбинационной

игры. «Шахматный стратег,— писал, например, Стейниц,— не должен гнаться за возможностью блестящих комбинаций, а, наоборот, должен бороться с ними и предупреждать их простыми и неблестящими средствами».

Его последователь Тарраш пошел еще дальше: «Я всегда держусь того мнения,— писал он,— что жертва фигуры или пешки почти никогда не является непременным условием правильной и, так сказать, нормальной атаки и что жертва для получения или сохранения атаки нужна лишь в тех случаях, когда при естественном продолжении атаки допущена ошибка».

Таким образом, по мнению идеологов «новой школы», борьба в шахматной партии должна была сводиться к осторожному маневрированию и к выжиданию ошибок противника. Конечно, если бы лидеры новой школы на практике строго придерживались своих теорий, они далеко бы не уехали в своем мастерстве, но в практических соревнованиях страстное сердце шахматиста, его интуиция и темперамент препятствовали творческому самоограничению, и все они играли порою столь же смело и рискованно, как любой представитель осуждаемой ими «старой школы». Вся разница была только в том, что они не сразу и не добровольно искали осложнений, а использовали благоприятный случай, представлявший им противником. И у Стейница, и у Тарраша можно найти немало прекрасных комбинационных партий, под которыми охотно подписались бы Андерсен, Блекберн, Цукерторт.

Так считал и Чигорин, писавший в 1891 г. Стейницу: «Истинные поклонники шахмат должны быть благодарны вам за тот интерес, который вы постоянно возбуждаете вашими нововведениями и за ваше отвращение к шаблонной игре (подчеркнуто здесь и далее мною.— В. П.). Как вам известно, я не вполне разделяю вашу теорию и ваши принципы, что, однако, не мешает мне ценить их. Но вы несправедливы ко мне, когда приписываете мне односторонний взгляд на трактовку королевского фланга. В конце концов, вероятно, мы оба правы в наших взглядах на ведение игры. В некоторых своих лучших партиях вы тоже не отказывали себе в атаке королевского фланга».

Любопытно, что Стейниц, опубликовав это письмо в издаваемом им журнале, счел нужным отмежеваться от хулителей великого русского шахматиста. По поводу последней части письма Стейниц писал: «Многие критики, постоянно причисляющие Чигорина к старой школе, в большей степени, чем я, ответственны за то, что его упрекают в односторонности».

На самом деле Чигорин был далек от творческой ограниченности обеих школ — «старой» и «новой».

Чигорин первым выдвинул и осуществил принцип гармоничного сочетания шахматной стратегии и тактики, комбинационных и позиционных элементов игры, что ныне является основной установкой советской шахматной школы. Он был сторонником вдохновенного шахматного творчества, конкретного подхода к позиции без заранее надуманных рецептов.

«Умение искусно комбинировать, способность находить в каждом данном положении наиболее целесообразный ход, скорее ведущий к выполнению задуманного плана, выше всяких принципов, или, вернее сказать, и есть единственный принцип в шахматной игре, поддающийся точному определению», — указывал Чигорин.

Гениальный мастер комбинации, Чигорин вместе с тем был мастером позиционного маневра, и силу тактического удара он сочетал с глубоко задуманным стратегическим планированием, а нападение с защитой.

«Желание воспользоваться сколь поспешнее ходом противника, кажущимся на первый взгляд неестественным, ошибочным, может завлечь в атаку по ложной дороге, — писал Чигорин. — Только при постепенном развитии своих сил и крайне осмотрительной игре малу-помалу приобретаются известные выгоды в положении, а затем является уже возможность нанести решительный удар».

Как видно, Чигорин был далек от опрометчивости, от авантюрной рискованности взаимных атак шахматистов старой школы. Наоборот, он подчеркивал необходимость тщательной позиционной подготовки перехода в атаку или в контратаку.

Наиболее выдающиеся молодые зарубежные шахматисты, свободные от предвзятых мнений, прекрасно понимали разносторонность игры Чигорина: «Никогда не было мастера, который бы в такой степени сочетал в

себе искусство атаки и защиты, как Чигорин», — писал о нем чемпион США конца прошлого века Пильсбери.

И здесь мы сталкиваемся с любопытной особенностью, показывающей, какой жизненностью и органичностью были насыщены теоретические установки Чигорина. Как теоретик, Чигорин вырос на модных в его юности гамбитах: королевском и Эванса — и они прочно вошли в его турнирно-матчевый репертуар. Он сделал огромный вклад в теорию гамбитов, но, поскольку они ныне почти вышли из практики, теоретическое наследие Чигорина в этой области используется мало.

И даже его излюбленная система разыгрывания белыми французской и сицилианской защит с fianкетированием королевского слона и дальнейшей подготовки атаки на королевском фланге при блокированном центре сейчас тоже применяется редко.

Но в дебютные защиты Чигорин внес огромный вклад, и они вошли в арсенал советских гроссмейстеров и мастеров. Чигоринские защиты в испанской партии, его староиндийские конструкции, его методы борьбы против королевского гамбита — за черных, его система контригры в ферзевом гамбите («славянская защита») и даже рискованная «защита Чигорина» в ферзевом гамбите сейчас, как и три четверти века назад, постоянно встречаются в турнирной практике наших дней. Нужно ли лучшее доказательство неувядаемости чигоринских идей и гармонической слитности в его творчестве атаки и защиты, инициативы и перехвата инициативы?

Чигорин сам прекрасно сознавал свое новаторство, но то, что современники под влиянием печатной агитации зарубежных теоретиков воспринимают его как сторонника старины, некоего шахматного реакционера, глубоко огорчало и раздражало его.

Л. Велихов вспоминает, что, когда появлялись статьи адептов «новой» школы, упрекавшие Чигорина в любви к осложнениям, к комбинационной игре и «пренебрежении» позиционной игрой, Чигорин, «забывая о своей обычной скупости на слова, раздражался целой филиппикой: «Они знают обо мне больше, чем я сам... Что значит «любовь к осложнениям»? Какой нормальный человек предпочтет сложность простому пути? Все дело в том, что я часто предвижу победу в таком положении, где другие усматривают только сложность. Наконец, что

значит это нелепое противопоставление комбинационного и позиционного стилей? Разве можно различать их чисто механически? В шахматах есть только два стиля — хороший, то есть ведущий к победе, и плохой, то есть ведущий к поражению. В каждой позиции скрывается возможная комбинация и каждая комбинация рождается из позиции».

Из приведенных выше высказываний Чигорина и его современников видно, что отдельные спортивные срывы великого русского шахматиста объясняются не какими-либо недостатками его могучего дарования, не ошибочными теоретическими установками, а глубокими социальными и психологическими причинами, которые я постараюсь уяснить читателю после описания исторических матчей Чигорина на острове Куба.

РОССИЙСКИЙ ШАХМАТНЫЙ КОЛУМБ ОТКРЫВАЕТ НОВЫЙ СВЕТ

Это был вообще первый выезд русского шахматиста за океан, своеобразное открытие шахматной Америки Колумбом из петербургского шахматного клуба! До того ни один представитель шахматной России не был на американских континентах, а Чигорин ехал не только на Кубу, но потом должен был принять участие в большом международном турнире в Нью-Йорке.

Для нас, советских людей, кажется очевидным, даже само собою разумеющимся, что участнику крупных международных соревнований не приходится заботиться о материальной стороне поездки. Но тогда дело обстояло иначе. Все тяготы ложились на маэстро. До США Чигорин должен был добираться на свой счет. Гаванский шахматный клуб оплачивал только проезд из США до Кубы и обратно плюс содержание во время матча. Кроме того, Чигорин должен был внести за себя ставку в размере 2000 рублей, т. е., как тогда говорили, «держать пари» за себя в матче со Стейнницем. Общая сумма взносов обоих противников шла победителю в матче. Победенный, несмотря на проделанный им гигантский труд, не получал ничего, если не считать кормовых и ничтожного гонорара по 20 долларов за очко.

Все это требовало крупных затрат. Денег у Чигорина

таких, конечно, и в помине не было. Но он уже был знаменит, и вызов Стейница еще больше повысил его авторитет. Петербургские друзья Чигорина решили ему помочь. За подписью члена правления шахматного клуба Арнольда был разослан всем состоятельным любителям циркуляр, в котором говорилось: «Так как ни сам Михаил Иванович, ни Санкт-Петербургское общество любителей шахматной игры не имеют достаточно средств, необходимых как для покрытия расходов, связанных с поездкою в Америку, так и для требуемого пари, то Ваш покорный слуга, уполномоченный Обществом организовать осуществление матча, обращается ко всем русским шахматистам, которые, как известно, относятся не индифферентно к национальной гордости, помочь в этом деле,— во-первых, личным участием в подписке на пари и, во-вторых, приглашением к участию других любителей».

Далее в циркуляре разъяснялось просвещенным меценатам, которые недалеко ушли от обыкновенных, непросвещенных ростовщиков, что подписка денег для пари вовсе не являлась пожертвованием, а самой обычной спекуляцией. Если шахматист, за которого держали пари, побеждал в матче, то «акционеры» не только получали свои деньги обратно, но даже с пятидесятипроцентной надбавкой. Сам же победитель зарабатывал только половину взноса побежденного противника. Например, Стейниц, выиграв в матче у Цукерторта 2000 долларов, сам получил только тысячу долларов. Правда, к чести меценатов надо добавить, что в случае поражения их чемпиона они не ташили его в суд, не ругали, не пугали, а просто, вздыхая, проводили пожертвованные деньги по графе «убытки», давая себе зарок никогда больше не связываться с этим шахматистом и стать раз и навсегда «индифферентным» к национальной гордости.

Но поскольку шансы Чигорина котировались высоко и были перспективы поднажиться на нем, свет оказался не без добрых людей. Пятьсот долларов обеспечили три любителя из самой Гаваны. Остальная сумма была собрана в России, но, по-видимому, в обрез, так как Чигорин отплыл в начале декабря в США не на солидном лайнере из Гавра, а на каком-то захудалом пароходишке из Копенгагена,

Сэкономив на чигоринском билете, «меценаты» самим себе оказали плохую услугу! Переезд в США вместо обычных шестнадцати дней длился двадцать три, причем в течение двадцати суток свирепствовала буря, причинившая кораблю немалые повреждения. Чигорин, чей морской опыт ограничивался короткими переездами через Ламанш, чувствовал себя ужасно. Как видно из письма, присланного им по прибытии в Нью-Йорк, все время плавания он не спал, ожидая, что пароход вот-вот пойдет ко дну. Поскольку это был Атлантический океан, а не озеро Ильмень, то Чигорин даже не мог рассчитывать, что морской царь (страстный шахматист — согласно русским былинам) встретит его не хуже, чем в свое время встречал новгородского гостя Садко.

Конечно, для пожилого, непривыкшего к бурям, нервного человека такое длительное путешествие, вместо круиза на комфортабельном пароходе с возможностью отдохнуть и потренироваться, явилось трепкой нервов, измучило Чигорина физически и морально и сыграло роковую роль в матчевой борьбе с чемпионом мира.

Поскольку пароход пришел в Нью-Йорк с запозданием, Чигорину не пришлось отдохнуть на суше, и он вынужден был немедленно ехать в Гавану. «В Гаване,— как рассказывал Чигорин в интервью, данном после возвращения на родину,— я тоже не мог отдохнуть, потому что местное шахматное общество торопило начало матча, желая, чтобы его открыл испанский губернатор, собиравшийся уезжать. Местный климат и пища сразу же оказали вредное влияние на мое здоровье, и я принужден был играть наполовину больным. Мне случалось порою до того плохо чувствовать себя во время игры, что я почти забывался, и мне стоило больших усилий сосредоточить свое внимание на игре. Некоторые партии я проиграл просто зевками. Однажды, явившись на очередной сеанс матча (т. е. на партию.— В. П.), я выглядел настолько нездоровым, что распорядители отложили сеанс и послали меня домой лечиться. Но отложить матч не было никакой возможности, пришлось бы тогда совсем его бросить...

Зрителей всегда было множество,— рассказывал далее Чигорин,— так что наш матч положительно был злобой дня в Гаване. Даже извозчики интересовались исходом нашей игры. Мне нельзя было никуда показаться,

ни на гулянье, ни в лавку, чтобы не быть окруженным людьми мне совсем неизвестными, закидывавшими меня градом вопросов... Меня ласкали как могли и, видимо, все симпатии были на моей стороне».

Действительно, знойный климат Гаваны был противопоказан Чигорину, уроженцу русского Севера, никогда не бывавшему не только в тропиках, но даже в Крыму. Но климат, как мы увидим дальше, не был единственной причиной его поражения. Стейниц же, хотя ему было уже 53 года, переносил жару легко и играл на полную мощность, демонстрируя превосходную теоретическую подготовку и тонкий психологический подход к своему грозному противнику.

Вообще Стейниц в матчах с Чигориным показал себя явно лучшим шахматным спортсменом.

Матч игрался на большинство из двадцати партий.

Сил Чигорина хватило только на приличный старт: он выиграл первую, третью, шестую и седьмую партии, но затем проиграл три партии подряд и резко сдал, а на самом финише снова потерпел три поражения. Матч, начавшийся 20 января 1889 г., окончился 24 февраля победой Стейница со счетом 10,5 : 6,5. Привожу таблицу.

Партии	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Стейниц	0	1	0	1	1	0	0	1	1
Чигорин	1	0	1	0	0	1	1	0	0

Продолжение

Партии	10	11	12	13	14	15	16	17	Итог
Стейниц	1	0	1	0	1	1	1	$\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$
Чигорин	0	1	0	1	0	0	0	$\frac{1}{2}$	$6\frac{1}{2}$

Чигорин первую и все остальные нечетные партии играл белыми. При рассмотрении партии матча поражает количество грубых ошибок, допущенных Чигориным, в то время как Стейниц не допускал ни просмотров, ни просчетов, играл с большой выдержкой.

Любопытно, что во всем матче была всего только одна ничья, да и то в последней партии! Читатель, наверно, подумает, что Чигорин, видя безнадежность борьбы после трех поражений подряд, сделал классическую «короткую ничью» побежденного гроссмейстера и ушел домой укладывать чемодан. Это не так. Последнюю партию Чигорин играл гамбитом Эванса, который он применял во всех нечетных партиях, кроме третьей, и ничья была зафиксирована лишь на семидесятом ходу. Русский чемпион исключительно добросовестно относился к своим спортивным обязанностям.

Белыми Чигорин набрал $5\frac{1}{2}$ очка из 9, но черными только 1 очко из 8! Результат невероятный, даже если учитывать неблагоприятные климатические условия. В чем же дело? И здесь мы подходим к основной причине поражения Чигорина, заключавшейся в полной растренированности его и в полной неподготовленности к дебютному репертуару противника.

Надо учесть, что в течение предыдущих шести лет (1883—1888 г.) Чигорин почти не встречался на равных с сильными противниками, а подавляющее большинство партий играл в турнирах-гандикапах, где дебютная теория не имела никакого значения.

Те же немногие противники Чигорина, которые встречались с ним на равных, когда им приходилось играть белыми, обычно применяли такие же классические открытые дебюты, что и Чигорин: гамбит Эванса, королевский гамбит, итальянскую, шотландскую и испанскую партии, защиту двух коней.

Полуоткрытые дебюты тогда были разработаны мало и вошли в широкую практику значительно позже. Закрытых дебютов ни белыми, ни черными Чигорин до матча со Стейнницем почти не применял.

Стейниц знал по литературе об отсутствии у Чигорина практического опыта закрытых начал, и все партии, которые играл белыми, начинал ходом королевского коня с последующим продвижением ферзевой пешки, отнюдь не стремясь в дальнейшем к обострению борьбы, а создавая прочную позицию с надежным прикрытием своего короля.

Чигорину пришлось в порядке импровизации, за доской, решать сложные и новые дебютные проблемы, но это требовало хорошей спортивной формы и быстро-

ты ориентировки, которых у него вследствие усталости от морского путешествия и знойного климата не было. Чигорин, видимо, стремясь к экономии сил при разыгрывании дебюта, избирал один и тот же невыгодный для черных вариант, связанный с немедленным выводом своего ферзевого слона и дальнейшим разменом его на королевского коня Стейница, что только усиливало пешечное прикрытие белого короля.

Любопытно, что со второй половины девяностых годов, когда Чигорин стал постоянным участником международных турниров, он в ответ на ферзевый гамбит разработал надежные и стратегически оригинальные дебютные системы и набирал в ферзевом гамбите, играя черными, нормальный процент очков.

Невольно удивляешься, как люди, сочинявшие слезные циркуляры о необходимости материальной помощи Чигорину, как шахматисты, несомненно, очень благожелательно относившиеся к своему чемпиону, не подумали о том, чтобы создать возможность для русского претендента на мировое первенство хотя бы месяц отдохнуть на лоне природы и там заняться изучением партий Стейница и шлифовкой тех дебютных вариантов, в которых Чигорин не имел никакого спортивного опыта. Даже если бы петербургские болельщики организовали бы несколько тренировочных партий Чигорина с применением против него белыми закрытых начал (ведь известно было, что Стейниц часто избирает их), то даже это значительно помогло бы Чигорину.

Немалая вина, конечно, лежит и на самом Михаиле Ивановиче, проявившем полную беспечность и явно пренебрегшем физической и теоретической подготовкой к важнейшему соревнованию. Возможно, что он надеялся всем этим заняться на пароходе, но, как мы видели, там было «не до жиру, быть бы живу».

Однако, несмотря на неудачный результат матча со Стейницем, игра Чигорина в матче получила высокую оценку современников.

Немецкий журнал «Дейтче шахцайтунг» писал после матча, что Чигорин «стилем своей игры, своими живыми, блестящими и опасными комбинациями из всех современных шахматистов имеет наибольшее сходство с великим Морфи, и нередко, просматривая какую-нибудь партию русского маэстро, выносишь впечатление, буд-

то он прямо взял себе за образец гениального американца».

Прекрасное впечатление оставил Чигорин и в Гаванском шахматном клубе. Руководители клуба воочию убедились в том, насколько знойный климат Кубы отражался на спортивной форме русского маэстро, но надеялись, что он в конце концов сумеет акклиматизироваться. Они предложили немедленно организовать новый матч между Чигориным и Стейнницем до пяти выигранных партий, причем соглашались внести за Чигорина ставку в 500 долларов. Однако Стейниц не пожелал искушать судьбу и отказался играть с Чигориным.

Вместо этого Чигорин и Стейниц в компании с местными мастерами сыграли между собою три консультационные партии, давшие союзникам по одной победе при одной ничьей.

Отдохнув в Гаване, Чигорин отправился на международный турнир в Нью-Йорк, сопровождаемый самыми дружескими пожеланиями кубинцев. Как рассказывал Чигорин в уже цитированном мною интервью: «несмотря на неудачный для меня исход матча со Стейнницем, я был приглашен снова приехать в Гавану для встреч с местными маэстро или с таким иностранным партнером, которого я себе подберу. Я выбрал Стейница и уже заручился его согласием дать мне реванш».

Но это согласие было чисто принципиальным, а кубинцы хотели вновь принимать Чигорина уже в следующем году, и некоторое время спустя он выдвинул кандидатуру английского маэстро Исидора Гунсберга, добившегося в последнее время ряда крупных успехов. По своему осторожному позиционному стилю игры Гунсберг очень напоминал Стейница. Очевидно, Чигорин перед новым, в принципе решенным единоборством с чемпионом мира решил потренироваться в маневренной игре. Как это у него вышло или, точнее, не вышло, я расскажу в следующей главе, а сейчас перейдем к турниру в Нью-Йорке.

Турнир начался 25 марта 1889 г. и продолжался 54 дня! Двадцать участников играли в два круга. Состав был сильный: в турнире участвовало большинство ведущих маэстро той эпохи.

Чигорин превосходно провел турнир и, набрав 29 очков, поделил (после добавочного матча) первый и вто-

рой призы с талантливым венгерским маэстро Максом Вейссом, шахматистом тонкого позиционно-маневренного стиля игры. За два года до того Вейсс поделил в турнире во Франкфурте-на-Майне второй и третий призы с Блекберном, отстав лишь от Мэкензи, и хорошо сыграл на турнире в Гамбурге в 1885 г.

Позади Чигорина и Вейсса стал Гунсберг, выигравший обе партии у Чигорина, что и послужило основанием для Чигорина предложить гаванскому клубу организовать его матч именно с Гунсбергом.

На четвертом месте был Блекберн, на пятом Берн.

Чигорин выиграл по полтора очка у Вейсса (в турнире) и Блекберна и нанес два поражения Берну.

Всего Чигорину в Нью-Йоркском турнире пришлось сыграть 42 партии, так как ничьи во втором круге, согласно регламенту, переигрывались, а потом еще четыре матчевых партии с Вейссом, которые все закончились вничью. Казалось бы, для человека, только что сыгравшего семнадцать партий в матче на мировое первенство — это непосильная задача, и Чигорин в турнире начнет «мазать» и «зевать», но достаточно было самого небольшого отдыха в Гаване и на пароходе, чтобы Чигорин полностью вошел в форму. Результат Нью-Йоркского турнира подтвердил, что поражение Чигорина в матче со Стейнцем во многом объяснялось усталостью от опасного морского путешествия и непривычными для северянина климатом и пищей.

Интересно, что сам Чигорин был недоволен даже своими результатами в Нью-Йорке. Он писал из Нью-Йорка одному из петербургских друзей: «Вот и турнир кончился, и не совсем удачно. Довольствуйся дележом с Вейссом первого и второго призов... В турнире я достаточно пижонил, один раз даже сфокусничал и проиграл в выигрышном положении. Ничья с Мэзоном (которую я не хотел оканчивать по причинам, Вам уже известным) доставила бы мне первый приз. Ничью с Гунсбергом (последняя партия) тоже я проиграл. Из-за чего? Из-за различных историй и сплетен. Вот народец-то собрался. Чисто странствующие «музыканты»..

В интервью, данном по возвращении в Россию, Чигорин расшифровал причины своего недовольства коллегами по турниру: «Большинство съехавшихся в Нью-Йорк игроков,— сказал он,— приехали туда только за

долларами, очень мало радело собственно о шахматной игре, а при этих условиях турнир не мог представлять особенного интереса. У Стейница тоже есть свои слабости,—сказал в заключение Чигорин.— Он довольно капризен, придиричив, но Стейниц любит шахматную игру как игру, а не только как средство наживать большие деньги; что же касается большинства остальных международных игроков, то они смотрят на шахматную игру совсем иначе».

Симптоматичное высказывание, показывающее, с каким принципиальным критерием подходил Чигорин и к себе и к своим современникам. Это был бескорыстный творческий работник до мозга костей!

ЛАВРЫ И ТЕРНИИ

Интерес, возбужденный во всем (не только в шахматном!) мире первым матчем Чигорина со Стейницем и его победой на турнире в Нью-Йорке, превратил Михаила Ивановича в национального шахматного кумира. Полное равнодушие и к Чигорину и к шахматам демонстрировали лишь русские правящие круги. Вообще за всю тридцатипятилетнюю общественную, спортивную и творческую деятельность великого русского шахматиста ни один из трех сменивших друг друга царей, ни один из министров ни разу не упомянули Чигорина добрым словом, не говоря уже о посылке ему приветствия или оказания материальной помощи.

Зато чутко реагировал на международные успехи русского шахматного короля петербургский газетный король А. С. Суворин, игравший ту же роль в русской прессе, как лорд Ротермир в Англии и Херст в США. Сам Суворин был фельетонистом, беллетристом, драматургом, вообще разносторонне культурным человеком, выбившимся из нищеты, как Чигорин, но ценою низкопоклонства перед правительством и циничного приспособленчества достигший влияния и богатства. Он был издателем и редактором наиболее распространенной в то время газеты «Новое время», владельцем крупного книжно-журнального издательства и петербургского «Нового театра».

«Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути,—миллионер, самодовольный и бес-

стыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути»,— писал про Суворина В. И. Ленин (Соч., том XVIII, стр. 250—251).

Стремясь привлечь к своей газете выдвигающиеся таланты, которые он смог бы эксплуатировать, Суворин не пренебрегал никакими средствами. Например, он старался прочно привязать к «Новому времени» Чехова, распознав его огромное дарование еще в то время, когда Чехов только начинал входить в славу.

Вот что писал А. П. Чехов своему брату 24 марта 1888 г.: «Суворин пресерьезнейшим образом предложил мне жениться на его дочери, которая теперь ходит пешком под столом...

— Погодите пять-шесть лет, голубчик, и женитесь. Какого вам черта нужно? А я лучшего не желаю.

Я шуточно попросил в приданое «Исторический вестник» с Шубинским, а он пресерьезно посулил половину дохода с «Нового времени». Его супруга, наверное, уже сообщила тебе об этом...»

Полтора года спустя, 20 ноября 1889 г., А. П. Чехов вспоминает об этом предложении уже в письме к самому Суворину в таком шутовском тоне: «Вы пишете, что Настя переросла Анну Ивановну (жену Суворина.— В. П.). Нужно расти не вверх, а в ширину. Высокий рост, когда плечи не широки, не в ладу со здоровьем. Надо гимнастику делать, а то замуж не возьму. В гимнастику,— добавляет Чехов фразу, которая особенно интересна для наших читателей-физкультурников,— я верю сильно...»

Напомню читателям, что А. П. Чехов так и не поддался на удочку Суворина и через несколько лет прекратил сотрудничество в «Новом времени», а затем и личное знакомство с Сувориным.

Суворин считал нужным завербовать в число сотрудников «Нового времени» и Чигорина, хотя и не столь эксцентричным предложением. Сыновья Суворина были шахматистами—членами чигоринского клуба. Они предложили Чигорину вести в газете постоянный шахматный отдел, назначив ему жалование—сначала 50 руб., потом 75 руб. и наконец 150 руб. Эти оклады явились своеобразным барометром, отразившим растущий авторитет Чигорина в общественном мнении стра-

ны и все увеличивающуюся популярность его шахматных отделов. Интересно, что даже люди, ненавидевшие «Новое время», все же аккуратно покупали эту газету в дни, когда в ней появлялся очередной чигоринский шахматный отдел.

Для Чигорина предложение Суворина было очень заманчивым. Он получал постоянную творческую трибуну для пропаганды своих теоретических взглядов в газете, которая благодаря покровительству властей распространялась не только в Петербурге и Москве, но попадала и в самые «медвежьи углы» русской провинции. Это обеспечивало Чигорину многолетний контакт с десятками тысяч любителей игры и способствовало их объединению. Твердый же (под конец — довольно большой) оклад зарплаты, значительно превышавший жалование мелкого чиновника того времени, гарантировал Чигорина от нищеты. Политических же взглядов газеты Чигорин не разделял, сотрудничество в газете было единственным за всю его жизнь компромиссом со своей совестью во имя развития шахматного движения в России.

Отделы Чигорина были очень большими — величиною приблизительно в два полных столбца газеты наших дней, набранных мелким шрифтом. В отделах печатались задачи, этюды, концовки, партии самого Чигорина и других русских и зарубежных корифеев, теоретические заметки, сведения по истории игры, хроника соревнований в России и за рубежом, ответы читателям. В подробнейших комментариях чувствовался новаторский подход Чигорина к актуальным проблемам дебюта, середины игры, эндшпиля, а глубокий анализ и блестящая эрудиция великого русского шахматиста делали чигоринские шахматные отделы ценнейшим учебным материалом для массового любителя игры. Достаточно к тому же самого беглого взгляда на огромные шахматные отделы Чигорина, чтобы убедиться, что он был исключительным, самоотверженным тружеником.

Немудрено, что Чигорина в газете очень ценили, поскольку он способствовал ее распространению и популярности.

Видом своеобразной, хитрой рекламы было то, что шахматные отделы Чигорина печатались не только в

газете, но и отдельными листками, и на эти листки среди шахматистов объявлялась подписка.

Возвращаясь к спортивным выступлениям Чигорина.

В конце 1889 г. Чигорин вновь отправился на Кубу для матча с Гунсбергом. Начал он матч двумя победами подряд, причем во второй партии матча провел комбинацию, которую Стейниц оценил, как «комбинацию редкой красоты и глубины», а Гунсберг заявил, что «вся эта комбинация могла быть создана только великим маэстро». Другие комментаторы охарактеризовали всю партию, как «проведенную с высшим мастерством», как «жемчужину матча». Но после такого прекрасного старта повторилась прошлогодняя картина. Под влиянием жары Чигорин допускал грубые ошибки даже в ничто выигрышных позициях. Подлинный «смех сквозь слезы» возбуждала у зрителей, например, девятая партия матча. Чигорин, игравший белыми, жертвой слона лишил черных рокировки. Затем последовали новые жертвы, и король черных под ударами тяжелых фигур Чигорина помчался к центру доски, как олень, травимый львами. К 21-му ходу у Гунсберга были лишние два слона и конь, но Чигорин мог дать мат в несколько ходов. Эта возможность была и на 22-м ходу, а затем в течение десяти ходов была возможность вечного шаха. Уклоняясь от ничьей, Чигорин ухитрился партию проиграть. Матч после полуторамесячной борьбы закончился вничью: каждый маэстро выиграл по девяти партий при пяти ничьих.

Привожу таблицу, показывающую течение борьбы:

Партии	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Гунсберг	0	0	1	½	1	0	½	1	1	1	0	1	0	1
Чигорин	1	1	0	½	0	1	½	0	0	0	1	0	1	0

Продолжение

Партии	15	16	17	18	19	20	21	22	23	итог
Гунсберг	½	0	½	0	½	0	1	0	1	11 ½
Чигорин	½	1	½	1	½	1	0	1	0	11 ½

По возвращении в Петербург Чигорин дал интервью корреспонденту «Нового времени», который нашел, что маэстро «вернулся к нам загоревшим и порядочно похудевшим». Чигорин ничейный результат матча объяснил «невыносимой жарой, все время преследовавшей меня в Гаване. Вы здесь и понятия не имеете о подобной жаре. Я буквально изнемогал от жары — даже ночью. Гунсберг переносил ее сравнительно легче... Все время играли в раскаленной удушливой атмосфере. Извольте-ка думать и соображать, когда с вас пот так и льет... Несколько раз я в выигрыше был уверен, видел совершенно ясно, какой мне остается для этого сделать ход, и все-таки не делал его, пропускал случай и проиграл таким образом несколько партий совсем даром... Играй я в Париже, Берлине, Лондоне, Петербурге, где хотите, только не в этом пекле, я непременно выиграл бы матч, а в Гаване мы его сыграли вничью».

А вот другая, аналогичная жалоба: «Партия продолжалась очень напряженно, пока наконец я не достиг ясного ничейного положения. И тогда внезапно силы мне изменили. Причины шахматного порядка здесь не имели места. В моем распоряжении было много времени, и положение было очень простое, но я, не обдумывая, сделал проигрывающий ход. По-видимому, это действие акклиматизации к раскаленному и очень яркому солнцу Кубы. По моим наблюдениям, оно вызывает состояние усталости и чувство головокружения — своеобразное опьянение солнцем».

Но это слова — не Чигорина! Их писал 31 год спустя чемпион мира Ласкер, игравший в Гаване матч на мировое первенство с гениальным кубинцем Капабланкой.

Кубинский невропатолог, к которому обратился Ласкер, посоветовал Ласкеру «соблюдать строжайший покой» и дал ему такое любопытное разъяснение: «Здесь для вас слишком много света, жары и шума. Солнечный свет действует у нас гораздо сильнее, чем на севере. Это заставляет человеческое тело излучать и потреблять гораздо больше энергии, чем в более холодных и темных зонах». «Следовательно, доктор, — спросил Ласкер, — это и заставляет меня инстинктивно искать покоя? Должно быть, поэтому-то мои способности отказываются работать, несмотря на все мои усилия». «Конечно, — ответил доктор. — Вы нуждаетесь в покое, ваш

мозг не в силах выполнять требования, которые вы ему предъявляете». «И он дал мне,— пишет Ласкер,— подробные разъяснения. Мои переживания подтвердили все, что он сказал. Он объяснил мое чувство головокружения, мою неспособность по прошествии нескольких часов игры оценить позицию или даже точно видеть положение».

Но Чигорин не обращался к доктору за консультацией и вообще, по-видимому, невнимательно относился к собственному здоровью и отнюдь не заботился о должной спортивной форме. Как раз после второй, блестящей победы над Гунсбергом, Чигорин вместо того, чтобы денек отдохнуть и приучить свой организм в спокойной обстановке к климату и местной пище, согласился дать накануне третьей партии матча сеанс одновременной игры против двадцати пяти сильнейших шахматистов Кубы. Сеанс Чигорин провел превосходно (+23, —1, =1), но переутомился и на следующий день с треском проиграл Гунсбергу, который после этого воспрянул духом.

И еще более удивительно! Ответив тому же корреспонденту на вопрос «Предполагаете ли вы вернуться в Гавану на новый матч?», что: «Меня приглашали, но мне бы этого не хотелось. Моя мечта сыграть матч в Петербурге в нашем шахматном клубе, сразиться со Стейнницем и получить реванш», Чигорин год спустя вновь отправился на Кубу, чей климат был ему явно противопоказан. Почему? На этот вопрос я отвечу позже.

А практичный Гунсберг, вызвавший Стейница на матч, добился проведения соревнований не в Гаване, а в Нью-Йорке с 9 декабря 1890 г. по 22 января 1891 г. и хотя проиграл матч, но с почетным счетом +4, —6, =9.

Той же осенью и зимою (с 23 октября 1890 г. по 28 апреля 1891 г.) состоялся матч по телеграфу из двух партий между Чигориным и Стейнницем (конечно, во время матча Стейниц — Гунсберг был сделан перерыв).

Любопытно, что перед матчем по телеграфу со Стейнницем Чигорин для тренировки и практической проверки своих анализов провел в августе—сентябре 1890 г. матч по переписке с первокатегорником А. А. Марковым. Это был знаменитый русский математик, с глубо-

ким уважением относившийся к Чигорину, один из передовых русских людей той эпохи. Например, в 1912 г., уже будучи академиком, Марков направил заявление святейшему правительствующему синоду, в котором писал: «Честь имею покорнейше просить святейший синод об отлучении меня от церкви. Надеюсь, что достаточным основанием для отлучения может служить ссылка на мою книгу «Исчисление вероятностей», где ясно выражено мое отношение к сказаниям, лежащим в основании еврейской и христианской религии».

Вероятно, такую же смелость и самостоятельность критической мысли Марков проявлял и в шахматном анализе, и это позволило ему закончить матч по переписке из четырех партий против Чигорина с почетным счетом $+1, -2, =1$.

Можно пожалеть, что Чигорин и до того и в дальнейшем не воспользовался А. А. Марковым как тренером перед своими кубинскими матчами со Стейницем. Впрочем, Марков, занятый важной научной работой, вряд ли бы смог надолго отвлекаться от нее.

По требованию Стейница телеграфный матч с Чигориным игрался на ставку в тысячу долларов, но эта сумма легко была собрана подпиской среди членов Петербургского шахматного клуба. Они знали, что это — верное помещение средств с гарантированной прибылью, так как игра по переписке была область, в которой Чигорин не имел себе равных.

Здесь в полной мере проявлялся его конкретный, глубокий, абсолютно точный и всесторонний анализ, и не могли проявляться спортивные недостатки Чигорина: горячность, недостаток выдержки в острых моментах, стремление к дебютным экспериментам. И играл он в родном, привычном климате.

Матч имел большое теоретическое значение, которое оба противника прекрасно понимали. Я имею в виду не только конкретно избранные ими дебютные варианты, которые были опровергнуты Чигориным в этом матче и навсегда сошли со сцены. Белыми Чигорин играл гамбит Эванса, черными — защиту двух коней. В обеих партиях игра началась с дебютных позиций, которые были рекомендованы Стейницем, как выгодные: для черных в первой партии и для белых — во второй. Но сущность теоретического спора была не столь узка, как ка-

жется на первый взгляд. Вопрос шел не только об этих вариантах и дебютах. Она заключалась в том, чей принцип оценки позиции является правильным. Стейниц считал, что наличие лишней пешки у него в обеих партиях при хорошей защищенности короля является залогом победы, и готовился практически доказать провозглашенную им основную установку «новой школы» — примат защиты над атакой.

Чигорин же исходил из более передового принципа, который в наши дни является аксиомой для любого квалифицированного шахматиста: прочное владение инициативой и гармоничное расположение фигур с надежной координацией их наступательных действий с лихвой компенсируют отсутствие пешки.

Телеграфный матч Чигорин — Стейниц вызвал огромный интерес в шахматном мире. Ходы обоих противников передавались телеграфными агентствами в газеты, оживленно комментировались в русской и зарубежной печати, не говоря уже о шахматных журналах всего мира. Всюду публиковались интервью с местными маэстро, их прогнозы и анализы. Весь шахматный мир с затаенным дыханием следил за интереснейшим соревнованием двух великих шахматистов.

И не только шахматный мир, но и ... американская охранка, оказавшаяся еще более духовно убогой, чем русская, и насмешившая жителей Нью-Йорка своим невежеством. Стейниц, пользовавшийся при передаче по телеграфу шахматных ходов шифром, в один прекрасный день был арестован по обвинению, что он является «русским шпионом»! Вытащив из кармана несколько американских газет и свой шахматный журнал, Стейниц, конечно, легко доказал оскандалившимся предкам сенатора Маккарти и других «охотников за ведьмами» абсурдность ареста.

После почти полугодовой борьбы телеграфный матч окончился блестящей победой Чигорина в обеих партиях. Стейниц, который вообще отличался большим благородством и принципиальностью, заявил в издававшемся им шахматном журнале, что «игра Чигорина была во всех отношениях изумительна» и что «никогда ни одно шахматное соревнование не вызывало к себе такого широкого и буквально всеобщего интереса».

Но чемпион мира явно не мог свести концы с концами и объяснить своим поклонникам: как же так — он, чемпион мира и глава «новой» шахматной школы, — проиграл королю «старой» шахматной школы. И Стейниц, не желая признавать принципиальное превосходство новаторской игры Чигорина, дал такое курьезное объяснение.

Он писал про первую партию: «Это было медлительное сражение за позицию, и русский маэстро продвигался вперед по наиболее одобренным принципам современного боевого шахматного искусства».

Получается, что Чигорин победил Стейница, применяя методы Стейница.

Любопытно, что такое же объяснение причины поражения Капабланки 36 лет спустя в матче на мировое первенство против Алехина давали приверженцы гениального кубинца. Они утверждали, что Алехин играл не в свойственном ему стиле, что он усвоил стиль Капабланки и что, таким образом, хотя Капабланка и побежден, но стиль его восторжествовал.

Результат телеграфного поединка имел важные последствия. Еще задолго до его окончания всему шахматному миру стала ясна необходимость новой матчевой встречи чемпиона мира с гениальным русским претендентом, тем более, что Чигорин уже давно имел принципиальное согласие Стейница на матч-реванш.

Русскими любителями была учтена и необходимость провести матч в обычном, прохладном климате.

На этот раз без всякого труда были собраны в Петербурге средства, достаточные для оплаты денежной ставки за Чигорина в две тысячи долларов, расходов Стейница по проезду его в Петербург и содержания участников матча.

Спустя лишь три дня после окончания телеграфного матча, 1 мая 1891 г., Петербургское шахматное общество направило Стейницу телеграмму с предложением играть матч в Петербурге в любое удобное для него время.

Но Чигорин уже настолько высоко котиrowался в мировом общественном мнении, что у его земляков появились мощные конкуренты. На следующий день из Нью-Йорка была получена встречная телеграмма: «Гаванский шахматный клуб желает устроить ваш матч со

Стейницем в декабре до десяти выигранных партий на две тысячи долларов. Принимаете ли вы предложение?»

Наступила критическая минута всей шахматной карьеры великого русского шахматиста. Чигорину было над чем призадуматься. Где лучше играть матч?

Невыгоды кубинского климата были очевидны. Играть в Гаване значило наверняка играть ниже своих возможностей. Но на Кубе был горяч не только климат, на Кубе была горяча и любовь кубинских любителей шахматной игры к Чигорину, и не только как к гениальному маэстро, но и как к обаятельному человеку. Так к Чигорину относились не только на Кубе. Сухой, сдержанный в оценках Ласкер вспоминал о Чигорине:

«Это был живой, любезный человек, открытый, искренний. Он импонировал и по внешности. Глаза его всегда оживленно блестели, одевался он очень тщательно, его манеры внушали всем уважение. Во всяком обществе он сразу же привлекал к себе всеобщее внимание — прежде всего своей сердечностью.

Если попытаться охарактеризовать его, как мыслителя, то прежде всего необходимо отметить, что он был больше художником, чем философом. Однако его суждения, основанные на чувстве или инстинкте, часто бывали более метки, чем мнения многих, придерживавшихся строго логических построений. Стейниц, как последовательный мыслитель был выше его, однако в понимании правильности, силы и красоты в шахматном искусстве Чигорин далеко превосходил Стейница. Можно понять, что он проиграл Стейницу, так как в игре за доской сказывалось превосходство экономящей силы методики Стейница. Но другое дело, когда в распоряжении Чигорина было достаточно времени для анализа, например в игре по переписке он не имел равных...»

Интересна и характеристика Ласкером личности Чигорина.

«Михаил Иванович всегда был прекрасным товарищем. Он никогда не был в плохих отношениях ни с одним из современных ему мастеров. Он никогда не был замешан ни в какой интриге, никогда он не искал случая скомпрометировать кого-либо из мастеров или чем-нибудь повредить кому-либо из них. Не было случая, чтобы он пытался помешать участию в турнире кого-нибудь из своих соперников. И тени подобных побужде-

ний у него никогда не было; он всегда стремился под-
нять шахматы до уровня искусства».

Как выглядел Чигорин в те годы? Современник великого русского шахматиста москвич Д. Н. Павлов описывает его так: «Как сейчас вижу входящего в зал невысокого роста, коренастого человека с очень черными волосами и подстриженной бородой, одетого в строгий черный сюртук. Его матово-смуглое, здорового оттенка лицо очень приятно и приветливо, однако без малейшей улыбки и неизменно серьезно. Только живые, с какой-то затаенной усмешкой черные глаза ярко блестят, говоря о бурном темпераменте, скрывающемся за этой выдержанной внешностью».

Чигорин во время пребывания на Кубе завоевывал симпатии не только тамошних шахматистов своим ярким творческим стилем игры, но и местного населения, увидевшего в представителе далекой северной страны простого, демократичного и просвещенного человека, с широким кругозором, без каких-либо расовых предрас-
судков или высокомерия.

В Петербурге же Чигорину, выражаясь словами Шекспира, было «холодно от северных друзей», и это отчетливо проявилось при проведении в Петербурге международных соревнований с участием Чигорина в следующие годы, к чему я еще вернусь.

Интриги, склока, зависть, мелкие денежные интересы, нелепые обвинения в адрес Чигорина по-прежнему царили в Петербургском шахматном клубе, где во главе с Алапиным образовалась настоящая «античигоринская партия», которая вместо поддержки гениального шахматиста, творческой и моральной помощи ему в борьбе за мировое первенство развела мышиную возню, противопоставляя себя коренным интересам отечественного шахматного движения.

Показательно, например, что, когда Чигорин на Кубе играл матч со Стейницем, алапинцы использовали отсутствие русского чемпиона — председателя правления клуба, чтобы произвести перевыборы правления, что само по себе и бестактно и формально неправильно.

Правда, Чигорин и при этих «внезапных» перевыборах остался председателем шахматного клуба, но получил большинство всего в три голоса. А мог его и не получить! Ясно, какое отрицательное спортивное дей-

ствие это оказало бы на его самочувствие и даже, возможно, на исход матча!

Терпение Чигорина лопнуло! Надо сказать, что при всей своей корректности, вежливости и чутком отношении к коллегам, Чигорин был очень принципиальным, прямым человеком и, когда надо, умел быть резким и проявлял нетерпимость. Вообще он страстно ненавидел лицемеров, обманщиков, халтурщиков, любителей интриг, невежд, прикрывающих пышной псевдонаучной терминологией непонимание творческого содержания игры.

На экстренном заседании членов клуба Чигорин подал в отставку с поста председателя правления. Поддерживавшие его шахматисты бурно протестовали против навязанного Чигорину решения. Алапин, наоборот, «перешел в наступление». Раздавались взаимные упреки и обвинения. В результате «Санкт-Петербургское общество любителей шахматной игры» развалилось на два отдельных шахматных клуба. Друзья Чигорина с ним во главе, купив шахматный инвентарь у прежнего общества, в марте 1891 г. в том же помещении открыли новое «Санкт-Петербургское шахматное общество», в котором Чигорин стал вице-президентом, а президентом нового общества был избран крупный дипломат, любитель шахматной игры П. А. Сабуров.

Остальные же любители шахматной игры, склок и интриг вошли в состав шахматного кружка при «Собрании экономистов».

Не входя в детальный разбор взаимных обвинений, следует признать, что Алапин и его сторонники были неправы хотя бы потому, что начавшийся повсеместно — в Петербурге, Москве и в провинции — бурный рост русского шахматного движения был прежде всего, если не исключительно, обязан международным выступлениям Чигорина, его активной деятельности в шахматном клубе и литературной работе во «Всемирной иллюстрации» и «Новом времени». Чигорина следовало ценить!

Симптоматично, что его противники не сумели без Чигорина создать прочную шахматную организацию. После нескольких лет тусклого существования алапинский кружок развалился, а сам Алапин поселился за

границей, где и провел почти всю остальную жизнь, изредка наезжая в Петербург.

Чигорин болезненно переживал все эти дразги и понимал, что в случае приезда Стейница в Петербург атмосфера матча будет накаленной и трепка нервов неизбежна. Наиболее рациональное решение было бы провести матч Чигорин — Стейниц в Москве. Там имелся авторитетный шахматный кружок при «Собрании врачей», были энтузиасты шахмат вроде П. П. Боброва, начавшего (вместе с Д. Саргиным) издавать в 1891 г. журнал «Шашечница», позже переименованный в «Шахматное обозрение», были «просвещенные меценаты» вроде московского миллионера Бостанжогло, не пожалевшего многих тысяч рублей для организации пять лет спустя в Москве матч-реванша Стейниц — Ласкер.

И даже если бы московские толстосумы не пришли бы на помощь в организации матча, его финансовую сторону легко можно было обеспечить подпиской среди обычных любителей шахматной игры, как это было произведено в Петербурге.

Но Чигорин, по-видимому, упустил из виду такую возможность, а может быть, своим предложением провести матч в Москве боялся вызвать новые нападки на себя со стороны петербургских «патриотов»-алапинцев.

Несомненно, Чигорину было горько отказываться от проведения матча в привычном климате, но все же он в конце концов написал Стейницу, что предоставляет ему решение: играть ли в Петербурге или Гаване.

Стейниц, конечно, выбрал Гавану, климат которой он переносил благополучно. К тому же он прекрасно помнил, что Чигорин на Кубе не может играть на полную мощность.

Корабли Чигорина были сожжены!

ШАХМАТНАЯ КОРОНА — НА ВОЛОСКЕ!

В Петербургском шахматном клубе в 1891 г. Чигорин ограничил свои спортивные выступления только двумя турнирами-гандикапами, игравшимися в два круга. Оба соревнования закончились его победой. В первом гандикапе Чигорин набрал 23 очка (из 28), во втором — 27 очков (из 30), причем Чигорин играл уже «вне категорий», и даже шахматистам первой категории те-

перь давал пешку и ход вперед! Столь высокий процент очков при трудной игре с форой даже тем, с кем он недавно играл на равных, свидетельствует, что Чигорин был в расцвете сил, но нельзя не пожалеть, что он не сыграл в тренировочном турнире или в матче с высококвалифицированными партнерами на равных. В результате Чигорин опять не смог заготовить и практически испытать наиболее подходящую для его стиля защиту против ферзевого гамбита. Это начало, ведущее к длительному позиционному маневрированию, при котором трудно создать обоюдоострую позицию и перехватить инициативу, Чигорин не любил, о чем не раз заявлял в печати. Я уже отмечал неудачный результат Чигорина черными в борьбе против этого дебюта в первом матче со Стейнником. Поэтому Чигорин не мог сомневаться, что чемпион мира обязательно применит ферзевый гамбит и в матч-реванше. Действительно, как показали финишные партии матч-реванша, Чигорин подготовил новые (по сравнению с первым матчем) системы развития в ферзевом гамбите, но практически недостаточно освоил их и вел эти партии без обычной для себя уверенности. Сыграй он в Петербурге десяток-другой партий черными ферзевым гамбитом, он накопил бы и много опыта и ряд новых идей, которыегодились бы в борьбе против Стейница. А настоящих друзей — мастеров, которые подошли бы к Чигорину, посоветовали, предложили бы свои услуги в качестве тренеров, в Петербурге у него не было, и каждый его успех воспринимался соперниками (кроме корректного Шифферса) со скрежетом зубовным.

На этот раз на Кубу Чигорин выехал более надежным путем: сперва в Париж, потом в Гавр, оттуда на пароходе в Нью-Йорк, где провел несколько гастролей в местных шахматных клубах, и оттуда в Гавану, куда прибыл в середине декабря — на две недели раньше Стейница. Ему представлялась возможность и отдохнуть после длительного путешествия перед трудным соревнованием, и заняться анализом ферзевого гамбита, и подобрать для себя наиболее полезный пищевой режим, и, если не акклиматизироваться, то хотя бы начать приспособливаться к климату с наименьшей затратой сил.

Ничего этого Чигорин не сделал и отнесся к себе с безжалостностью злейшего врага. Он согласился в тече-

ние этих двух недель проводить утомительные гастроли: играть консультационные и показательные партии против местных мастеров, давать сеансы одновременной игры. Когда же, наконец, приехал Стейниц, Чигорин согласился сыграть против него консультационную партию (каждый маэстро имел при себе сильного местного шахматиста), и эта партия длилась четыре сеанса! Такое щедрое расточительство сил в знойном климате не могло привести ни к чему хорошему.

Наконец 1 января 1892 г. долгожданный всем шахматным миром матч-реванш Чигорин — Стейниц начался!

Условия его были таковы. Матч играется до десяти выигранных партий. При счете 9:9 должен был начаться новый решающий матч, но уже до трех выигранных партий. Первые пять ничьих в счет очков не входят.

Игра происходила с половины третьего до половины седьмого с контролем времени: два часа на тридцать ходов и после перерыва на обед еще два часа вечером с контролем: 15 ходов в час.

Для матча был предоставлен зрительный зал огромного, только что построенного общественного клуба Гаваны, так как помещение шахматного клуба не вмещало тысяч зрителей, стремившихся посмотреть на борьбу двух шахматных корифеев. Люди специально приезжали из США, из Англии и других стран.

На невысокой эстраде, отделенной барьером от остального зрительного зала, стоял столик для участников матча. Там же присутствовали два секунданта. У барьера стояла большая демонстрационная доска. Пока — все так, как на проводившихся в наши дни матчах на мировое первенство в Москве. Но на этом сходство кончалось. В самом зрительном зале обстановка была другая, — крайне невыгодная для участников матча. Всюду были размещены шахматные столики с комплектами игр, за которыми сидели, стояли, толпились любители игры и во время матча вели оживленный разбор каждого хода.

Если даже в Москве, где в зрительном зале люди чинно сидели, лишь глядя на демонстрационные доски и на карманные шахматы, каждая интересная перипетия партий ботвинниковских матчей вызывала шум, нередко требовавший вмешательства судьи, то можно себе

представить, что вытворяли экспансивные креолы тут же, в зале, анализировавшие позиции и спорившие между собою о ценности того или иного возможного варианта!

Матч длился ровно два месяца — с 1 января по 28 февраля 1892 г. Вначале играли по четыре партии в неделю, но потом у Чигорина начали сильно болеть зубы, и было решено проводить только по три тура.

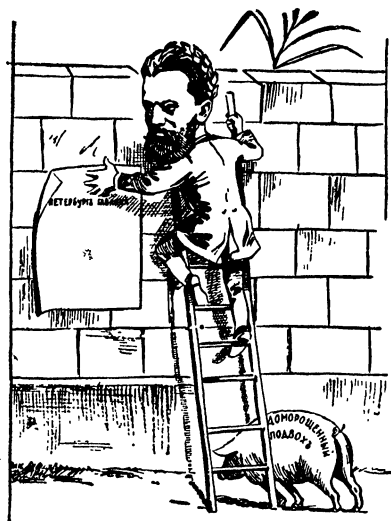
Прежде чем перейти к описанию хода борьбы, надо остановиться на печальном инциденте, показавшем кубинцам, насколько трагично было положение Чигорина в его родной стране.

Как-то в начале матча Стейниц в присутствии местных шахматистов рассказал, смеясь, Чигорину, которого он очень уважал, что он получил много предостережений не играть черными против Чигорина излюбленный Стейницем вариант гамбита Эванса, причем некоторые были присланы из Петербурга. С таким же предостережением прибыл из русской столицы на Кубу объемистый пакет от Алапина, содержащий детальный анализ защиты Сандерса в гамбите Эванса, которую Алапин считал более надежной, чем та, которую Стейниц применял против Чигорина в прошлых соревнованиях.

Стейниц, по его словам, «рассмотрел два варианта из алапинского анализа, они ему не понравились, и он за недостатком времени не счел нужным рассматривать весь анализ». Чигорин сдержанно ответил Стейницу, что не родился еще человек, который мог бы путем анализа доказать правильность или неправильность гамбита Эванса.

Надо, однако, отметить, что Стейниц все же внял предостережениям недругов Чигорина и ни разу не применил в матч-реванше не оправдавшей себя ранее системы защиты в гамбите Эванса, но зато дважды испробовал проанализированную Алапиным систему Сандерса. Одну партию Стейниц проиграл, вторую свел вничью.

Конечно, посылка Алапиным Стейницу детального анализа могла при случае оказаться ценной помощью чемпиону мира, и это произвело в Гаване отвратительное впечатление. Чигорин писал из Гаваны в петербургский «Шахматный журнал»: «Здесь в Гаване поступок

Карикатура из журнала „Будильник“ за 1892 г. по поводу недостойного поступка Алапина.

Алапина заклеямили, считают изменою своему отечеству (если он таковое признает). В данном случае можно, до некоторой степени, его поступок применить к войне, когда за выдачу неприятелю планов кампании изменников казнят».

Из этой фразы видно, насколько глубоко Чигорин был уязвлен некрасивым поступком Алапина, показавшего всему шахматному миру свое враждебное отношение к гениальному соотечественнику, борющемуся за личное мировое первенство. Это, несомненно, повлияло и на боевое настроение Чигорина в начале матча.

Поступок Алапина нашел остроумное порицание в юмористическом журнале «Будильник», из которого видно, что общественное мнение было целиком на стороне Чигорина.

Как же протекал матч?

Начал борьбу Чигорин красивой победой и из первых десяти партий выиграл четыре при двух поражениях и четырех ничьих. Высокий для Чигорина процент ничьих показывает, что на старте борьба шла очень напряженно.

Но во второй половине матча погода, которая вначале была переносимой для северянина, сменилась жарой, и это снова резко отразилось на качестве игры русского маэстро. «По совести вам скажу, что только благодаря климату я проиграл матч со Стейницем,— заявил Чигорин, вернувшись в Петербург, корреспонденту газеты «Новое время».—Под конец я играл наполовину больным. После матча все мои костюмы висят на мне, как на вешалке».

Действительно, количество грубых промахов резко увеличилось и на финише дошло до апогея.

Во втором десятке партий матча Стейниц выравнивал счет: $+8, -8, =4$. Любопытно как показатель снижения выдержки Чигорина, что в этой серии партий не было уже ни одной ничьей!

Исход напряженной двухмесячной борьбы решили три последние партии. Двадцать первая партия матча, которую Чигорин не то желая творчески польстить чемпиону мира, не то для неуместной спортивной бравады начал гамбитом Стейница (началом ненадежным и некорректным), закончилась вничью.

Двадцать вторую партию Чигорин играл ниже всякой критики. На девятом ходу в хорошо известной позиции ферзевого гамбита он зевнул пешку, через несколько ходов потерял фигуру и после длительного сопротивления сдался. Счет матча стал $+9, -8, =5$ в пользу Стейница. Показательно для тонкого спортивно-психологического подхода чемпиона мира к противнику, что в начале матча он ни разу не избирал ферзевого гамбита, но на финише подряд применял его: в восемнадцатой, двадцатой и двадцать второй партиях, причем во всех трех встречах одержал победы! Чигорин разыгрывал ферзевый гамбит гораздо лучше, чем в матче 1889 г., применяя классическую ортодоксальную защиту, но потом — в поздней стадии дебюта и в миттельшпиле — допускал просмотры и вообще играл необычайно вяло и пассивно.

Наблюдать за двадцать третьей партией матча пришла огромная толпа гаванских любителей. Темпераментные кубинцы заключали пари об исходе этой встречи. Все понимали, насколько важно Чигорину выиграть партию. Тогда начался бы новый, короткий, решительный матч до трех выигранных партий.

Чигорин блестяще вел атаку и уже к 27-му ходу добился выигрышной позиции. Но в дальнейшем он очень волновался и дважды упустил форсированный выигрыш, хотя и при этом сохранил решающий материальный перевес — лишнюю фигуру. Но позиция была очень острая, и чемпион мира тянул сопротивление в расчете на счастливую случайность вроде вечного шаха. Но произошло нечто еще более невероятное, о чем красочно рассказал

в корреспонденции из Гаваны кубинский маэстро Васкес:

«Едва ли мы сможем когда-нибудь забыть этот роковой момент! Больше тысячи зрителей присутствовало на двадцать третьей партии. Все оживленно обсуждали блестящую кампанию Чигорина и ожидали, что Стейниц вот-вот сдаст партию. И вдруг началось необычайное волнение! Публика повскакала с мест, увидев, что русский маэстро, нервный, с изменившимся лицом в ужасе схватился за голову. Без всякой необходимости он огвел слона, защищавшего его короля от мата.

— Какая жалость! — повторяли сотни голосов. — Какой досадный конец великолепного матча на мировое первенство!»

Окончательный итог матча стал $+10, -8, =5$ в пользу Стейница. Привожу таблицу хода соревнования.

Партии	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Стейниц	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	0	0	$\frac{1}{2}$	0	1	0	1	1
Чигорин	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	0	1	1	$\frac{1}{2}$	1	0	1	0	0

Продолжение

Партии	15	16	17	18	19	20	21	22	23	Итог
Стейниц	0	1	0	1	0	1	$\frac{1}{2}$	1	1	$12\frac{1}{2}$
Чигорин	1	0	1	0	1	0	$\frac{1}{2}$	0	0	$10\frac{1}{2}$

Чигорин упустил последний, неповторимый шанс стать чемпионом мира. Чемпиону мира было уже 56 лет, и матч с Чигориным явился последним соревнованием, в котором Стейниц играл на полную мощность. Да и сам Чигорин уже был немолод, а уже вырастала новая плеяда молодых даровитых претендентов на мировое первенство, с которыми он встретился три года спустя.

Стейниц характеризовал матч, как свою «пиррову победу». После нее он отклонил предложение Чигорина приехать в Петербург, где они могли бы встретиться в нормальных климатических условиях, но на радостях

Дружеский шарж из журнала „Стрекоза“ за 1892 г. „Борьба шахматных великанов. Чигорин и Стейниц“

предложил провести матч-реванш по телеграфу теми же дебютами, что в первом телеграфном матче 1891 г. Чигорин согласился, но вскоре у Стейница умерла жена, и чемпион мира отказался от своего вызова.

Любопытно, что мировая шахматная печать и после поражения Чигорина отнеслась к нему очень благосклонно, объяснив (ошибочно!) проигрыш в матче принципиальным превосходством «новой школы», возглавляемой Стейницем. Имя Чигорина сохранило свое грозное обаяние.

Немецкий журнал «Дейтче шахцайтунг» писал: «Не часто случается в шахматных баталиях, чтобы состязались между собой люди, столь различные по темпераменту, характеру игры и школе, как эти два шахмати-

ста. Темперамент Стейница флегматичен, и в своем холодном спокойствии он кажется нечувствителен к различным неожиданностям, между тем как у Чигорина — живая, пылкая натура, что мы можем констатировать на основании нашего ближайшего с ним знакомства. Отсюда и характер игры Стейница является осторожным, рассчитанным больше на защиту, чем на нападение. Чигорин же, напротив, знаменит своею блестящей, направляемой с большой силой и искусством открытою игрою. Матч между Стейницей и Чигориным может быть назван поэтому борьбою между старой и новой школами».

Французский журнал «Ла стратеги» писал: «Чигорин побежден, но, несмотря на это, он еще более возвысился в глазах истых знатоков: его смелый, боевой стиль привлекает к нему всеобщие симпатии. Его глубокие комбинации понятны только после детального анализа позиции, неожиданные и красивые штурмы придают столько очарования его партиям, что они всегда с наслаждением изучаются и переигрываются. Партии матча имеют отпечаток могучей силы Чигорина, и лишь благодаря такой гранитной скале, как Стейниц, он понес поражение».

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

Почему Чигорин не стал чемпионом мира?

Такой вопрос недоуменно задавали себе современники Чигорина и часто теперь задают его потомки.

Я уже говорил об ошибочности утверждений зарубежных «авторитетов» в том, что Чигорин был, дескать, «королем старой школы» и поэтому, несмотря на свою гениальность, не мог противостоять натиску принципов «новой» школы.

Но тогда можно спросить: почему же подлинный новатор теории и гениальный практик Чигорин дважды был побежден в матчах на мировое первенство Стейницей?

Был ряд попыток дать на этот естественный вопрос удовлетворительный ответ, но каждое из таких объяснений вскрывало лишь одну из многих причин «тайны Чигорина». Некоторые мы уже знаем: знойный климат Кубы, расшатанное здоровье великого русского шах-

матиста, зависть и интриги петербургских врагов Чигорина, отсутствие материальной и, главное общественной, поддержки и пр.

Не выдерживает критики встречающаяся в шахматной литературе «теория», будто бы Чигорину просто всю жизнь «не везло», что он был этаким «великим неудачником». Например, Тарраш писал: «Нет никого, кому бы так мало благоприятствовало турнирное счастье, как Чигорину, но нет никого, кто так мало нуждался бы в турнирном счастье, как Чигорин».

Даже некоторые советские авторы, исходя из самых лучших побуждений, доказывали, что в том или ином соревновании, где Чигорин сыграл неудачно, он «должен был» взять первый приз или выиграть матч, но лишь вследствие «роковой случайности» сорвался на финише или на старте, причем все же остался «моральным победителем». Такие наивные фразы можно говорить лично тому или иному неудачно выступившему гроссмейстеру или мастеру — в порядке утешения, но как серьезное объяснение они смешны.

Попытаемся найти основную причину, почему Чигорин не завоевал личного мирового первенства, и тогда в эту основную причину войдут как составные элементы и все перечисленные выше причины, вплоть до «невезения» Чигорина.

В относящихся к 1903 г. воспоминаниях М. С. Эвенсона сохранился интересный разговор Чигорина с М. А. Шабельским:

«Шабельский стал расспрашивать Михаила Ивановича об его впечатлениях от встреч с мировыми знаменитостями на турнирах и матчах. Чигорин остановился на своих встречах со Стейнником.

— Это, несомненно, был гениальный шахматист, и что я больше всего в нем уважаю, высоко оценивавший шахматы именно как искусство. Но вместе с тем он, когда садился за доску или писал о шахматах, отвлекался в сторону их научной трактовки. Двойственность эту он сам признавал, объяснив ее тем, что всякое искусство должно иметь научный фундамент. Что ж, пожалуй, он прав и тут, но ведь если шахматист, выступающий в состязаниях, постоянно будет отвлекаться мыслью о фундаменте, то когда же он даст самое звание? Борьба с ним за шахматной доской заставляла меня пережи-

вать и минуты высокого наслаждения и периоды упадка духа. Стейниц, несомненно, один из величайших шахматистов, до сих пор появлявшихся; но в нем мне лично несимпатичен преувеличенный догматизм. Я хотел в борьбе против него доказать, что можно противопоставить его утрированной солидной позиционности элементы, более свойственные искусству: свою личную трактовку положения, интуицию,— фантазию, наконец. Это мне не удалось, по крайней мере, не вполне удалось. Наши три матча дали Стейницу 20 очков против моих 16. Но разве все дело в очках? Я считаю, что мы со Стейницем представляем собой просто два разных направления в нашем искусстве. И если бы это не звучало как преувеличение, я сказал бы, что он напоминает Сальери, тогда как мне хотелось бы быть Моцартом».

В другом месте Чигорин отметил, что «когда Стейниц отрешается от своих стратегических маневров, увлекаемый комбинациями и создающимися сложными положениями, то замыслы его всегда остроумны».

В тех же воспоминаниях Эвенсон приводит мнение о Чигорине выдающегося немецкого маэстро Тейхмана, который «утверждал, что талант Чигорина не уступает «даже Ласкеру» и что единственное, что мешает практическим успехам Чигорина — это стремление создавать в каждой своей партии бессмертный памятник шахматного искусства, не учитывая ни своего положения в турнире, ни психологии куда более практично рассчитывающих противников.

Эта черта Чигорина стоила ему большого количества очков и еще гораздо большего — полуочков! — воскликнул под конец Тейхман».

Любопытно, что полвека спустя М. М. Ботвинник так выразил ту же мысль: «Слабостью Чигорина являлось то, что он не всегда учитывал психологию партнеров, недостаточно интересовался психологическим элементом в шахматной борьбе. Чигорин, проводя задуманные им стратегические планы, нередко шел напролом, не чувствуя настроения партнера, не считаясь с возможной опасностью. Вот почему в решительные моменты борьбы у него и получались иногда творческие катастрофы».

Еще более симптоматично высказывание другого современника Чигорина и представителя молодого поколения тогдашних зарубежных мастеров австрийца Рудоль-

фа Шпильмана. В будущем известный гроссмейстер Шпильман всегда стоял на творческих позициях великого русского шахматиста и играл в стиле Чигорина. Познакомился он с Чигориным за несколько месяцев до смерти Чигорина и рассказывал об этом так:

«В то время жизнь его уже была надломлена; он тяжело страдал от болезни печени, веяние смерти чувствовалось на нем — и он знал об этом. И действительно, через четыре месяца после окончания Карлсбадского турнира его не стало. Хотя он знал, что дни его сочтены, но это ни в какой мере не было для него источником уныния — он был полон неутолимой жажды деятельности. Быть может, никогда за всю свою славную шахматную карьеру он не относился к шахматам так ревностно, как в эти последние месяцы своей жизни; именно тогда фанатическая преданность шахматному искусству и страстная любовь к нему пылала в Чигорине с особой яркостью. Когда его дни были уже сочтены, он старался посвятить шахматам все оставшиеся дни, минуты, секунды, — и так до последнего дыхания. Почти по 24 часа в сутки проводил он за шахматной доской; когда мы, молодые мастера, были уже смертельно утомлены, когда наш мозг был совершенно затуманен бесчисленными комбинациями, Чигорин все еще чувствовал себя в своей стихии; он был поистине неутомим, а увлекаемые им, и мы неутомимо продолжали наши совместные исследования, наши искания истины.

Характернейшей чертой Чигорина, — продолжает Шпильман, — было то, что главным в шахматах для него были не цифровые результаты, а искание истины и — через истину — жажда знания. Он никогда не оправдывал своих поражений физическим недомоганием или другими отговорками, — как никогда не удовлетворял его выигрыш сам по себе. Тотчас по окончании партии он садился за анализ ее. Бесконечные мелодии иррационального, не поддающегося учету, неисследованного, неисчерпанного, — среди всего этого он жил в течение партии, но после партии он неутомимо работал, чтобы иррациональное сделать рациональным и понятным, не поддававшееся учету — точно разобрать, неисследованное — исследовать; так он боролся за истину в шахматном искусстве. Не сознание близкой смерти, а сознание неизбежной скорой разлуки с шахматным искусством

вызывало в нем те напряженные тревожные искания, которые передавались и нам, волновали нас, смущали и радовали.

Для Чигорина,— заканчивает Шпильман,— в принципе не существовало слова «ничья». Должны были быть разменены все фигуры на доске, должны были остаться только два короля, чтобы он признал, что сделал все, что должен был сделать и что партия действительно ничья. В противоположность другому блестящему мастеру, богато одаренному, но, к сожалению, слишком миролюбивому Рихарду Тейхману, который злился на противника и негодовал, если отвергалась предложенная Тейхманом ничья,— Чигорин очень не любил, когда ему предлагали ничью. Конечно, часто он сам отлично сознавал, что выиграть нельзя и что, отказываясь от ничьей, он подвергается опасности проигрыша. Но что для него значили половинки, единицы и нули, когда он стремился к борьбе, к исканию, к истине?»

Немудрено, что Чигорина приводили в негодование короткие, осторожные, как теперь говорят, «гроссмейстерские ничьи», которыми изобиловала игра представителей и последователей Стейница и, особенно, Тарраша, о чем я еще буду говорить. «Ничьих не было,— писал Чигорин про результаты матча Стейниц — Андерсен 1866 г.,— характерное явление прежнего времени, когда игроки не стремились к ничьей с первых же ходов и когда игра сама по себе доставляла им удовольствие».

Из приведенных мною высказываний самого Чигорина и наблюдений его коллег ясно видна творческая установка Чигорина, составлявшая и его силу и его слабость: он относился к шахматам как к искусству, причем только как к искусству. А ведь эстетический элемент в шахматной игре является крайне важным, но не исчерпывает всего содержания игры, особенно при шахматных соревнованиях. Напомню читателю, что звание «маэстро», которое было в ходу во времена Чигорина, взято из искусствоведческой терминологии, а звание «чемпион» — из области спорта. Первое свидетельствует только о качестве игры, второе — о спортивном превосходстве одного шахматиста над противниками равного класса игры при определенных (матчевых или турнирных) условиях.

Свойства идеального чемпиона, в частности чемпиона мира, можно выразить в таких обязательных личных качествах:

1. Искусство игры, глубокое понимание шахматной стратегии и тактики, умение своевременно, с максимальным эффектом применять их. Новаторство в разработке теории дебютов и методов середины игры. Безупречное знание эндшпиля и филигранная техника реализации достигнутого позиционного и материального перевеса. Дебютный репертуар, тщательно приноровленный к собственному, комбинационному или позиционному стилю игры,

2. Воля к победе, умение полностью мобилизовать себя при самых даже неблагоприятных обстоятельствах, отсутствие страха перед неизбежным для достижения успеха творческим и спортивным риском:

3. Безукоризненная спортивная форма, прекрасное общее здоровье, крепкие (желательно — стальные!) нервы и органически связанная с этим выдержка во время игры вообще и во время цейтнота в частности, отсутствие раздражительности и впечатляемости при неизбежных неудачах, подвохах соперников, отказ от употребления табака, алкоголя и всякого рода допингов.

4. Спортивная практичность и опытность. Например, умение договориться о матче или турнире на наиболее приемлемых для себя условиях (северянину не соглашаться играть в тропиках!), психологический подход к противнику в виде подбора наиболее неприятного для него дебютного репертуара с учетом всех его спортивных и творческих особенностей, умение правильно, ритмично распределять свои силы при длительном соревновании, умение соглашаться на ничью или форсировать ничью, если она обеспечивает победу во всем соревновании или передышку перед решающей партией или хотя бы позволяет «выиграть цвет», т. е. следующую партию матча играть не черными, а белыми.

Первым требованиям Чигорин более чем удовлетворял. Знаток теории, шахматист колоссального природного дарования, намного превосходивший этим всех современников, включая Стейница, страстный боец, демонстрировавший в каждом соревновании огромную волю к победе, оптимизм и любовь к здоровому творческому риску, взыскательный, требовательный к себе

художник и мыслитель, тонкий критик противников — таким был Чигорин.

Но с чисто спортивными качествами у Чигорина обстояло хуже. Нервный, переутомленный, издерганный, всегда нуждавшийся в деньгах одиночка, недооценивающий значения психологического подхода к противникам и «специальной подготовки» к соревнованиям, чуждый спортивных расчетов, не заботящийся о своем расшатанном здоровье, а щедро расточающий силы в любой матчевой, турнирной, гастрольной, гандикапной партии в поисках красивых комбинаций и изящных маневров, доверчивый и бесхитростный — таков был Чигорин.

Во многом это объяснялось тем, что лучшую пору своей жизни, годы полной зрелости и творческого расцвета (1884—1888 гг.) Чигорин провел в Петербурге вместо активного участия в международных соревнованиях. Из-за этого он не имел возможности вблизи, непосредственно изучить своих зарубежных соперников, войти целиком в атмосферу международного шахматного спорта, привыкнуть к различным климатам, условиям жизни и пище различных стран. Чигорину в матчах со Стейнницем определенно не хватало профессиональной хватки, тех психологических навыков и специальной тренированности, которыми обладал его мощный соперник, всю жизнь кочевавший из страны в страну и игравший в турнирах и матчах с противниками всех стилей и темпераментов. Поэтому, будучи блестящим шахматным творцом и мыслителем, Чигорин почти всегда был в худшей, чем его противники, спортивной форме.

К тому же Чигорин был детски непрактичен и не умел соблюдать ни материальных, ни спортивных своих выгод. Убедившись в 1889 г. в неприемлемости для него климата Кубы, он снова и снова соглашается играть там на свою голову. А ведь сумели же Цукерторт в 1886 г., Гунсберг в 1890 г., Ласкер в 1894 г. уговорить Стейница играть матчи в привычном для них климате.

Поэтому не Чигорина надо было винить в том, что он оказался побежденным Стейнницем в матчах на мировое первенство, а тогдашние общественные условия царской России, при которых народным талантам не оказывалось ни малейшей поддержки и даже никто не интересовался, в каких условиях отечественный маэстро

отстаивает спортивную честь Родины. Будь Чигорин в 1889 или 1892 гг. обеспеченным материально и тщательно подготовленным человеком, он бы не допустил многих «роковых» ошибок, ему бы «везло», и он стал бы чемпионом мира.

Невольно напрашивается аналогия с Алехиным, очень похожим на Чигорина и по блестящему стилю игры, и по творческим установкам. Алехин тоже считал шахматы искусством, но вместе с тем придавал огромное значение спортивной подготовке, тренировке, отдыху, изучению будущего противника. Но дело в том, что в противоположность Чигорину Алехин мог с юных лет без забот о куске хлеба отдаваться любимой шахматной игре, пока не сформировался в разностороннего, грозного бойца. Он воспитал в себе все свойства, необходимые для чемпиона, и это позволило Алехину в 1927 г. победить «самого», великого Капабланку.

Приведу и такой характерный штрих. Алехин в молодости много курил, но, готовясь к борьбе с Капабланкой, бросил курить. Одно время Алехин подобно Чигорину пристрастился к вину, и это в конечном счете повело к потере им в 1935 г. мирового первенства в матче против Эйве. Но Алехин потом проявил исключительную силу воли. Он бросил пить, перешел на молочную диету, для чего даже приобрел корову-рекордистку, и вскоре в матч-реванше с Эйве Алехин вернул себе звание чемпиона мира.

Странно не то, что Чигорин не стал чемпионом мира, поражает другое: каким образом при таких тяжелых условиях жизни, как у Чигорина, в обстановке зависти и интриг, при плохом здоровье и постоянной нужде-емости Чигорин без всякой помощи и поддержки все же смог выбиться в число лучших шахматистов мира, завоевать ряд призов в международных турнирах, в течение четверти века быть фактическим чемпионом России и любимцем всего шахматного мира. Вот это удивительно и доказывает все величие Чигорина!

МАТЧ С ТАПРАШЕМ

По окончании матча со Стейнцем Чигорину торопиться было некуда. Тепло распрощался он (навсегда!) с кубинскими друзьями. К сожалению, история умалчи-

вает, был ли знаком Чигорин с отцом будущего чемпиона мира и встретился ли хоть раз (конечно, не за доской!) с трехлетним Хозе-Раулем Капабланкой.

Как всегда, Чигорин возвращался в Европу через США. На этот раз он не отказал себе в удовольствии принять приглашение приехать на гастроли в Новый Орлеан — родной город гениального Морфи, память которого Чигорин глубоко чтит. Там Чигорин сыграл несколько показательных партий с местными чемпионами и провел три сеанса одновременной игры.

В апреле 1892 г. Чигорин вернулся в Петербург, и его жизнь вошла в обычную колею. Он много работал над шахматными отделами «Нового времени», в которых детально прокомментировал партии матча со Стейнцем, сотрудничал в журнале «Шахматное обозрение», руководил шахматным клубом и выступил там в сеансе одновременной игры вслепую. Тогда же Чигорин получил вызов на матч от чемпиона Германии Зигберта Тарраша, готовившегося к борьбе за звание чемпиона мира и не смогшего пройти мимо Чигорина, как своего основного конкурента.

За предыдущие три года Тарраш добился исключительных успехов, взяв подряд три первых приза на международных турнирах в Бреславле в 1889 г., в Манчестере в 1890 г. и в Дрездене в 1892 г., причем прокламировал себя как рьяный последователь Стейнница, в ответ на что польщенный старик заявил, что «Тарраш, может быть, величайший шахматный гений, который когда-либо существовал». Очевидно, Стейнниц рассматривал Тарраша как своего рода наследника шахматного престола. И Тарраш держал себя как шахматный кронпринц — надменно и гордо. В 1892 г. тридцатилетний Тарраш был в расцвете сил. Он только что отклонил вызов на матч, полученный им от Эммануила Ласкера, разгромившего в матчах и турнире всех английских маэстро. «Поскольку в шахматном мире есть сейчас несколько шахматистов, превосходящих своими успехами английские победы Ласкера, — поставил Тарраш на место смелого молодого человека, — я думаю, что, приняв вызов Ласкера, поступил бы по отношению к ним неправильно... Если Ласкеру хотелось испытать свой класс игры, он не должен был уклоняться от участия в Дрезденском турнире, где получил бы воз-

возможность помериться силами со многими шахматистами, а также со мною. Ласкер этого не сделал, и теперь должен пенять на себя».

Однако Ласкер отнюдь не стал «пенять на себя», а продолжал свой славный путь и два года спустя, выиграв матч у Стейница, стал чемпионом мира. Тон ответа Тарраша ясно показывает, какого преувеличенного мнения он был о себе.

Такие замашки Тарраша, и стиль его игры, и сам Тарраш были глубоко антипатичны Чигорину. Другого своего соперника — Стейница, стоявшего на тех же теоретических позициях, что Тарраш, Чигорин, несмотря на это, очень уважал как человека, ценя в Стейнице родственный критический ум, бескорыстную любовь к шахматам, спортивную принципиальность. Стейниц, как и Чигорин, был «искателем истины» — сомневающимся, экспериментирующим, проверяющим.

Тарраш же никогда ни в чем не сомневался, и все свои теоретические высказывания считал «последним словом шахматной науки», а себя — непогрешимым шахматным папой. Апломба, самоуверенности (точнее — самонадеянности), чванства «почтенного доктора», как его иронически называл Чигорин, он не выносил. Но еще больше Чигорину не по нутру была догматичная устремленность Тарраша к мертвой, сухой, маневренной игре, лишенной блеска, и принципиальное отрицание творческого риска.

Шпильман так образно охарактеризовал стиль игры Тарраша: «Едва прямой атакующий стиль уступил место позиционному, как появился Тарраш с проповедью «новых принципов» борьбы. Если проследить эти принципы по партиям самого Тарраша, то станет ясно, что в них нет духа атаки. Медленно, страшно медленно, как бы подкрадываясь, движутся шахматные войска в бой. Их девиз: уклоняться, где только возможно, от открытой борьбы и лишь осаждают противника, блокировать и ждать, пока истощатся его жизненные средства, пока выйдут «вода и воздух», и тогда его медленно задавить. Этот таррашевский метод игры долгое время пользовался чрезвычайным успехом. Противники или теряли терпение и истекали кровью в несвоевременных вылазках или оставались пассивными и подвергались абсолютно-му зажиму».

Тарраш был плодовитым шахматным литератором, автором популярных книг «300 шахматных партий» (самого Тарраша с начала его шахматного пути и до 1894 г.) и «Современная шахматная партия» (216 партий ведущих шахматистов начала XX века, из них свыше 50 партий самого Тарраша!). Кроме беззастенчивой саморекламы, эти сборники партий содержали много абстрактных, догматических рассуждений, подобным тем, которые Чигорин сурово критиковал.

«Так называемая «новая школа» шахматной игры с ее стремлениями вырабатывать общие принципы игры на основании отвлеченных рассуждений о сравнительной силе фигур и пр. вызвала и новые приемы комментирования партий,— писал, например, Чигорин в шахматном отделе «Нового времени» 3 июня 1891 г. — В прежнее время комментаторы (например, Андерсен, Нейман, Цукерторт и др.) при обсуждении того или иного положения партии приводили варианты, доказывающие преимущество данного хода перед другими, и вообще стремились разъяснить игру практически; в наше время являются комментаторы, для которых на первом плане стоит не анализ данного положения, а отвлеченные рассуждения о сравнительном достоинстве ходов, часто совсем независимо от положения партии. Такое направление усвоено новым редактором «Дейтше шахцайтунг» г. Таррашем, который посвящает иногда одному какому-либо ходу целый столбец своих рассуждений. О характере их можно судить по следующему примеру...»

И далее Чигорин убедительно, на конкретных вариантах, доказывает абстрактность и прямую ошибочность анализов Тарраша.

Глубоко претила Чигорину деляческая практичность Тарраша. Критикуя короткую гроссмейстерскую ничью после десяти (!) ходов в партии между Вальбродтом и Таррашем, Чигорин пишет: «Отсутствие изобретательности у многих нынешних игроков отчасти можно объяснить их желанием прежде всего играть на ничью... Другая короткая партия, признанная ничьей на двенадцатом ходу, была между Таррашем и Мэзоном».

Скромного, непретенциозного русского шахматиста должна была раздражать и наигранная авторитетность манер Тарраша, которая бросалась в глаза даже при

самом коротком знакомстве. Вот как описывал Тарраша драматург Г.Ге: «Против Мароци сидит «доктор» Тарраш из Нюрнберга. Это «доктор» неизменно сопровождает Таррашу и на картоне (обозначающем место за шахматным столиком. — В. П.), и на карточках, и в разговоре. Доктор Тарраш средних лет, рыжеватый, с оскалом желтых крепких зубов, подстриженной бородкой, в пенсне; он имеет несомненную претензию на фатовство. В белом кепи с желтым околышком, в желтых туфельках, из-за которых выглядывают веселенькие носки, он ходит, подпрыгивая на ногах, с видом самоуверенным и довольным. Доктор Тарраш считается ученым, и его голос на собраниях шахматистов всегда звучит как особенно авторитетный».

К Чигорину Тарраш, особенно под конец жизни Чигорина, относился враждебно, всячески принижая значение великого русского шахматиста в редактируемом Таррашем немецком журнале и в своих книгах. Достаточно сказать, что в своей «Современной шахматной партии» Тарраш не дал ни одной победной партии Чигорина, хотя даже в девятисотых годах у Чигорина было много блестящих партий (например, на гамбитном турнире в Вене 1903 г. или на турнире в Кэмбридж-Спрингсе 1904 г.), но зато поместил пять партий, проигранных Чигориным, в том числе с Берном, которую смертельно больной Чигорин проиграл после серии грубых промахов белыми уже на четырнадцатом ходу. Привел Тарраш свою «блестящую победу» над Чигориным за несколько месяцев до смерти великого русского шахматиста. Это было настоящее ляганье мертвого льва — книга Тарраша вышла четыре года спустя после смерти Чигорина.

Однако в 1892 г. он считал Чигорина равным себе и понимал, насколько матч с русским чемпионом поднял бы (особенно — в случае успеха) его авторитет. Но после вызова Тарраша прошло почти полтора года до осуществления матча. Шли длительные переговоры: где быть соревнованию?

Предложил свои услуги неизменно симпатизирующий Чигорину Гаванский шахматный клуб. Немцы хотели, чтобы матч происходил на родине их чемпиона. Чигорин же, учтя наконец печальный опыт игры в кубинском климате, настаивал, чтобы матч проходил в

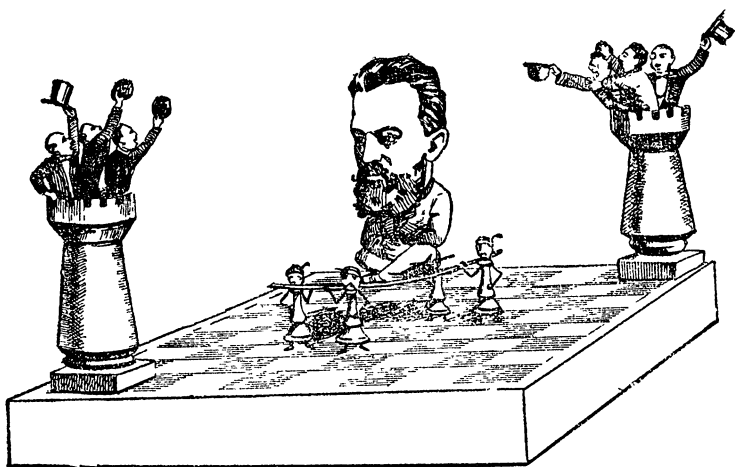
Петербурге и обеспечил финансовую сторону матча. Тарраш наконец уступил, и решено было матч между чемпионом России и чемпионом Германии провести осенью 1893 г.

В ожидании матча Чигорин развил большую энергию, стремясь активизировать отечественную шахматную жизнь. В сентябре 1892 г. он выехал на гастроли в Ригу, где провел ряд сеансов в том числе вслепую и сыграл с сухим счетом матч из трех партий с чемпионом Прибалтики Ашариным. Рижская общественность восторженно приветствовала Чигорина. «Чигорин в Риге! — писала газета «Ригаер Тагеблатт» — Это то же самое, как если сказали бы: «В Риге находится король!». Ведь Чигорин является не только шахматным королем России, которая так гордится своим соотечественником, но и международным корифеем!.. Для всех наших шахматистов посещение знаменитого русского маэстро было настоящим праздником».

Вернувшись в Петербург, Чигорин много времени посвятил реорганизации Санкт-Петербургского шахматного общества, «директором-распорядителем» коего он стал. Оно переехало в октябре в новое большое помещение при Сельскохозяйственном клубе. Журнал «Шахматное обозрение» отмечал в корреспонденции из Петербурга: «С переездом в новое помещение... шахматный клуб совершенно преобразился и после долгого прозябания стал процветать. Число его посетителей сразу удвоилось. В его комфортабельном помещении собираются не только заядлые шахматисты, но, случается, и совсем посторонние шахматистам люди, литераторы и артисты, которые в ожидании открытия своего клуба проводят здесь вечера, занимаясь беседой, музыкой, декламацией, импровизацией и биллиардной игрой. Закуска и выпивка тоже при этом не забываются, чему не мало способствует близкое соседство буфета и кухни Сельскохозяйственного клуба».

Конечно, «выпивка», биллиард и музыка вряд ли способствовали углубленному шахматному творчеству, но волей-неволей приходилось Чигорину идти на подобные уступки, чтобы прекратить «прозябание» «Шахматного общества».

Сам он по-прежнему принимал участие в соревнованиях клуба, сыграл в турнире-гандикапе с выходящими

Дружеский шарж из журнала „Будильник“ за 1893 г.

и потом выиграл матч со счетом $+5, -2, =0$ у сильного первокатегорника А. М. Белина, давая тому фору пешку и ход.

На «рождественские» каникулы Чигорин отправился на гастроли в Москву, где снова убедился в своей огромной популярности. Журнал «Семья» писал: «Приглашение Чигорина шахматным кружком принесло прекрасные результаты: число членов кружка значительно увеличилось, сразу поднявшись до небывалых размеров». А московский юмористический журнал «Будильник» поместил дружеский шарж с такой красноречивой подписью: «Торжественный въезд М. И. Чигорина в Москву и ликование верных поклонников шахматного короля».

В Москве Чигорин сыграл несколько консультационных партий с сильнейшими местными шахматистами, провел ряд сеансов одновременной игры и выиграл всухую матч из четырех партий у фактического чемпиона Москвы А. В. Соловцова.

Вернувшись в Петербург в начале 1893 г. Чигорин организовал оригинальный «консультационный» турнир, в котором, кроме него, играли еще две пары «со-

юзников»-первокатегорников. Играли в два круга. Чигорин занял первое место, из четырех консультационных партий, выиграв три при одной ничьей. Затем Чигорин завоевал первый приз в традиционном «годовом» турнире-гандикапе Петербургского шахматного общества, набрав из 24 партий 19,5 очка.

8 октября 1893 г. начался вызывавший в шахматном мире огромный интерес матч Чигорин — Тарраш. К тому же это было вообще первое международное шахматное соревнование в России.

Чигорин весь матч играл очень нервно и неровно, допуская грубые ошибки в выигрышных или ничейных позициях. Его нервозность объяснялась отчасти тем, что на его плечи легли все организационные хлопоты по матчу, а отчасти нездоровой обстановкой, создавшейся тогда в Петербурге. Нельзя забывать, что до революции русская столица буквально страдала от немецкого засилья. Вся торговля и промышленность и многие органы печати были в руках немцев, придворные и высшие административные должности замещались выходцами из Германии или из балтийских провинций, где немецкие бароны жестоко эксплуатировали коренное население: литовцев, латышей, эстонцев — и составляли правящую верхушку.

Германия, на престол которой вступил в 1888 г. кайзер Вильгельм II, переживала шовинистический угар и горячку вооружений. Эти настроения отчетливо давали себя знать и в среде «петербургских немцев», для которых даже шахматный матч чемпиона России с чемпионом Германии был поводом для демонстрации антирусских настроений и прогерманских симпатий.

Присутствовавший на матче А. И. Ромашкевич пишет: «Вечером я направился в «Шахматное общество», несколько запоздав к началу игры. Когда я пошел в помещение клуба, то из-за массы публики еле-еле пробрался в зал, который был битком набит. В другой комнате с застекленными дверями стоял шахматный стол, за которым сидели Чигорин и Тарраш. Здесь же сидели и секунданты знаменитых маэстро, а также лица, передававшие в общий зал сделанные ходы, кои отмечались на демонстрационных досках и тут же разбирались и критиковались зрителями, расположившимися целыми группами за шахматными досками. В этой ком-

нате царило страшное оживление, слышались горячие споры, даже крики с выражениями то одобрения, то порицания... Михаил Иванович страшно волновался. Да, действительно, и Чигорин далеко не был тот Чигорин, которого я видел девять лет назад в полном расцвете сил. Прошедшие годы явно наложили свой тяжелый отпечаток на весь облик Михаила Ивановича. В волосах появилось кое-где серебро, на лице начали выступать морщинки, сам Михаил Иванович не то пополнил, не то обрюзг и стал как-то плотнее и массивнее. Нервы у Михаила Ивановича были взвинчены до крайних пределов, а когда ему приходилось разговаривать кой с кем, после того как он, сделав очередной ход, выходил в зал для публики, в голосе его часто слышались нотки раздражения.

Собравшаяся на матч публика, как я мог заметить, резко делилась по своему составу на две половины. Первая половина, состоявшая почти исключительно из русских, имела какой-то как бы смущенный вид вследствие опасного положения партии Чигорина; другая же половина, состоявшая главным образом из немцев, попыхивавших сигарами и папиросами, имела вид самодовольный и уверенный в победе Тарраша. Кой-где слышались уже даже иронические замечания по адресу Чигорина, не лишённые некоторой доли злорадства и ехидства, так как с глубоким сожалением приходится сказать, что у Чигорина в то время было немало личных завистников и недоброжелателей. По моему личному впечатлению, при создавшейся напряженной атмосфере Чигорину приходилось проводить матч в исключительно неблагоприятной обстановке, что,—особенно если принять во внимание крайнюю нервность Чигорина,—не могло не влиять и на самый исход матча».

Травили Чигорина и русские националисты.

«Шахматный журнал» писал: «Помимо немалочисленных личных завистников М. И. Чигорина, несочувствие которых к нему не раз проявлялось и в течение матча, стоило только Чигорину проиграть одну партию, а тем более две подряд, как уже и за стенами клуба, в самом обществе, люди, ничего не понимающие в шахматах, громко и с апломбом высказывали свои порицания ему, говорили, что Чигорин, очевидно, играет слабо, что он проигрывает матч и что это будет с его сторо-

ны виной относительно русского общества и т. д. Такие толки доходили, как мы это положительно знаем, и до Чигорина и, конечно, волновали его и без того до крайности нервно напряженного состязанием. Мы знаем, что уже после первой проигранной партии какой-то господин прислал Чигорину укоризненное анонимное письмо».

Надо признать подлинной удачей, что при такой злобешей атмосфере Чигорину удалось свести матч вничью со счетом $+9, -9, =4$.

Привожу таблицу течения матча, закончившегося 14 ноября 1893 г.

Партии	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Тарраш	1	0	0	1	1		0	0	1	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1
Чигорин	0	1	1	0	0	0	1	1	0	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0

Продолжение

Партии	15	16	17	18	19	20	21	22	Итог
Тарраш	0	$\frac{1}{2}$	1	0	0	0	1	0	11
Чигорин	1	$\frac{1}{2}$	0	1	1	1	0	1	11

Надо отметить, что Э. С. Шифферс, происходивший из обрусевших немцев и являвшийся единственным в России серьезным соперником Чигорина, не пошел на поводу у недругов Чигорина и дал по окончании матча в журнале «Нива» хотя сдержанную по тону, но корректную и объективную оценку соревнования. Он писал:

«Этот матч дал много интересных партий, хотя не обошлось без более или менее грубых ошибок с обеих сторон. Так, например, Чигорин проиграл грубыми просмотрами первую и пятую партии, прозевал ферзя в одиннадцатой партии, имея уже совсем выигранную партию; он упустил возможность два раза сделать ничью в девятой партии и упустил случай выиграть че-

тырнадцатую, после того как Тарраш в свою очередь упустил выигрыш.

Ошибки Тарраша, вообще, не так очевидны. Он упустил выигрыш во второй партии и несколько раз не воспользовался атакой или лучшим положением, упустив, например, возможность выиграть пешку (в 13 и 22-й партиях). Пешечные концы он вообще играл слабее Чигорина.

Однообразие в дебютах,— продолжает Шифферс,— Тарраш объяснял неимением времени изучить основательно все дебюты. Он высказывал мнение, что Чигорин в других дебютах (кроме испанского дебюта и французской партии) с ним может делать все, что захочет.

Результаты матча,— делает вывод Шифферс,— вообще соответствуют силе обоих маэстро, независимо от некоторой разницы в стиле. Тарраш является более спокойным и осторожным игроком. Чигорин же, как и всегда, — более смелым и энергичным. Жаль, что два-три грубых промаха до сих пор мешали ему достигнуть в матчах результата, вполне соответствующего его силе и изумительному искусству доводить раз начатую атаку до конца. Вспомним матчи со Стейнцем и матч с Гунсбергом. Во всяком случае Чигорина, а также Тарраша должны признать сильнейшими игроками мира наряду с ветераном шахматной игры В. Стейнцем».

Любопытно, что по окончании петербургского матча Чигорин — Тарраш московский шахматный кружок пригласил обоих чемпионов сыграть новый матч из пяти партий. Чигорин согласился, но Тарраш не пожелал рисковать своим почетным результатом.

Немецкая печать была разочарована, так как она не сомневалась в победе своего чемпиона, тем более что в этом высказывали твердую уверенность и сам Тарраш и его теоретический единомышленник и покровитель Стейниц.

Все партии матча в том же году вышли в Германии отдельным сборником, в предисловии к которому говорилось: «Со времени великого матча Стейниц — Цукерторт 1886 г. ни один шахматный матч не вызывал такого интереса со стороны шахматного мира, как матч между признанным сильнейшим немецким игроком доктором Таррашем и русским чемпионом М. Чигориным. Оба

маэстро имеют не только большую известность как практики и теоретики и добились больших успехов в шахматах, но, кроме того, они еще не играли друг с другом ни одной партии. Нет поэтому ничего удивительного в том, что все с необычайным напряжением ожидали исхода матча и были уверены, что в нем будут показаны исключительные достижения».

Хотя немецкий журнал тенденциозно замалчивал огромное значение матчей Чигорина со Стейнницем, даже не упомянув о них, он был прав в том, что в своем единоборстве и Чигорин и Тарраш в целом продемонстрировали высокий класс игры и партии матча очень содержательны и остры. Во всяком случае, несмотря на ошибки и просмотры, Чигорин сразу сумел навязать Таррашу свой, чигоринский стиль шахматного боя!

ТАИНСТВЕННЫЙ СЛУЧАЙ В ГАСТИНГСЕ

Ничейный исход матча с Таррашем отнюдь не обескрылил Чигорина в его надеждах завоевать личное мировое первенство. Ему стали ясны недочеты собственной спортивной формы и теоретической подготовки, которые следовало устранить, чтобы они не препятствовали проявлению его дарования в полном блеске. Понимал это и президент «Шахматного общества» Сабуров, который ассигновал из своих личных средств приз победителю интересного тренировочного матча. С одной стороны играл Чигорин, с другой — консультанты: три петербургских первокатегорника: Зыбин, Лизель и Отто. Матч шел до пяти выигранных партий. Это трудное соревнование происходило в начале 1894 г. и закончилось победой Чигорина со счетом $+5, -4, =1$.

Этот год принес Чигорину и другую, впрочем непродолжительную радость. Суворин начал издавать двухнедельный журнал «Шахматы», состоявший целиком из теоретических заметок и анализов самого Чигорина. Номинальным редактором журнала числился официальный редактор «Нового времени» М. П. Федоров. Вероятно, его перу, а может быть, — перу Суворина-младшего, принадлежал вводный «Очерк шахматной жизни» за 1893 г., в котором впервые не шахматистом, а профессиональным журналистом засвидетельствован рост авторитета шахматной игры среди русского общества,

Цитирую начало этой оптимистической статьи:

«Шахматная игра занимает в общественной жизни скромное место умного, приятного развлечения, и ни на какое другое место претендовать не может. Но вместе с тем в ней, в ее развитии в данной стране, своеобразно проявляется умственная сила народа, и именно это обстоятельство выдвигает ее далеко вперед, ставит в известном смысле в разряд «изящных искусств». Та степень, на которой стоит шахматная игра и ее литература в данном народе, находится обыкновенно в известном соотношении к общему состоянию его культуры,— об этом ясно свидетельствует вся история шахмат. Вот точка зрения, с которой следует смотреть на современное состояние шахматной игры в нашем отечестве.

Лет двадцать-тридцать назад шахматная игра не пользовалась в России ни значением, ни даже популярностью. Правда, еще в первой половине нашего века и в России, и за границей сделались известны имена Петрова, Яниша, затем Шумова; в начале 60-х годов, в течение пяти лет, издавался В. М. Михайловым даже шахматный журнал при «Русском слове», на средства графа Кушелева-Безбородко. Но это были одиночные, разрозненные явления. Общественной шахматной жизни у нас не существовало, и в то самое время, когда во всем цивилизованном мире гремели имена Андерсена, Морфи и других корифеев шахматного искусства, когда в Европе существовала уже целая шахматная литература и специальные журналы разносили повсюду известия о замечательных явлениях в области шахматного искусства, Россия оставалась в стороне от этого широкого движения.

Последние два десятилетия внесли коренной переворот в это положение вещей. В России появляется шахматный маэстро, привлекающий к себе внимание всего шахматного мира. Его состязания в турнирах и матчах с первоклассными игроками в Европе и в Америке завоевывают уважение к русскому имени и в области шахматной игры.

Следя за его подвигами, русские шахматисты начинают сознавать себя полноправными гражданами шахматного мира, и на заграничных турнирах появляются другие русские игроки (Шифферс, Алапин). Как это всегда бывает, около смелого и талантливого вождя

группируются русские силы, возникает шахматная журналистика, и возбуждение, вызываемое и поддерживаемое ею, постепенно растет, разливаясь по всей Руси великой. В истекшем году перед нами уже целая сложная картина русской шахматной жизни.

И в Петербурге, и в Москве издаются шахматные журналы («Шахматный журнал» и «Шахматное обозрение»), для которых обоих 1893-й год был третьим годом существования. Почти при всех крупных газетах и при иллюстрированных журналах открыты шахматные отделы, а всякий журнал и всякий такой отдел есть центр, объединяющий русские шахматные силы. Во многих русских городах... учреждены правильно организованные и законно утвержденные шахматные общества».

Сам Чигорин в кратком вступительном объявлении к первому номеру журнала писал: «Следуя хорошему обычаю, считаем не лишним сказать несколько слов о направлении нашего журнала, о задачах, которые он намерен преследовать. Мы желаем, чтобы журнал наш был отражением наиболее ярких, наиболее поучительных явлений шахматной жизни. Само собою разумеется, в нем найдут место не одни шедевры шахматного искусства,—да их и не так много, чтобы наполнить ими периодическое издание, но в нем не будет места ничему, что не представит в каком-либо отношении интереса для шахматиста».

Обещание это Чигорин сдержал. В вышедших двенадцати номерах он дал статьи по истории шахмат, обзоры столичной и провинциальной шахматной жизни России, все партии матча Чигорин — Тарраш, все партии Ласкер — Стейниц и 38 партий классических матчей великих шахматистов начала прошлого века — Лабурдонэ и Макдоннела. Кроме того, конечно, в журнале были иностранная хроника, теоретические заметки, задачи, этюды и пр.

К сожалению, это интересное по замыслу издание, которое можно сравнивать по жанру с «Дневником писателя» Достоевского, внезапно было прекращено Сувориным без объяснения причин — или из-за нерентабельности или, что мне кажется более вероятным, из-за желания публиковать работы Чигорина только в газете «Новое время», стимулируя ее распространение.

Чигоринский шахматный журнал не был чужд и поли-

тической жизни страны. Как раз в те годы заключался франко-русский военный союз против милитаристской Германии. «На материке Европы, занятой грозными вооружениями,— писал Чигорин в «Шахматах»,— интерес к шахматной игре неизбежно парализуется политическими тревогами».

Своеобразным откликом на франко-русский союз явился организованный Чигориным весной 1894 г. матч из двух партий по телеграфу между руководимым им «Петербургским шахматным обществом» и парижскими шахматистами, базировавшимися в знаменитом шахматном кафе «Де ле Режанс».

Судьей матча был любитель шахмат австрийский миллионер барон Ротшильд, которому пришла фантазия стать «меценатом».

В партии, где Париж играл белыми, французы избрали дебют ферзевых пешек. Петербург играл белыми гамбит Эванса.

Согласно условию, в матче могли играть лишь граждане данной страны. От Петербурга игру вели: Чигорин, Сабуров, Клеменц и Отто, от Парижа: Арну де Ривьер, Клер, Гетц и Прети.

Как только Алапин, живший в то время уже во Франции, но по-прежнему обладавший русским паспортом, услышал о матче, он сразу почувствовал себя французом до мозга костей и кинулся помогать новоявленным «землякам» в борьбе против ненавистного ему Чигорина. Он убедил парижан применить в гамбите Эванса излюбленную Алапиным защиту Сандерса — ту самую, которую два года назад навязывал Стейницу. И как раз эта партия закончилась проигрышем Парижа. Вторую партию проиграл Петербург.

Новая выходка Алапина, сорвавшего патриотическое мероприятие, способствовавшее укреплению дружественных связей между Россией и Францией, вызвала гневный протест Чигорина в «Шахматах». Чигорин решил применить сильно действующее средство: «Если г. Алапину,— писал Чигорин,— угодно экспериментировать против Чигорина свои прежние изыскания в гамбите Эванса, то Чигорин готов сразиться с ним на ставку минимум 3000 франков». Но Алапин благоразумно не принял вызова, после чего Чигорин потерял интерес к матчу.

Из повседневных «служебно-общественных» чигоринских мероприятий, как души петербургского шахматного общества, кроме сеансов одновременной игры (обычных и вслепую) надо отметить выступления Чигорина в зимнем турнире-гандикапе 1894/95 гг., в котором он занял третье место, набрав 25 очков из 32 партий, и в весеннем турнире-гандикапе 1895 г., где он взял первый приз, имея 34,5 очка (из 40).

Наряду с напряженной литературной работой, игрой в консультационном турнире, в матче по телеграфу и выступлениями в шахматном клубе Чигорин с большим интересом следил за матчем на мировое первенство Стейниц — Ласкер, происходившем весной 1894 г. в различных американских городах. В конце года Чигорин от имени Петербургского шахматного общества направил Ласкеру приглашение приехать в Петербург, на что Ласкер ответил согласием, обусловив его, однако, тем, что он не будет играть матч с Чигориным! А повторное приглашение Петербургского шахматного клуба, посланное ему в начале 1895 г., Ласкер просто отклонил — новопеченный чемпион мира явно не хотел рисковать своими еще совсем зелеными лаврами.

Чигорин никак не комментировал отказ Ласкера встретиться с ним, но за рубежом к уклонению нового чемпиона мира от матча на мировое первенство отнеслись с неодобрением. Тарраш всюду заявлял, что он себя считает сильнейшим шахматистом мира, а успехи Ласкера объяснял случайностью. Стейниц, в свою очередь, объяснял свой проигрыш Ласкеру плохим состоянием здоровья и требовал реванша.

Надо отметить, что в 1895 г. в активе чемпиона мира еще не было ни одной победы в крупном международном турнире и он ни разу не встречался ни с Чигориным, ни с Таррашем.

Желание выяснить, кто же на самом деле является сильнейшим среди прославленной четверки (Чигорин, Стейниц, Ласкер, Тарраш), побудило Гастингский шахматный клуб в Англии провести осенью 1895 г. международный турнир, в котором участвовали все эти корифеи и другие сильнейшие шахматисты того времени. И действительно состав турнира был таков, что его можно назвать сильнейшим шахматным соревнованием XIX века.

Участие в турнире двух сильнейших шахматистов России — Чигорина и Шифферса навело их обоих на правильную мысль: сыграть перед началом гастингского турнира между собой тренировочный матч. Он закончился победой Чигорина со счетом $+7, -3, =3$.

Вероятно, Чигорин сумел летом и отдохнуть перед грандиозным соревнованием лучших шахматистов мира, начавшимся 5 августа 1895 г. и длившимся целый месяц. Во всяком случае и формальный результат и качество партий Чигорина, а главное — его блестящий старт показывают, что перед началом турнира Михаил Иванович, что не всегда случалось, был в прекрасной спортивной форме.

В первом туре Чигорин встретился с восходящей молодой звездой — гениальным молодым американцем Гарри Пилсбери. Чигорин блестяще провел атаку и, образовав в тяжелофигурном эндшпиле три проходные пешки, одну из них повел в ферзя. Здесь случился забавный эпизод, свидетельствующий о почтительном отношении к Чигорину молодого чемпиона мира Ласкера. Чигорин, ферзь которого еще был на доске, продвинув пешку на восьмую горизонталь, поставил пока что вместо ферзя перевернутую ладью, а сам пошел в соседнюю комнату, чтобы найти второго ферзя на другом шахматном столике. По пути он встретил Ласкера, который быстро шел ему навстречу. Ласкер учел, что на доске у Чигорина имеются еще две проходные пешки, и протянул Чигорину трех белых ферзей со словами: «Надеюсь, господин Чигорин, что этого вам хватит?» Через несколько ходов Пилсбери, не дожидаясь сбора четырех чигоринских ферзей, сдался.

Во втором туре Чигорин в трудной маневренной борьбе победил и самого Ласкера, применив в ответ на ферзевый гамбит оригинальный дебют, в наше время вошедший в теоретическую литературу, как «защита Чигорина». В третьем туре Чигорин выиграл у Мэзона, после чего последовал досадный срыв в виде быстрого проигрыша Шифферсу из-за дебютной ошибки в излюбленной Чигориным защите двух коней.

Но это не ослабило наступательного порыва русского чемпиона. В пятом туре Чигорин, красиво пожертвовав качество, выиграл у Тарраша, затем тонкими маневрами добился победы над Тейхманом, причем эта

партия получила такую любопытную оценку комментировавшего ее позже Тарраша: «Вся партия — превосходный образец игры в духе новой школы!».

В очередных турах Чигорин победил трех зедущих английских маэстро — Берна, Блекберна и Гунсберга; затем последовали ничья с Бердом и выигрыш у Марко.

После первой половины турнира Чигорин был лидером, набрав против сильнейших участников 9,5 очка (из 11). Казалось, что он вне конкуренции.

Вторую половину турнира Чигорин начал неудачно. Сделав ничью с Вальбродтом, русский чемпион быстро переиграл по дебюту Стейница и мог уже на 15-м ходу форсировать выигрыш, затем упустил ничью и в результате ряда неточных ходов даже проиграл. Однако Чигорин быстро восстановил свое ведущее положение в турнире, набрав в следующих шести турах 5 очков (четыре выигрыша при двух ничьих).

Перед двадцатым, предпоследним, туром Чигорин опередил всех конкурентов, и первый приз был у него как будто в кармане. Но здесь произошло нечто таинственное, подлинная «механика» чего не раскрыта до наших дней.

Очередную партию двадцатого тура Чигорин играл настолько слабо, что вынужден был сдаться уже после шестнадцати ходов, хотя избрал белыми прекрасно ему знакомую «венскую партию». В самом факте проигрыша, хотя и печальном, нет ничего странного, но стиль проигрыша лидера турнира вызвал всеобщее недоумение. «Это самая жалкая из всех известных нам партий Чигорина, — писал журнал «Дейтче шахцайтунг». — Мы никогда не поверили бы, что такие провалы могут быть в творчестве гениального русского маэстро. выдающиеся партии которого именно из Гастингского турнира вызывают справедливое восхищение шахматного мира».

И действительно, Чигорин делал такие нелепые и робкие ходы, которые могли встретиться лишь в партии начинающего и притом бездарного любителя, а не прославленного чемпиона. Скажем прямо, партия производит впечатление, будто Чигорин играл ее в тяжелом похмелье. Он сам, напечатав эту партию в «Новом времени», поставил к ее 16 ходам восемь (!) вопросительных знаков, и это не очень щедро. В партии не было

грубой ошибки, просчета, зевка — вся партия была одной, сплошной нелепостью.

В чем же дело?

По свидетельству К. В. Розенкранца: «Говорили, что накануне этой партии поклонники заранее чествовали Чигорина обильным ужином с вином».

Это объяснение странно, так как известно, что в начале и в зените своей шахматной карьеры Чигорин во время соревнований никогда не пил. Да и разве Чигорин стал бы пить до исхода напряженной борьбы, победа в которой позволила бы современникам считать Чигорина сильнейшим шахматистом мира и дала бы ему моральное и формальное право на немедленный матч с Ласкером. К тому же Чигорин (так и вообще любой спортсмен) никогда не стал бы праздновать еще не зафиксированную победу!

Возникает также вопрос: какие поклонники могли «чествовать Чигорина обильным ужином с вином»? Совершенно не в английском духе спаивать спортсмена, да и чествование Чигорина было бы неучтывым со стороны «хозяев поля» по отношению к другим лидерам турнира: Ласкеру, Пилсбери, Таррашу. Личных друзей и знакомых из русских в Гастингсе у Чигорина не было, кроме Шифферса, который тоже имел шансы на высокое призовое место, но догнать Чигорина не мог и тоже не стал бы пить.

Остается только одно объяснение: весь этот ужин с вином на самом деле был диверсией, подвохом, подстроенным конкурентами или завистниками Чигорина, знавших привычку Чигорина к алкоголю. А ведь известно, что, когда человек долго воздерживается от нездоровой привычки и потом внезапно, игрой случая возвращается к ней, она бушует в нем как лесной пожар! Чигорина споили нарочно, чтобы лишить его первого приза. Не будем гадать, кто был исполнителем этой грязной операции. Ими могли быть не только недруги русского шахматиста, но, например, «болельщики» за Ласкера, Пилсбери, Тарраша, без всякого, конечно, инспирирования со стороны этих чемпионов.

Может быть, когда-нибудь трудами английских шахматных историков «таинственный случай» с Чигориным разъяснится.

Турнир в Гастингсе 1895 г.

№	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	Итог	Место
1	Пилсбери	×	0	0	1	1	1	1	1	0	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	16 $\frac{1}{2}$	I
2	Чигорин	1	×	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	1	16	II
3	Ласкер	0	1	×	0	1	1	0	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	1	15 $\frac{1}{2}$	III
4	Тарраш	0	1	0	×	1	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0	1	1	1	14	IV
5	Стейниц	0	1	0	0	×	1	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	13	V
6	Шифферс	0	1	0	0	0	×	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	12	VI
7	Барделебен	0	0	1	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	×	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	1	11 $\frac{1}{2}$	
8	Тейхман	0	0	0	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	×	0	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	11 $\frac{1}{2}$	
9	Шлехтер	1	0	0	$\frac{1}{2}$	0	1	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1	1	0	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	0	11	
10	Блекберн	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	0	0	0	1	1	$\frac{1}{2}$	×	1	0	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	0	1	0	$\frac{1}{2}$	1	1	1	10 $\frac{1}{2}$	
11	Вальбродт	$\frac{1}{2}$	0	0	0	0	0	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	0	1	1	$\frac{1}{2}$	0	1	1	1	1	1	1	10	
12	Берн	0	0	0	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	0	1	1	$\frac{1}{2}$	×	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	0	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	1	9 $\frac{1}{2}$	
13	Мэзон	0	0	$\frac{1}{2}$	1	0	$\frac{1}{2}$	0	0	0	1	$\frac{1}{2}$	1	0	×	$\frac{1}{2}$	0	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	9 $\frac{1}{2}$	
14	Яновский	0	1	0	0	1	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1	1	0	$\frac{1}{2}$	×	$\frac{1}{2}$	1	1	1	0	1	1	1	9 $\frac{1}{2}$	
15	Берд	0	$\frac{1}{2}$	0	0	1	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	×	1	1	1	0	$\frac{1}{2}$	1	1	9	
16	Гунсберг	0	0	0	$\frac{1}{2}$	0	1	0	1	$\frac{1}{2}$	1	1	0	1	1	0	×	1	1	0	1	1	0	9	
17	Альбин	0	$\frac{1}{2}$	0	0	0	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	0	0	1	$\frac{1}{2}$	0	1	1	$\frac{1}{2}$	8 $\frac{1}{2}$	
18	Марко	$\frac{1}{2}$	0	0	0	0	0	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1	0	1	1	0	$\frac{1}{2}$	1	0	0	1	1	$\frac{1}{2}$	8 $\frac{1}{2}$	
19	Поллок	0	0	0	1	1	0	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1	0	0	$\frac{1}{2}$	1	1	1	0	×	0	1	1	8	
20	Мизес	0	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	0	0	$\frac{1}{2}$	1	0	0	1	×	0	1	7 $\frac{1}{2}$	
21	Тинсли	0	0	0	$\frac{1}{2}$	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	$\frac{1}{2}$	1	0	0	1	0	×	1	7 $\frac{1}{2}$	
22	Вергани	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	1	0	$\frac{1}{2}$	1	0	0	×	3	

Пропитое очко дорого обошлось Чигорину! В том же туре его обогнал Пилсбери. Хотя Чигорин выиграл в последнем туре в прекрасном стиле у Шлехтера, но выиграл и Пилсбери, завоевавший первый приз. Чигорин остался вторым, Ласкер занял третье место, Тарраш — четвертое.

Привожу таблицу Гастингского турнира.

Мировая шахматная пресса, ахая и удивляясь по поводу загадочного проигрыша Чигорина, вместе с тем единодушно отмечала его великолепную игру на протяжении почти всего турнира. «Сильнее всех, по моему мнению, — писал, например, Тарраш, — играл знаменитый русский маэстро Чигорин. С начала турнира и до конца у него были наибольшие шансы на первый приз — и в предпоследнем туре, непосредственно перед достижением цели, он потерпел крушение. В этот день он был настолько нерасположен к игре, что в 16 ходов проиграл Яновскому и лишился первого приза, который был бы достойной наградой за его могучую игру».

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВАТЕРЛОО

Во время турнира и по окончании его Чигорин получил массу приветствий из России. Ему стало ясно, что завоеванный им второй приз, несмотря на досадный срыв в предпоследнем туре, расценен русской общественностью, как крупнейший успех. Особенно важно было то, что Чигорин одержал в личных встречах победы над чемпионом мира Ласкером, претендентом на это звание Таррашем и победителем Гастингского турнира Пилсбери.

Однако Чигорин по своей непрактичности не использовал создавшейся возможности. Еще до отъезда в Англию у него была договоренность с петербургскими «мecenатами» о финансировании крупного международного турнира в Петербурге. Но они вряд ли предвидели, что Чигорин превзойдет самого Ласкера, не говоря уже об остальных мировых корифеях.

Чигорину следовало немедленно после Гастингского турнира, тут же, на месте, официально вызвать Ласкера на матч за мировое первенство, заявить тому, что средства обеспечены, телеграфируя об этом и петербургским друзьям. Ласкер, поскольку он занял в турнире

место ниже Чигорина и проиграл тому партию, не смог бы отлынивать от матча. За Чигорина горой встало бы все мировое общественное мнение, так как он «котиrowался» пока что выше Ласкера. Про Ласкера, например, Тарраш ядовито писал, что своим третьим призом в Гастингском турнире «чемпион мира доказал, что он тоже хороший шахматист».

Однако вместо вызова Ласкера на матч Чигорин, следуя петербургской договоренности и не учтя изменения обстановки в свою пользу, на прощальном банкете публично пригласил Ласкера, Стейница, Тарраша и Пилсбери приехать в Петербург в конце года для участия в пятерном матч-турнире.

Идея была бы хороша, если бы Чигорин в Гастингсе сыграл не вполне удачно или неудачно, но теперь она была явно нелепа. Чего мог ожидать Чигорин лично от петербургского матч-турнира? То, что он завоюет в этом труднейшем соревновании первый приз? Допустим. А дальше что? Только то, что он сможет в дальнейшем бороться с Ласкером за мировое первенство! Но он уже имел это право благодаря своему крупному успеху в Гастингсе.

Матч-турнир в Петербурге был явно непродуманной затеей!

Другой «тактической» ошибкой, но уже не самого Чигорина, а его отечественных «покровителей», было проведение матч-турнира именно в Петербурге. Еще матч с Таррашем показал, какие тяготы ложатся на плечи Чигорина, а при новом соревновании организационные хлопоты, падавшие на директора-распорядителя Санкт-Петербургского шахматного общества Чигорина — утроились! Всё — от приискания номеров в гостинице и размещения гостей, обслуживания их — до расстановки стульев, столов и шахмат во время соревнования и прикрепления картонных табличек с фамилиями чемпионов к шахматным столикам делал сам Чигорин. А тут еще у него усложнились личные дела, ухудшилось материальное положение, а та гнусная, склочная атмосфера, которая проявлялась во время матча с Таррашем, давала себя знать еще сильнее.

Когда после неудачного для Чигорина исхода матч-турнира его знакомый В. Чиж спросил русского чемпиона, почему он так плохо сыграл спустя лишь сто дней

после блестящих гастингских подвигов, Чигорин с горечью ответил: «Я еще удивляюсь, что не все партии проиграл. Сядешь играть, а думаешь о том, что тебя из квартиры хотят за неплатеж выселить, а тут жена пришлет тебе счет, который надо срочно оплатить, а кругом интриги, сплетни, мерзость!».

В матч-турнире Чигорину было психологически трудно и по другой причине. В шахматах редко оправдывается пословица: «Дома стены помогают!». Наоборот, от шахматиста, играющего в родном городе, его родственники, друзья, знакомые, «болельщики» всегда ожидают необыкновенных, сверхблестящих успехов. Это психологическое «подгоняние» нервирует шахматного чемпиона, и он играет зачастую не лучше, а хуже обычного. Вспомним хотя бы неудачу экс-чемпиона М. Эйве в матч-турнире на мировое первенство 1948 г., когда он у себя на родине сыграл так плохо, как никогда.

Возвращаясь к описанию петербургского матч-турнира 1895/96 г. Тарраш, хотя и стремился к мировому первенству, но боялся и Чигорина и Ласкера. Правда, в печати после Гастингского турнира Тарраш хвастливо обещал «встретиться кое с кем при Филиппах», сравнивая себя таким образом с духом убитого Юлия Цезаря, Чигорина, который у Тарраша в Гастингсе выиграл, — с Брутом, а Петербург с местечком Филиппы. Но, видимо, у духа не хватило духу, и Тарраш уклонился от новой встречи с могучими соперниками.

Ласкер же, Пилсбери и Стейниц приехали в Петербург, и здесь оргкомитет сделал новый промах. Ему следовало бы вместо отказавшегося Тарраша включить в состав участников Шифферса — как второго по силе шахматиста России и шестого призера Гастингского турнира (после Стейница). Это было бы выгодно для Чигорина, поскольку он знал все сильные и слабые стороны Шифферса, а для остальных чемпионов сильный и опасный маэстро Шифферс был бы «темной лошадкой» и отнял бы у них в пользу Чигорина много очков. Но Шифферса не включили, зря обидев его.

Петербургский матч-турнир проходил с 13 декабря 1895 г. по 28 января 1896 г. при четырех участниках, игравших друг с другом по шесть партий. Чигорин стартовал исключительно неудачно, набрав в первой половине турнира только 1,5 очка из девяти встреч, причем

в третьем круге он проиграл все партии. Во второй половине турнира Чигорин играл лучше и набрал 5,5 очка, но было уже поздно! Он занял последнее, четвертое, место с 7 очками — позади Ласкера (11,5 очка), Стейница (9,5 очка), Пилсбери (8 очков).

Самое печальное в итогах соревнования, долженствовавшего подчеркнуть права Чигорина на личное мировое первенство, было то, что оно их начисто уничтожило! Блестящий успех молодого чемпиона мира Ласкера сочетался с выигрышем им матча у Чигорина с разгромным счетом 5:1 (четыре победы при двух ничьих). Это было полное крушение всех надежд великого русского шахматиста, и Чигорин пал духом. С тех пор он уже не прежний «шахматный Наполеон» или Суворов, и даже не Наполеон на острове Эльба. Это Наполеон после Ватерлоо!

Вокруг имени Чигорина в петербургской желтой прессе шла свистопляска, которой деятельно помогали завистники и ненавистники великого русского шахматиста. В пасквильных стихах рифмовали фамилию Чигорин со словом «объегорен». Но самое крупное оскорбление нанес Чигорину московский миллионер, «меценат» Бостанжогло, который вместо того, чтобы финансировать матч Чигорин — Ласкер или московский международный турнир, предпочел бухнуть десяток тысяч для того, чтобы в конце того же 1896 г. организовать матч-реванш между Ласкером и Стейницем. Экс-чемпион мира уже не имел никаких шансов на возвращение шахматной короны, да и в петербургском матч-турнире сыграл с Ласкером матч мало чем лучше Чигорина (+1, —3, =2), а Чигорину матч проиграл со счетом +2, —3, =1.

Забегая вперед, скажу, что Ласкер легко выиграл матч-реванш у Стейница со счетом +10, —2, =5, а когда во время матч-реванша Петербургское шахматное общество стало зондировать возможность организовать матч между Ласкером и Чигориным, чемпион мира потребовал небывалый по тому времени гонорар в 4000 рублей, независимо от того, проиграет он матч Чигорину или выиграет! Это рваческое требование, ломавшее к тому же традиции матчевых «парии», явно было рассчитано на срыв матча с Чигориным. Ясно, что ни Петербургское шахматное общество, ни сам Чигорин не могли собрать такой колоссальной суммы, а космополи-

ту Бостанжогло, в чьем присутствии велись переговоры с Ласкером о матче с Чигориным, было наплевать на Чигорина, и на шахматы, и на Россию, и он не пожелал поддержать чемпиона страны.

Чигорин же уже не мог апеллировать к мировому общественному мнению, так как после победы в петербургском матч-турнире и до матч-реванша со Стейнницем Ласкер летом 1896 г. в первоклассном по составу турнире в Нюрнберге снова блестяще завоевал первый приз, показав свое полное, если не творческое, то спортивное превосходство над всеми соперниками. Чигорин же в Нюрнберге остался даже за чертой призеров, поделив с Шифферсом девятое и десятое места с 9,5 очка (из 18), причем проиграл не только Ласкеру, но и Пилсбери, Таррашу и Стейницу.

На обратном пути из Нюрнберга Чигорин заехал на гастроли в Прагу. Чешские любители исключительно радушно приняли Михаила Ивановича,— и как знаменитого шахматиста и благодаря братским симпатиям славян. Среди чехов позже выявился ряд талантливых мастеров во главе с Олджихом Дурасом — будущим гроссмейстером и победителем ряда международных турниров. «До сих пор,— рассказывал Дурас о Чигорине уже после второй мировой войны,— в Праге есть шахматисты, которые с восторгом вспоминают гастроли великого маэстро». Сам Дурас, который в 1896 г. был мальчиком, но потом встречался с Чигориным в турнирах девятисотых годов, так отзывался о нем: «Память о великом Чигорине жива в моих воспоминаниях, как живет и будет жить его слава в истории шахматного искусства до тех пор, пока люди будут играть в шахматы».

С 1896 г. Чигорин подряд играет во всех международных турнирах и охотно выезжает на гастроли, явно стараясь забыться и отдохнуть и от «петербургско-доминиканской» атмосферы и от обид завистников. Хотелось ему, конечно, и реабилитировать себя после неуспеха в матч-турнире, и познакомиться с выдвигающейся повсеместно молодежью, и подработать на призах. Нужда по-прежнему не выпускала Михаила Ивановича из своих цепких объятий, тем более что он часто входил в долги, покрывая неотложные расходы шахматного клуба. Да и расходы по проезду на турнир и обратно в те времена не оплачивались. Один раз, когда В. Чиж

спросил Чигорина, примет ли тот участие в намечавшемся международном турнире, Чигорин ответил: «Пряму обязательно! Только деньги, деньги...», и он схватился за голову. «Знаете, к чему приходится прибегать? У меня остались неразошедшиеся экземпляры журнала за 1894 год. Так вот я их и рассылаю: «От М. И. Чигорина такому-то на добрую память», а они присылают кто три, кто пять рублей. Вот и источники на поездку». «Я спросил,— вспоминает В. Чиж,— неужели Шахматное общество и богатые любители не окажут поддержки?» «На словах — сколько угодно, а на деле — шиш!», — ответил Чигорин.

Любопытно, что в этом самом журнале «Шахматы», рассылавшемся Чигориным «мecenатам», имеется такой фрагмент, полемизирующий с французским профессором психологии Бине, который по наивности и незнанию шахматного мира воображал, что шахматные маэстро очень хорошо зарабатывают игрой:

«Нет, шахматист менее чем кто-либо думает найти средства к жизни в своем искусстве,— возражал Чигорин,— и в то время как человек науки, музыкант, живописец и пр. и пр. прямо может рассчитывать на почетное независимое и обеспеченное положение в обществе, шахматист, как бы ни был он одарен, даже знаменит уже, может рассчитывать в самом лучшем случае на деятельность в шахматной литературе или журналистике, могущие представить выгоды крайне незначительные. Эта черта бескорыстия, связанная с искусством шахматной игры, придает представителям ее, по крайней мере — в глазах людей, ближе и глубже понимающих шахматный мир (шпилька по адресу Бине.— В. П.) — живой интерес».

Но и участие в международных турнирах не гарантировало Чигорину приличного заработка. Играл он в них нервно и неровно, то достигая высоких призовых мест, то оставаясь без приза. Так два месяца спустя после неудачного выступления в Нюрнберге Чигорин вновь добился крупного успеха, поделив первые два места на международном турнире в Будапеште с даровитым молодым чехом Рудольфом Харузеком. Они набрали по 8,5 очка (из 12), но в последовавшем затем между ними небольшом матче выиграл Чигорин со счетом 3:1. Он и получил первый приз, а Харузек, называв-

ший себя учеником Чигорина и игравший в столь же ярком стиле,—второй приз. Стейниц прислал Чигорину теплое поздравительное письмо.

Привожу таблицу турнира:

Турнир в Будапеште 1896 г.

№ п/п	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Коллч очков	Приз
1	Чигорин	×	0	$\frac{1}{2}$	0	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	8 $\frac{1}{2}$	I
2	Харузек	1	×	1	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	1	0	1	1	8 $\frac{1}{2}$	II
3	Пилсбери	$\frac{1}{2}$	0	×	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	1	0	0	1	1	1	1	7 $\frac{1}{2}$	III
4	Шлехтер	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	×	1	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	0	7	IV—V
5	Яновский	0	1	$\frac{1}{2}$	0	×	0	1	0	1	1	$\frac{1}{2}$	1	1	7	
6	Вальбродт	0	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	1	×	1	0	1	0	$\frac{1}{2}$	1	1	6 $\frac{1}{2}$	VI—VII
7	Винавер	$\frac{1}{2}$	0	0	0	0	0	×	1	1	1	1	1	1	6 $\frac{1}{2}$	
8	Тарраш	0	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	1	0	×	$\frac{1}{2}$	0	0	$\frac{1}{2}$	1	6	
9	Альбин	0	0	1	1	0	0	0	$\frac{1}{2}$	×	0	1	$\frac{1}{2}$	1	5	
10	Мароци	0	0	0	$\frac{1}{2}$	0	1	0	1	1	×	$\frac{1}{2}$	0	1	5	
11	Марко	0	1	0	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	1	0	$\frac{1}{2}$	×	1	0	4 $\frac{1}{2}$	
12	Ноа	$\frac{1}{2}$	0	0	$\frac{1}{2}$	0	0	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	0	×	1	4	
13	Попиль	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	×	2	

Однако в следующем, 1897 г. Харузек блестяще взял реванш. На большом международном турнире в Берлине он завоевал первый приз, выиграв в личной встрече у Чигорина. Русский чемпион шел в турнире неплохо, но на финише проиграл подряд четыре партии и откатился на десятое место.

На обратном пути из Берлина на родину Чигорин совершил большую поездку по Прибалтийскому краю, посетив Лиепяю, Ригу, Тарту и Таллин (тогда называвшиеся: Либава, Рига, Юрьев и Ревель). Гастроли Чигорина, в течение которых он давал сеансы одновременной игры и встречался в показательных партиях с местными чемпионами, прошли с исключительным успехом и помогли сплочению любителей игры. Вернувшись в Петербург, Чигорин рассказывал: «Вот сколько лет собирались наладить там шахматную жизнь, а я в каждом городе организовал кружок в один день». Это не было пустой похвалой: кружки оказались живучими, и спустя немного времени из них образовался Прибалтийский шахматный союз.

Как много значило личное участие Чигорина в отечественной шахматной жизни, показывает и то, что в

связи с начавшимися постоянными отлучками Чигорина из Петербурга на международные турниры зачахло и закрылось без своего неутомимого руководителя-общественника и Санкт-Петербургское общество любителей шахматной игры. Последние выступления Чигорина в нем были в турнире-гандикапе 1896 г. (первый приз с 38 очками из 42 партий!) и в трех турнирах-гандикапах в 1898 г. В первых двух Чигорин занял первые места, в третьем — поделил первый и второй призы с второкатегорником П. Омелянским.

В 1897 г. в Петербурге Чигорин сыграл и свой последний, шестой, матч с Шифферсом, разгромив того со счетом $+7, -1, =6$.

Летом 1898 г. Чигорин принял участие в турнире в Вене, тянувшемся два месяца! Девятнадцать участников играло в два круга! Чигорин поделил с Берном шестой и седьмой призы, набрав 20 очков (из 36).

А уже день спустя (!) по окончании Венского турнира Чигорин играл в международном турнире в Кельне. Здесь Чигорин добился большего успеха, набрав 10,5 очка (из 15) и поделив с Харузеком и Коном второй, третий и четвертый призы.

Менее удачно Чигорин сыграл летом 1899 г. на турнире в Лондоне. Пятнадцать шахматистов играло в два круга. Чигорин взял седьмой приз, набрав 16 очков, но проиграл обе партии Ласкеру, завоевавшему первый приз.

Общая картина выступлений Чигорина после несчастного петербургского матч-турнира такова. Он по-прежнему играет энергично, красиво, смело, но уже без прежнего подъема, без прежней веры в себя, что сказывается, в частности, в том, что он в турнирах регулярно проигрывает последнюю, решающую партию!

Надежд на успешную борьбу за личное мировое первенство, и даже вообще на матч с Ласкером, у Чигорина давно не осталось, так как Ласкер уже прочно укрепил свой авторитет как чемпион мира. К тому же Чигорин понимал, что ему, приближающемуся к 50 годам, и физически не под силу вступать в длинную, изматывающую борьбу с тридцатилетним чемпионом мира, находящемся в расцвете сил и славы.

Мало того — на международной арене уже выдвинулась целая плеяда даровитых молодых шахматистов,

которые овладели не только всеми теоретическими достижениями прошлого, но и профессиональной рутинной, практичностью, которых никогда не имел Чигорин, и обладали физическим здоровьем, свежестью мышления и оптимизмом молодости.

БЕССМЕННЫЙ ЧЕМПИОН РОССИИ

Близился двадцатый век. Чигорин жил в маленькой квартире на Невском проспекте и по вечерам принимал у себя друзей-шахматистов. А когда члены бывшего Шахматного общества наняли под шахматный клуб большую квартиру, Чигорин вскоре переехал в одну из ее комнат, но уже не в качестве «директора-распорядителя», а как рядовой член шахматного кружка, свободный от хозяйственных дразг и административных забот.

Чигорин играл в клубе легкие партии, рассказывал друзьям о своих поездках на зарубежные соревнования и даже организовал «Курсы для изучения шахматной игры», единственным лектором которых являлся сам. К сожалению, рукописи этих лекций не сохранились. Вероятно, Чигорин использовал для этих лекций свои «добавления» к переводному учебнику Дюфрена, который вышел в свет в 1898 г.

Регулярно появлялся чигоринский отдел в «Новом времени», а для читателей газеты Чигорин организовал в 1899 г. турниры по переписке, в которых участвовал сам.

Часто Чигорин посещал Москву. Только в 1899 г. он побывал там три раза. Девять мартовских дней были для московских любителей сущим праздником. Чигорин провел в Московском шахматном кружке две консультационные партии и три сеанса одновременной игры, сыграл также несколько легких партий с сильнейшими москвичами — в том числе с профессором математики Бугаевым, введшим в практику начало, известное ныне как дебют Сокольского.

Чигорин подал москвичам идею о проведении в Москве первого Всероссийского турнира, горячо подхваченную местными энтузиастами во главе с неутомимым общественником П. П. Бобровым, редактором-издателем журнала «Шахматное обозрение», который по объему и качеству был лучшим шахматным изданием того вре-

мени не только в России, но и за рубежом. К сожалению, и этот журнал, «съев» своего издателя, в конце концов прогорел из-за нехватки подписчиков.

В мае Чигорин снова приехал в Москву для организационной помощи намеченному соревнованию и провел сеанс одновременной игры на 26 досках, сбор с которого поступил в фонд по организации Всероссийского турнира. В письме, посланном перед поездкой Боброву, Чигорин советовал, кроме чемпионата России, организовать и второй, побочный турнир — «любителей». С удивительным бескорыстием Чигорин, упоминая о призах намечающегося чемпионата, пишет, что «пятьсот рублей для первого приза многовато. Достаточно и четырехсот». А ведь всякому было ясно, что первый приз обеспечен Чигорину и что сто лишних рублей для него были немалой суммой.

С 14 сентября по 1 октября 1899 г. в Москве состоялись оба всероссийских турнира.

Привожу таблицу первого чемпионата России.

Первый Всероссийский турнир 1899 г.

№ п/п	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Коллич. очков	Приз
1	Чигорин (Петербург)	×	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	10	I
2	Шифферс (Петербург)	0	×	$\frac{1}{2}$	1	1	1	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	7 $\frac{1}{2}$	II
3	Левитский (Москва)	0	$\frac{1}{2}$	×	$\frac{1}{2}$	0	1	1	1	0	1	1	1	7	III
4	Лебедев (Петербург)	1	0	$\frac{1}{2}$	×	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	1	1	1	1	6 $\frac{1}{2}$	
5	Янкович (Ростов-Дон)	0	0	1	1	×	1	0	0	1	0	1	1	6	
6	Гельбак (Петербург)	0	0	0	$\frac{1}{2}$	0	×	1	1	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	5 $\frac{1}{2}$	
7	Ненароков (Москва)	0	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	1	0	×	$\frac{1}{2}$	0	1	1	1	5 $\frac{1}{2}$	
8	Геника (Москва)	0	0	0	1	1	0	$\frac{1}{2}$	×	$\frac{1}{2}$	1	0	1	5	
9	Куломзин (Кострома)	0	$\frac{1}{2}$	1	0	0	0	1	$\frac{1}{2}$	×	0	1	1	5	
10	Абаза (Купянск)	0	0	0	0	1	$\frac{1}{2}$	0	0	1	×	1	0	3 $\frac{1}{2}$	
11	Боярков (Москва)	0	$\frac{1}{2}$	0	0	0	$\frac{1}{2}$	0	1	0	0	×	1	3	
12	Фальк (Москва)	0	$\frac{1}{2}$	0	0	0	0	0	0	0	1	0	×	1 $\frac{1}{2}$	

Первое место легко занял Чигорин, на 2,5 очка опередивший Шифферса. В турнире любителей первым был Симсон.

Чигорин писал в «Новом времени»: «Главное, что турнир состоялся. Все давно понимали, что национальный турнир является насущной потребностью русской шахматной жизни; никто не сомневался в полной воз-

возможности устроить этот турнир, но его почему-то откладывали. И вот Московский шахматный кружок с присущей ему энергией организует и успешно проводит это соревнование, могущее оказать большое влияние на дальнейший рост шахматной игры в России.

Добрый почин сделан: честь и слава Белокаменной!».

Последний год XIX века Чигорин ознаменовал напряженной творческой деятельностью, как бы подводя итоги полувеку своего существования. Кроме шахматных отделов газеты, ему пришлось в течение трех лет заменять Шифферса в редактировании большого шахматного отдела ежемесячных «Литературно-художественных приложений» к популярному журналу «Нива». Чигорин уже настолько был знаменит, что даже не ставил вверху шахматного отдела своей фамилии, а просто указывал: «Под редакцией М. И. Ч.».

В январе 1900 г. Чигорин принял участие в турнире сильнейших шахматистов Петербурга. Это был большой сдвиг. В одной только русской столице, и именно благодаря самоотверженному выращиванию Чигориным новых отечественных кадров, появился целый ряд выдающихся шахматистов, с которыми Чигорин должен был играть на равных, а не на фору. Турниры-гандикапы отходили в вечность!

В этом первом чемпионате Петербурга Чигорин, набрав 14,5 очка из 18 партий, поделил первые два места с А. М. Левиным.

В мае Чигорин играл уже в Парижском международном турнире, в котором взял шестой приз, набрав 10,5 очка (из 16) и сделав ничью с победителем турнира Ласкером, который еще потерпел одно поражение (от Маршала), а остальные четырнадцать партий выиграл. За партию с Мортимером Чигорину был присужден приз «За красоту игры».

На рубеже двух столетий — с 26 декабря 1900 г. по 14 января 1901 г. — пятидесятилетний Чигорин принял участие во втором Всероссийском турнире, снова организованным в Москве Бобровым. Надо отметить, что Чигорин и Бобров, по-видимому, в ходе общественной работы прониклись симпатиями друг к другу. С этого времени Бобров горячо пропагандирует деятельность Чигорина, а Чигорин становится постоянным бескорыстным сотрудником «Шахматного обозрения» П. П. Боброва.

Состав участников второго чемпионата России был сильным, и провинция была представлена широко.

На этот раз, кроме Шифферса, у Чигорина был и другой грозный соперник — Яновский, вернувшийся в Россию из-за границы и добившийся крупных успехов в международных турнирах. Яновский и оказался единственным «счастливчиком», сделавшим ничью с Михаилом Ивановичем. Остальные шестнадцать партий Чигорин выиграл, обогнав занявшего второе место Шифферса снова на 2,5 очка!

Привожу таблицу второго чемпионата России.

Однако на международном турнире в Монте-Карло в феврале 1901 г. Яновскому удалось взять реванш. Он завоевал там первый приз и выиграл у Чигорина, набравшего 9 очков (из 13) и поделившего третий и четвертый призы с немецким мастером Шеве. Вторым был Шлехтер. В этом турнире Чигорин поставил своеобразный мировой рекорд, выиграв у Мэзона очень трудный эндшпиль на 144-м ходу! Партия продолжалась свыше семнадцати часов! Воля Чигорина к победе не поддавалась влиянию времени!

В 1902 г. Чигорин принял участие во втором турнире сильнейших шахматистов Петербурга, результаты которого совпали с предыдущим: первые два приза поделили снова Чигорин и Левин. Они набрали по 12 очков (из 14).

В том же году Чигорин дважды выступил в международных турнирах: в феврале — марте — в Монте-Карло, где занял лишь восьмое место, набрав 11,5 очка (из 19), и в июле — августе в Ганновере, где взял седьмой приз, набрав 9 очков (из 17).

В декабре 1902 г. Чигорин снова посетил Московский шахматный кружок и наряду с другими выступлениями выиграл там красивую показательную партию у гастролировавшего в Москве Пилсбери.

Несколько раньше Чигорин побывал в Киеве, где провел несколько сеансов одновременной игры и две консультационные партии. Заодно он посоветовал местным энтузиастам провести в Киеве очередной, третий, Всероссийский турнир, что и было осуществлено в следующем году. В Киеве у Чигорина произошел инцидент, имевший печальные последствия. Там в роскошном дворце проживал не у дел некий светлейший князь Дадьян

Второй Всероссийский турнир 1900/1901 гг.

№ п/п	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Колич. очков	Гриз
1	Чигорин (Петербург)	×	1	½	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	16½	I
2	Шифферс (Петербург)	0	×	0	½	1	1	½	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	14	II
3	Яновский (Париж)	½	1	×	½	½	0	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	13½	III
4	Гончаров (Москва)	0	½	½	×	½	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	12½	IV
5	Ненароков (Москва)	0	0	½	×	×	½	0	1	1	½	0	1	1	1	1	1	+	1	11	V
6	Б. Григорьев (Москва)	0	0	1	½	½	×	½	1	0	½	0	1	1	0	1	1	1	1	10½	
7	Френкель (Москва)	0	½	0	1	1	½	×	0	½	1	0	1	0	½	1	½	+	1	9½	
8	Куломзин (Кострома)	0	0	0	0	0	0	1	×	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1	9	
9	Лебедев (Петербург)	0	0	0	0	0	1	½	0	×	0	½	1	1	1	1	1	+	1	9	
10	Шаров (Москва)	0	0	1	0	½	½	0	0	1	×	1	1	1	1	0	0	+	1	9	
11	Розенкранц (Либавя)	0	0	0	0	1	1	1	0	½	0	×	1	1	½	0	0	1	1	8	
12	Фокин (Харьков)	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	×	1	1	½	1	1	1	6½	
13	Геника (Москва)	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	×	½	1	1	1	1	5½	
14	Табунщиков (Гатчина)	0	0	0	0	0	1	½	0	0	0	½	0	½	×	1	½	+	0	5	
15	Дуз-Хотимирский (Киев)	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	½	0	0	×	1	0	1	4½	
16	Боярков (Москва)	0	0	0	0	0	0	½	0	0	1	1	0	0	½	0	×	0	1	4	
17	Янкович (Ростов-Дон)	0	0	0	0	0	0	—	1	—	—	0	0	0	—	1	1	×	—	3	
18	Антушев (Кашин)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	+	×	2	

Мингрельский — один из последних кавказских феодалов, продавший русскому царю за огромную сумму свои наследственные права. Но пышный титул «светлейшего князя» Дадьян Мингрельский сохранил и считал себя историческим человеком. И он был таковым, но в ином смысле, — в таком, как писал Гоголь: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории...»

Светлейший князь был шахматистом, причем утверждал будто никогда никому не проигрывал ни одной партии. На свой счет князь даже выпустил сборник «Шахматные окончания светлейшего князя Дадьяна Мингрельского», в котором в своем оформлении привел давным-давно известные «типичные» матовые комбинации, имеющиеся в любом учебнике для начинающих и привлекающие сердце лишь неквалифицированного шахматиста. При каждом удобном случае князь приглашал к себе приезжих известных шахматистов и щедро платил им — но не за выигрыши у него, а за проигрыши! На многих международных турнирах в Монте-Карло князь от своего имени назначал призы «за красоту игры». Короче говоря, это был подлинный «шахматный графоман», самовлюбленный, назойливый и опасный для тех, кто перед ним не раболепствовал.

На золотую удочку Мадьяна Мингрельского попался Шифферс, побывавший в его дворце и потом напечатавший в своем «Самоучителе» наряду с партиями лучших шахматистов мира и две партии князя: одну — с анонимом, другую — с неким Попкиным. Читатель от этих убогих, плохо сочиненных партий не получил ничего, но кое-что получили Попкин и Шифферс, а сам Дадьян Мингрельский прыгал, как кузнечик, от радости, что пробрался черным ходом в храм шахматной славы.

Но Чигорин был не чета добродушному и слабовольному Шифферсу. В вопросах этики Михаил Иванович был тверд как камень, да и вообще страшно не любил таких околошахматных людей, как его светлость. Отношение истого художника «Моцарта шахматной игры» М. И. Чигорина к «любителю комбинаций» — шахматных и нешахматных Дадьяну Мингрельскому напоминает один эпизод из «Анны Карениной» Л. Н. Толстого. Граф Вронский, путешествуя по Италии, для развлечения занялся живописью и стал писать, как ему каза-

лось, ничем не хуже знаменитых классиков. Но когда он показал свою картину настоящему художнику Михайлову, тому стало противно. «Он знал, что нельзя запретить Вронскому баловать живописью, он знал, что он и все дилетанты имели полное право писать, что им угодно, но ему было неприятно. Нельзя запретить человеку сделать себе большую куклу из воска и целовать ее. Но если б этот человек с куклой пришел и сел перед влюбленным и принялся бы ласкать свою куклу, как влюбленный ласкает ту, которую он любит, то влюбленному было бы неприятно. Такое же неприятное чувство испытывал Михайлов при виде живописи Вронского; ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно».

Такие же чувства, надо полагать, испытывал и гений комбинаций Чигорин при виде «шахматных окончаний» Дадьяна Мингрельского.

В Киеве Чигорину рассказали про светлейшего князя очередную его «историю». Когда киевский кружок, руководивший в местной газете шахматным отделом, напечатал в нем партию, проигранную Дадьяном, его светлость изволили учинить скандал в редакции и вызвать на дуэль составителей шахматного отдела, — конечно, неосуществившуюся.

А вскоре к Чигорину пожаловал посол от светлейшего князя — один из кормящихся возле того подхалимов — с приглашением прибыть во дворец, чтобы с князем поиграть (вернее — проиграть, но, конечно, за богатую мзду).

М. Эвенсон так вспоминает об этой «истории»:

«Михаил Иванович вскочил и почти закричал: — Так вот и передайте вашему меценату, что к Чигорину с такими предложениями не посылают».

Светлейший князь обиду запомнил, но на дуэль Чигорина не вызвал, а отомстил ему чисто по-лакейски. Когда Чигорин в феврале 1903 г. приехал в Монте-Карло, куда он был приглашен на международный турнир, его ждала неожиданность. Светлейший князь, являвшийся почетным председателем турнира, дававший деньги на призы скупое, но просаживавший огромные суммы в рулетку, ультимативно потребовал от администрации Монте-Карло исключить Чигорина из турнира. Она, боясь потерять богатого клиента игорного дома, согласилась оскорбить великого русского шахматиста,

и Чигорин вынужден был уехать обратно. Характерно и то, что ни один из остальных участников турнира и не пикнул в защиту своего знаменитого коллеги, боясь, видимо, той же участи.

Вся русская и зарубежная печать сурово осудила позорную «историю», организованную князем Ноздревым-Мингрельским.

В мае 1903 г. Чигорин с блестящим успехом выступил на международном турнире в Вене, где все партии игрались «королевским гамбитом». Десять первоклассных мастеров встречались в двух кругах. Михаил Иванович потрянул стариной и, поразив мир неувыдаемым мастерством атаки, завоевал первый приз.

Привожу таблицу Венского «гамбитного» турнира. Триумф Чигорина неожиданно привел к организации небольшого матча между ним и чемпионом мира Ласкером. Правда, это соревнование было не спортивным, а аналитическим.

Финансировал матч американский миллионер Райс, который загорелся честолюбивой мечтой прославить свое имя если не в шахматной практике, то в шахматной теории. В одном из вариантов старинного «гамбита Кизе-рицкого» Райс предложил за белых временную жертву коня, окрестил этот вариант «гамбитом Райса» и тратил дикие деньги на организацию соревнований маэстро, в которых применялся только «гамбит Райса».

Ласкеру и Чигорину он предложил сыграть матч из шести партий — все, начиная с критической позиции после тринадцати ходов. Все партии Ласкер играл белыми, а Чигорин черными. Отмечу, что это условие свидетельствовало о том, что Райс настолько слабо разбирался в шахматах, что не понимал даже собственных интересов. Ведь, чтобы «гамбит Райса» оправдал себя и вошел полноправным членом в семью гамбитов, надо было доказать, что белые взамен пожертвованного коня получают неотразимую атаку. Райс по-обывательски рассудил, что, стало-быть, белыми все партии должен играть чемпион мира. На самом же деле белыми следовало играть Чигорину, как непревзойденному мастеру атаки.

Аналитический матч Ласкер — Чигорин проходил с 3 по 14 августа на английском курорте Брайтоне и закончился победой чемпиона России со счетом $+2, -1, =3$.

Гамбитный турнир в Вене 1903 г.

№ п/п	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Итог	Приз
1	Чигорин	×	1 0	1 ½	½ 1	0 1	1 0	1 1	1 0	1 1	1 1	13	I
2	Маршал	0 1	×	0 0	1 1	1 1	1 1	0 0	1 ½	½ ½	1 1	11½	II
3	Марко	0 ½	1 1	×	½ 0	0 1	0 1	½ 1	½ 1	1 0	1 1	11	III
4	Пилсбери	½ 0	0 0	½ 1	×	½ ½	1 ½	½ 0	1 ½	1 ½	1 1	10	
5	Мароци	1 0	0 0	1 0	½ ½	×	½ 1	0 1	½ ½	½ 1	½ ½	9	
6	Мизес	0 1	0 0	1 0	0 ½	½ 0	×	1 1	1 1	0 1	1 0	9	
7	Тейхман	0 0	1 1	½ 0	½ 1	1 0	0 0	×	0 1	1 0	1 1	9	
8	Свидерский	0 1	0 ½	½ 0	0 ½	½ ½	0 0	1 0	×	1 1	1 1	8½	
9	Шлехтер	0 0	½ ½	0 1	0 ½	½ 0	1 0	0 1	0 0	×	1 1	7	
10	Гунсберг	0 0	0 0	0 0	0 0	½ ½	0 1	0 0	0 0	0 0	×	2	

Чигорин скептически с самого начала относился к новорожденному дебюту и к замыслу Райса окрестить дебют своим именем: «И жития-то «гамбиту» все-то без году неделя,— писал он.— Если вариант гамбита Кизерицкого именуют «гамбитом Райса», то следует и в этом гамбите какой-нибудь вариант с «новооткрытым» пожертвованием именовать тоже особо».

Но он принял предложение Райса, за что его нельзя упрекать, так как, во-первых, это все-таки был поединок с чемпионом мира, во-вторых,— это была возможность подышать свежим морским воздухом и несколько дней отдохнуть перед трудным чемпионатом России, в-третьих, Райс платил щедро, а Чигорин нуждался, в-четвертых (и это самое главное!), Чигорин брал гонорар не за фальсифицированную партию с Дадыном Мингрельским или с Райсом, а за напряженный аналитический труд.

Чигорин ни этическими ни творческими принципами не поступился!

Любопытно, как четверть века спустя Алехин отозвался о жертве коня, предложенной Райсом. «Она не имеет теоретического значения,— писал преемник Чигорина,— так как черные на восьмом ходу могут путем рокировки перейти в небезвыгодный для них вариант настоящего гамбита Кизерицкого или без большой опасности для себя взять коня, как это уже доказано многочисленными исследованиями» (И прежде всего матчем Ласкер — Чигорин! — В. П.). «Несмотря на это,— продолжал Алехин,— предложение Райса все же представляет интерес, так как ведет к исключительно сложным положениям и тем дает повод к поучительным аналитическим изысканиям, для которых особенно пригодны партии по переписке».

Нельзя и Райса ставить на одну доску с фальсификатором и самодуром Дадыном Мингрельским. Райс не присваивал себе чужих анализов, а просто хотел любую ценой доказать правильность своей стратегической идеи (жертвы коня) исследованиями крупнейших авторитетов. По обычной практике американских миллионеров Райс просто «покупал чужие мозги». Райс, так сказать, хотел не крадучись пробраться, а торжественно въехать в шахматный Пантеон в золотой карете, в упряжке которой были бы Ласкер и Чигорин!

Спустя несколько недель по окончании матча с Ласкером Чигорин уже появился в Киеве, где в сентябре начался III Всероссийский турнир. В нем выступала уже целая плеяда талантливых молодых мастеров. Шахматное движение в России росло и крепло. Чигорин видел плоды своей четвертьвековой общественной деятельности.

Чигорин начал турнир вяло и уже в первом туре проиграл Юревичу, но постепенно разыгрался и, выиграв на финише девять партий подряд, в третий раз стал чемпионом страны.

Привожу на стр. 142 таблицу турнира.

В том же 1903 г. Чигорин гостил в Ревеле (ныне Таллин), куда его пригласил... «Чигорин»! Так называлось только что организованное там шахматное общество. Один из его основателей Г. П. Волченко так вспоминал о гастролях троекратного чемпиона России: «И в сеансах, и в консультационных партиях игра была живая, блестящая — в чигоринском стиле — с жертвами и красивыми, неожиданными комбинациями, производившими огромное впечатление... Михаил Иванович был обаятельным, обворожительным человеком. В скромном сюртуке, всегда простой до чрезвычайности, он не только не кичился никогда своей славой и своими победами, но и не любил, когда присутствующие говорили ему комплименты, как знаменитости».

В 1904 г. Чигорин в третий раз пересек Атлантический океан, получив приглашение участвовать в международном турнире, проводившемся на американском курорте Кэмбридж-спрингс. По дороге в США Чигорин заехал в Лодзь, где сыграл две партии с даровитым местным мастером Г. С. Сальве. Одну Чигорин выиграл, другую проиграл.

В Кэмбридж-спрингском турнире, кроме американских мастеров во главе с прославленными Пилсбери и Маршалом, играли семеро испытанных бойцов Старого Света во главе с чемпионом мира Ласкером.

По приезду в Нью-Йорк участники турнира чествовались на банкете у финансировавшего турнир Райса, потом были приняты тогдашним президентом США Теодором Рузвельтом (страстным спортсменом!) и мэром Нью-Йорка. А на самом курорте они были встречены под звуки оркестра и совершили торжественный объезд

Третий Всероссийский турнир в Киеве 1903 г.

№ п/п	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	Колич. очков	Прим.
1	Чигорин (Петербург)	X																				I 15
2	Бернштейн (Житомир)	1	X	0	1/2	0	1	0	1/2	1	1/2	0	1	1	0	1	1	1	1	+	+	II 14
3	Юревич (Москва)	0	0	X	1/2	0	1	1	1	1	1	0	1	1	1/2	1	1	1	1	+	+	III 13 1/2
4	Сальве (Лодзь)	0	1/2	1	X	1/2	1	0	1/2	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	+	+	IV 11 1/2
5	Зноско-Боровский (П)	0	0	0	1/2	0	1	0	1	1/2	1	1/2	1	1	0	1	1	1	1	+	+	V 11
6	Ловцкий (Киев)	0	1/2	0	0	1	1/2	0	1	0	1	1/2	1	1	1/2	1	1	1	1	+	+	11
7	Левитский (Н. Тагил)	0	0	0	0	1	0	1/2	X	0	1	1	1	1	1	0	1	1	1	+	+	10 1/2
8	Лебедев (Петербург)	0	1/2	0	0	0	1/2	0	1	0	1	1	1	1/2	0	1/2	1	1	1	+	+	9 1/2
9	Избинский (Киев)	1/2	0	1	0	0	1	0	1	0	X	1	1	0	1	0	1/2	1	1	+	+	9 1/2
10	Шифферс (Петербург)	0	0	0	1	0	1/2	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	+	+	8 1/2
11	А. Рабинович (Вильно)	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	1	1/2	1	1	1	1	+	+	8 1/2
12	Куломзин (Кострома)	0	0	0	0	0	0	0	0	1/2	0	0	1	1	1	1	1	1	1	+	+	8
13	Калянский (Новохоперск)	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	X	1	1	1	1	1	+	+	7 1/2
14	Дуз-Хотимирский (Киев)	-	0	0	0	1	0	1/2	0	1	1	0	0	0	X	1	1	1	1	+	+	7
15	Бенько (Киев)	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1/2	1	1	+	+	6 1/2
16	Николаев (Киев)	1/2	0	0	0	0	0	1/2	0	0	1/2	0	0	0	0	0	0	1	1	+	+	4 1/2
17	Штамм (Рига)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	+	+	2
18	Бреев (Киев)	0	-	0	-	-	-	0	0	0	0	1/2	-	-	0	0	0	0	0	X	X	0

Кэмбридж-спрингса. В первой карете (не золотой!) ехали Райс и Ласкер.

В неделю было четыре тура, а суббота отводилась специально для анализа участниками турнира «гамбита Райса», на что тот пожертвовал странную, не круглую цифру долларов — 320. Примером таких «теоретических занятий» может служить консультационная партия, игранная гамбитом Райса. Белыми играли Чигорин, Фокс, Шлехтер и Яновский, черными — Маршал, Пилсбери, Марко и Ходжес. Белые красиво выиграли.

Турнир в Кэмбридж-спрингсе закончился блестящей победой чемпиона США Маршала, не потерпевшего ни одного поражения. Он выиграл одиннадцать партий и сделал четыре ничьи: с Чигориным, Ласкером, Нэпиром и Марко. Ласкер поделил второй и третий призы с Яновским и отстал от победителя турнира на 2 очка. Чигорин снизил свои шансы просрочкой времени в выигрышной позиции против Марко и грубой ошибкой — тоже в выигрышном положении — в партии против Ходжеса. Чигорин поделил шестой и седьмой призы с Шлехтером, набрав 7,5 очка.

Вернувшись в Россию, Михаил Иванович работал над сборником партий III Всероссийского турнира. Он осуществлял общую редакцию книги и прокомментировал наряду с другими мастерами ряд партий. Сборник вышел в свет осенью 1904 г. в хорошем оформлении и явился первым в России изданием подобного типа.

Тогда же Чигорин посетил Москву, где, кроме сеансов одновременной игры, провел семь показательных партий с сильнейшими московскими шахматистами, одержав пять побед при одном проигрыше и одной ничьей.

В конце года Чигорин принял участие в очередном турнире сильнейших шахматистов Петербурга, в котором уже не играл его старейший соратник — Э. С. Шифферс, скончавшийся 11 декабря. Шахматный отдел в «Литературных приложениях» к журналу «Нива» снова с 1905 г. перешел в ведение Чигорина, который посвятил умершему другу в первом же шахматном отделе теплый некролог.

В указанном чемпионате Петербурга Чигорин завоевал первый приз, набрав 9,5 очка (из 11), а несколько месяцев спустя повторил этот успех в турнире петер-

бургских шахматистов, в котором все партии игрались «гамбитом Райса». «Американский дядюшка» пожертвовал деньги на призы. Чигорин набрал 12 очков (из 14), легко выйдя на первое место. Тренировка с Ласкером пригодилась!

ДО КОНЦА В СТРОЮ!

Здоровье Чигорина давно было подорвано тяжелой борьбой за существование и не менее тяжелой борьбой за личное мировое первенство, а к весне 1905 г. у него обнаружили две опасные хронические болезни — печени и диабет. Это сразу отразилось на его настроении. Он пал духом! На международном турнире в Остенде летом 1905 г., в котором четырнадцать маэстро играли в два круга, Чигорин занял предпоследнее место, набрав только 6,5 очка (из 26). А на состоявшемся месяц спустя, в августе, международном турнире в Бармене Чигорин, набрав 7 очков (из 15), поделил с Вольфом, Ионом и Леонардом седьмой и восьмой призы.

Но на спад настроения Чигорина влияли не только старость, болезни, предчувствие надвигающейся смерти. Он переживал глубокое разочарование в своих коллегам.

Творческие антагонисты Чигорина во главе с Таррашем использовали упадок сил стареющего и больного великого русского шахматиста, чтобы охаивать яркий, гармоничный, боевой «чигоринский» стиль игры, и объясняли его неуспехи торжеством принципов стейницеско-таррашевской «новой» школы. И самое трагичное было то, что почти все молодые мастера — кроме немногих: Шпильмана, Дураса, Нимцовича — следовали путями Тарраша. На глазах Чигорина они из «мастеров шахматного искусства» превращались в ограниченных шахматных ремесленников, спешащих с турнира на турнир в поисках заработка.

Многочисленные Сальери уже не завидовали Моцарту! Сошел с шахматной арены девятисотых годов классический тип шахматного бойца, мечтающего быть первым, желающим сокрушить соперников красотой замысла, блеском комбинаций, изяществом маневра. Наступило время спортивного крохоборства.

Этому способствовала и установившаяся в эти годы

оплата шахматного труда. Мастер, не взявший приза (а ведь призеров было не больше трети участников), получал гонорар по сумме набранных очков, т. е. оплачивался выигрыш (очко) и половина выигрыша — ничья (пол-очка). Проигравший не получал ничего, а ведь всякий шахматист прекрасно знает, что в проигранную партию иногда вкладываешь куда больше энергии, страсти, нервов, чем в десять бесцветных ничьих. Опасность проработать много дней и ничего не получить повела к отказу от рискованной борьбы, к стремлению иметь гарантированный минимум в виде ничьей. Люди играли спокойно, корректно, осторожно под лозунгом: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе».

Такое заболевание шахматной бледной немочью, такая измена творческим идеалам шахматиста была невыносима для Чигорина. И другое угнетало старого льва. В Москве, в русской провинции, за рубежом, среди широкой массы петербургских любителей игры имя Чигорина было окружено ореолом славы, и всюду он был желанным гостем. Но в шахматном болоте «петербургских доминиканцев», мелких шахматных ремесленников, по-прежнему подымали змеиные головки зависть, злоба, недоброжелательство, омрачавшие даже последние годы жизни Михаила Ивановича.

Достаточно, например, было Чигорину проиграть в первом Всероссийском турнире одну (из всех одиннадцати!) партию петербургскому шахматисту Лебедеву, как уже в петербургской газете «Россия» выступил некий аноним с утверждением, что Лебедев играет не хуже Чигорина! А когда Чигорин в турнире сильнейших шахматистов Петербурга 1900 г. проиграл обе партии снова Лебедеву, Лебедев уже сам выступил в той же «России» с грубыми нападка на Чигорина. Недостойное поведение Лебедева вызвало резкую отповедь ему со стороны группы авторитетных петербургских шахматистов на страницах газеты «Сын отечества», да и сам Чигорин быстро унял нахального крикуна, выиграв у Лебедева партии во II и в III Всероссийских турнирах, в которых, к тому же Лебедев сумел «зацепиться» лишь за дележ девятых мест. Но самый факт возможности нападков со стороны ничем не зарекомендовавшего себя мелкого профессионала на всемирно известного чемпиона достаточно красноречив.

Из-за подобных инцидентов Чигорин уже с конца девяностых годов отошел, самоустранился от руководства петербургским шахматным движением и во вновь организованном в 1903 г. «Санкт-Петербургском шахматном собрании» был только почетным членом и посещал его изредка. Но и после этого враги Чигорина не унимались, что привело к небывалому в жизни Чигорина дотоле случаю — выходу его из турнира, да еще не обычного, а IV чемпионата России!

Дело было так. В конце 1905 г. в Петербурге начался IV Всероссийский турнир. Контроль времени был 36 ходов на два часа. Чигорин играл в четвертом туре с Избинским. Как сообщает П. Романовский, «противники попали в жестокий цейтнот и прекратили запись партии. На 38-м ходу Избинский допустил грубый промах и получил мат. В этот момент член турнирного комитета сообщил, что уже на 35-м ходу Чигорин просрочил время. Просрочка была установлена на глаз, так как контрольных флажков в то время на часах не существовало. Чигорин подал протест, в процессе рассмотрения которого было установлено, что часы «спешили». Партия фактически длилась 3 часа 54 минуты, в то время как в совокупности часы противников показывали 3 часа 59 с половиной минут. Чигорин указывал и на то, что член турнирного комитета должен был остановить партию на 35-м ходу, не дожидаясь ее окончания (абсолютно правильное указание.— В. П.). Комитет признал все же партию проигранной Чигориным из-за просрочки времени и оставил без последствий коллективную просьбу участников пересмотреть свое решение. Это узко формальное и по существу неверное решение комитета было для Чигорина оскорбительным, и он заявил о своем выходе из турнира».

Чигорин был абсолютно прав, да и вообще к указанию троекратного чемпиона России с его огромным международным опытом и спортивным авторитетом турнирный комитет должен был отнестись с сугубым вниманием и приложить все силы, чтобы удержать великого русского шахматиста от выхода из соревнования.

Любопытно, что совсем недавно, в наши дни, случилась аналогичная история на юношеском чемпионате Лондона 1958 г. Шахматист дал мат в то время, как контрольный флажок на часах уже упал. Специальная

комиссия из авторитетнейших гроссмейстеров решила все же засчитать победу шахматисту, просрочившему время, так как «мат старше!»

Первый приз и звание чемпиона России в IV Всероссийском турнире завоевал талантливый польский мастер Г. Сальве.

Но Чигорин вскоре доказал, что его выход из турнира был продиктован не боязнью конкуренции со стороны растущей молодежи, а принципиальными мотивами.

Спустя несколько месяцев, в апреле 1906 г., в Лодзи состоялся матч между Чигориным и Сальве, который закончился с почетным результатом для обоих противников. Чигорин выиграл матч со счетом $+7, -5, =3$ и вновь, в четвертый раз, стал чемпионом России, но и Сальве в соревновании с авторитетнейшим корифеем доказал, что его успех на IV Всероссийском турнире был далеко не случаен.

Тотчас по окончании матча Чигорин — Сальве в Лодзи же, в мае 1906 г., состоялся интересный матч-турнир. Четыре участника играли в три круга. Первое место занял быстро выдвигавшийся в то время Акиба Рубинштейн, которому суждено было спустя два года стать преемником Чигорина и завоевать звание чемпиона России на V Всероссийском турнире, происходившем уже без Чигорина, незадолго до его смерти. В дальнейшем Рубинштейн взял ряд первых призов, был полноправным претендентом на личное мировое первенство и, до появления на мировой шахматной арене Александра Алехина, — сильнейшим шахматистом России.

В Лодзинском матч-турнире Рубинштейн набрал 6,5 очка. На очко от него отстал Чигорин, сыгравший с Рубинштейном со счетом 1:2. Третьим был Флямберг — 3,5 очка. Четвертым — Сальве — 2,5 очка. Надо отметить, что на результатах Чигорина и Сальве, несомненно, повлияло утомление от трудной борьбы в матче между ними, после которого они не имели никакой передышки.

В июне Чигорин принял участие во втором международном турнире в Остенде, который был проведен по нелепой многоступенчатой системе. Чигорин в финал не вышел.

Но тотчас по окончании этого неудачного во всех отношениях соревнования Чигорин добился успеха (последнего в жизни!) на сильном международном турнире в Нюрнберге, происходившем в июле 1906 г. Пятидесятишестилетний русский чемпион взял пятый приз, набрав 10 очков (из 16), и показал, по выражению одного французского писателя, что «у старого льва есть еще клювы и когти!».

Привожу на стр. 149 таблицу Нюрнбергского турнира.

В ноябре 1906 г. Чигорин принял участие в четверном матч-турнире в Петербурге, проходившем в четыре круга. Там Алапину наконец-то удалось опередить смертельно больного чемпиона России. Алапин взял первый приз, набрав 9 очков из 12, Чигорин был вторым — 7,5 очка, третьим — Евтифеев — 5,5 очка, четвертым — Зноско-Боровский — 2 очка. Как вспоминает очевидец К. Рауш, «Чигорин сильно нервничал, что было особенно заметно при анализе оконченных партий».

Весною 1907 г. Чигорин нанес прощальный визит Москве, которая всегда принимала его с должным почтением и радушием. Там был организован пятерной турнир, в котором четверо сильнейших шахматистов Москвы и Чигорин играли в два круга. Турнир прошел в ожесточенной борьбе, но все же Чигорин вышел на первое место, набрав 6 очков (из 8). Далее следовали: Гончаров — 5,5, Дуз-Хотимирский — 4,5, Ненароков — 3,5, Острогский — 0,5 очка.

В мае — июне Чигорин выступил в «турнире чемпионов» в Остенде, где шестеро ведущих маэстро (по нынешнему «гроссмейстеров») встречались в четырех кругах. Чигорин из двадцати партий набрал только 4,5 очка.

«Лебединой песнью» великого русского шахматиста явился большой турнир в Карлсбаде, происходивший с 20 августа по 17 сентября 1907 г. Состав был исключительно сильный, но Чигорин уже не мог играть с должным вниманием и техничностью. Например, в партии против Сальве, где к 23-му ходу у Чигорина был решающий позиционный перевес, русский чемпион в дальнейшем шесть раз (!) выпускал выигрыш и свел партию вничью. В двадцати партиях Чигорин набрал лишь 7,5 очка, но волю к победе этот изнемогающий боец проявлял по-прежнему поразительную! Когда в предпослед-

Турнир в Нюрнберге 1906 г.

№ п/п	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Кол-во очков	Место
1	Маршал	×	1	1/2	1/2	1/2	1	1	1	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1	1	1	1	12 1/2	I
2	Дурас	0	×	1/2	1/2	0	1	1/2	1	1	1/2	1/2	1	1	1	1	1/2	1	11	II
3	Форгач	1/2	1/2	×	0	1	0	1	1/2	1	1/2	1/2	1	1/2	1/2	1	1	1	10 1/2	III—IV
4	Шлехтер	1/2	1/2	1	×	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1	1/2	1	1	1/2	1	1	0	10 1/2	
5	Чигорин	1/2	1	0	1/2	×	0	0	0	1	1	1/2	1	1/2	1	1	1	1	10	V
6	Вольф	0	0	1	1/2	1	×	1/2	1	1/2	1	1/2	1/2	1	1/2	1	0	1/2	9 1/2	VI—VII
7	Сальве	0	1/2	0	1/2	1	1/2	×	0	1/2	1	1	1/2	1	1	1/2	1	1/2	9 1/2	
8	Э. Кон	0	0	1/2	1/2	1	0	1	×	1/2	0	1/2	1	0	1/2	1/2	1	1	8	VIII
9	Видмар	1/2	0	0	1/2	0	1/2	1/2	1/2	×	1/2	1	0	0	1/2	1	1	1	7 1/2	IX—X
10	Зноско-Боровский	1/2	1/2	1/2	0	0	0	0	1	1/2	×	0	1	1	0	1/2	1	1	7 1/2	
11	Тарраш	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1/2	0	1	×	0	1/2	1/2	0	1	1	7 1/2	
12	Шпильман	0	0	0	0	0	1/2	1/2	0	1	0	1	×	1	1	1	1	0	7	
13	Свидерский	1/2	0	1/2	0	1/2	0	0	1	1	0	1/2	0	×	0	0	1	1	6	
14	Леонард	0	0	1/2	1/2	0	1/2	0	1/2	1	1	1/2	0	1	×	0	1/2	0	5 1/2	
15	Фарни	0	0	0	0	0	0	1/2	1/2	0	1/2	1	0	1	1	×	0	1	5 1/2	
16	Пшениорка	0	1/2	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1/2	1	×	1	4	
17	Яновский	0	0	0	1	0	1/2	1/2	0	0	0	0	1	0	1	0	0	×	4	

нем туре лидер турнира Рубинштейн предложил Чигорину ничью, тот отклонил ее и продолжал борьбу, хотя потом ошибся и проиграл. И все же, несмотря на полную утрату спортивной формы, Чигорин выиграл у таких выдающихся противников, как чемпион США Маршал, Шпильман, Тейхман, Ионер, Олланд, Дуз-Хотимирский. Как курьез отмечу, что партия, выигранная в этом турнире Э. Коном у Чигорина, была отмечена призом «За красивую комбинацию, связанную с исключительно глубокой жертвой пешки», хотя Кон сам заявлял, что он не жертвовал пешку, а Чигорин у него пешку отобрал.

Долгий и славный шахматный путь Михаила Ивановича Чигорина закончился на Карлсбадском турнире. Всего за 33 года своей спортивной деятельности Чигорин сыграл в 24 международных турнирах, в трех чемпионатах России (называвшихся тогда Всероссийскими турнирами), в десяти отечественных турнирах обычного типа («на равных») и в десятках турнирах-гандикапах. Чигорин сыграл также 24 матча, из которых шесть матчей (два со Стейнцем и по одному с Арну-де-Ривьером, Гунсбергом, Таррашем и Ласкером) были международными. Чигорин сыграл также очень много партий по телеграфу и по переписке, а также консультационных, показательных и обычных, «легких» партий с местными шахматистами в своих гастролях в Москве и других городах Российской империи и за рубежом — в различных странах.

Итак, жизнь прошла, ибо жизнь творческого работника заключается в возможности творить, а Чигорин, как мы видели, боролся за такую возможность до предела. Лишь осенью 1907 г. он, сломленный болезнью вконец, оставил постылый Петербург и переехал в Люблин, где жили его свояк А. Н. Дубравин, вторая жена Чигорина и дочь. Но даже там Чигорин еще проводил сеансы одновременной игры, консультационные партии, работал над шахматными отделами. Например, последний шахматный отдел в «Литературных приложениях» к журналу «Нива» вышел в свет за несколько дней до смерти Чигорина, и в нем после сообщения о начале

В Всероссийского турнира было кратко сказано, что в турнире «Чигорин по болезни не мог участвовать».

К зиме 1907/1908 г. Чигорин слег. Кроме болезни, его терзало мучительное чувство разочарования в жизни, в собратях по шахматному оружию, сразу позабывших про него, в соотечественниках, не сумевших окружить заботой четырехкратного чемпиона России, в общественных условиях, созданных бездушным царским правительством, за всю жизнь Михаила Ивановича «не удостоившего» его каплей внимания.

В рассказах современников о последних днях жизни Чигорина, основанных на воспоминаниях близкого люблинского друга Чигорина — Гудимы, находим такие строки:

«Дух больного подавлен до крайности. Больной уже не знает, что делать. Весь внешний мир кажется ему холодным, чужим, не понимающим его внутренних страданий, сознание слегка затуманивается... В состоянии нервного возбуждения сжигает он свои дорожные шахматы».

Или: «Чигорин умер после долгой болезни; последние дни он часто впадал в бред; больные грезы окутывали его ум. Но накануне смерти он пришел в себя, сильно тосковал и нервничал. Он стал требовать, чтобы ему принесли его дорожные шахматы, те шахматы, которые сопровождали его на все турниры, с которыми он никогда не расставался... Когда их ему принесли, он потребовал, чтобы сейчас же, тут же перед ним их уничтожили, сожгли. При этом он страшно волновался, все торопился, словно боялся, что не успеют сделать это; а оно почему-то казалось ему необходимым. Он успокоился только тогда, когда его требование было исполнено и от шахмат осталась только небольшая кучка золы... Тогда он снова впал в беспамятство и больше уже не приходил в себя».

Н. И. Греков почему-то оспаривал факт сожжения Чигориным его шахмат, основываясь на том, что это «нельзя доказать», и усматривал в этом якобы порочащее Чигорина «разочарование в шахматах». А почему бы умирающему, забытому всеми «шахматному королю России» и не разочароваться было в шахматах? Разве Чигорин мог предвидеть, что его огромный творческий труд будет достойно оценен потомками?

Впрочем, сожжению шахмат (факту, твердо установленному, происходившему при друге, свояке и жене Чигорина) можно найти и другое психологическое объяснение. Возможно, что Чигорин не хотел, чтобы его рабочие шахматы, его тридцать два творческих сотрудника, живущих хотя призрачной, условной, но яркой, фантастической жизнью, попали в грязные лапы скупщика или даже в страстные руки коллекционера.

Чигорин помнил судьбу драгоценных трофеев гениального американского шахматиста Пауля Морфи, которые тотчас после его смерти были проданы с аукциона и судьба которых с тех пор неизвестна. И Чигорин был прав. Вскоре после смерти Чигорина его вдова «загнала» за бесценок призы великого русского чемпиона, его книги, его рукописи Петербургскому шахматному собранию, и их судьба тоже неизвестна. Приятно ли было Чигорину думать, что его шахматами, его верными маленькими друзьями будут тешиться Алапин или Лебедев или Дадьян Мингрельский?

НАШ, СОВЕТСКИЙ ЧИГОРИН!

25 января 1908 г. нового стиля (или 12 января старого стиля) великий русский шахматист Михаил Иванович Чигорин скончался.

Мировая шахматная печать отметила кончину Чигорина с большим сочувствием. «Рядом с именем Чигорина могут быть поставлены лишь имена величайших мастеров эпохи: Стейница, Пилсбери, Ласкера»,— писал австрийский журнал «Винер шахцайтунг».

«Скончался последний из великих мастеров эпохи Стейница. Подобно Стейницу, Чигорин был истинным гением, он всецело посвятил себя шахматному искусству... Наследие Чигорина так велико и так блестяще, что имя его никогда не будет забыто»,— писал немецкий журнал «Дейтче шахцайтунг».

«Чигорин был одной из популярнейших и интереснейших фигур шахматного мира,— писал английский журнал «Бритиш чесс мэгэзин».— В течение последней четверти века его имя было связано со всеми значительными событиями в истории шахмат, и мало кто оставил по себе такой яркий след, как он. Симпатии английских шахматистов всегда были гораздо больше на стороне

колоритной и предприимчивой игры русской школы, чем осторожной, основанной на точности и методичности,— немецкой, и потому стилю Чигорина, весьма близкому к игре нашего Блекберна, всегда было обеспечено понимание и признание в нашей стране».

Русских шахматных журналов к моменту смерти Чигорина уже не существовало, и памяти Чигорина в общей прессе были посвящены только краткие некрологи и большая статья в журнале «Нива».

Ненадолго смерть Чигорина всколыхнула и петербургские шахматные круги. Спустя год в Петербурге был организован крупный международный турнир, посвященный памяти Чигорина. В турнире первые два приза поделил чемпион мира Ласкер и чемпион России Рубинштейн. Но еще важнее было то, что в организованном одновременно с международным турниром всероссийском турнире любителей первое место занял будущий преемник Чигорина и будущий чемпион мира шестнадцатилетний Александр Алехин, глубоко родственный Чигорину и по стилю игры, и по творческим взглядам, и по теоретическим высказываниям.

Вскоре был выпущен сборник партий обоих турниров под названием «Международный шахматный конгресс в память М. И. Чигорина». Однако книга не содержала ни материалов из биографии Чигорина, ни воспоминаний современников о нем, ни оценки его творческого наследия. Не был издан, как предполагалось, и «Чигоринский сборник».

Спустя же несколько лет Чигорину все больше и больше угрожало забвение. Даже когда в 1914 г. решено было перевезти его прах в Петербург, это не вызвало никакого отклика в общественном мнении. Вот как описывает тогдашняя газета эту печальную церемонию:

«22 июня в Петербург были привезены останки известного русского шахматиста М. И. Чигорина, скончавшегося в Люблине 12 января 1908 г. Отдать последний долг покойному собралось... ровно восемь человек. Пока дошли до кладбища, эта горсть друзей М. И. Чигорина сократилась еще. Никого из родных покойного не было».

И вот прошло всего несколько десятков лет. Расцвет народной культуры в стране социализма, успешно строя-

Мемориальная доска, установленная в Ленинграде на доме, где жил М. И. Чигорин

шей коммунизм, самым благотворным образом отразился и на шахматах. Они стали народной игрой, завоевали любовь миллионов трудящихся, проводящих за ней часы отдыха.

Имя гениального русского шахматиста засияло в полном блеске. Проведены международные турниры, посвященные памяти М. И. Чигорина, и массовые соревнования в его честь, привлекавшие сотни тысяч участников, — цифры, неслыханные ни для царской России ни для современных нам капиталистических стран.

К пятидесятилетию со дня смерти М. И. Чигорина была выпущена почтовая марка, популяризовавшая

имя великого шахматиста во всех концах необъятной советской земли.

К дому, где Чигорин провел последние годы жизни, прикреплена мемориальная доска с его мраморным барельефом. Ленинградский шахматный клуб, занимающий обширный двухэтажный особняк, носит имя М. И. Чигорина.

Выпущены сборники партий великого русского шахматиста, прокомментированные им самим и лучшими советскими теоретиками. Собирается его аналитическое наследие. В любом шахматном учебнике для начинающих можно прочесть краткое описание славного жизненного пути М. И. Чигорина и увидеть его портрет.

В дебютных руководствах так и мелькает: «дебют Чигорина», «атака Чигорина», «защита Чигорина», «вариант Чигорина» и т. п. Высказанные Чигориным теоретические идеи, разработанные им дебютные системы, методы атаки и защиты в середине партии, эндшпильные анализы выдержали самое суровое испытание: про-

верку практикой и проверку временем. Они вошли в золотой фонд мировой шахматной культуры.

Но самое важное то, что осуществились общественные идеалы великого русского шахматиста: создана могучая советская шахматная федерация (тот самый «Всероссийский шахматный союз», который столь горячо всю жизнь пропагандировал Чигорин), и шахматная игра завоевала достойное место в культурной жизни общества.

Сотни шахматных книг, три шахматных журнала, десятки «Бюллетеней», двухнедельная шахматная газета выходят в нашей стране массовыми тиражами, о которых Чигорин не мог и мечтать!

Четырнадцать лет представители советской, отечественной, чигоринской шахматной школы прочно держат в своих руках личное мировое первенство по шахматам среди мужчин, среди женщин, среди студентов и командное первенство мира.

Питомцами советской, отечественной чигоринской шахматной школы являются чемпионы мира М. Ботвинник, экс-чемпионы мира В. Смыслов и М. Таль, девятнадцать других прославленных международных гроссмейстеров, двести пятьдесят мастеров, пятнадцать тысяч кандидатов в мастера и перворазрядников, два с половиной миллиона организованных любителей игры.

И их вдохновляет на дальнейшие творческие и спортивные успехи светлый образ основоположника отечественной шахматной школы Михаила Ивановича Чигорина — гениального художника, пламенного энтузиаста, самоотверженного общественника!

СОДЕРЖАНИЕ

Из гущи народной	3
Директор просчитался, но	5
Лишь „вековая тишина“?	8
Под стук бильярдных шаров	17
„Труден первый шаг“	17
Чигорин — маэстро	21
Журналист и теоретик	21
Сильнейший шахматист страны	29
„В Европу прорубил окно“	38
Во имя общественных интересов	47
Чемпион мира бросает вызов Чигорину	58
Российский шахматный Колумб открывает Новый Свет	68
Лавры и тернии	76
Шахматная корона — на волоске!	88
Моцарт и Сальери	96
Матч с Таррашем	103
Таинственный случай в Гастингсе	114
Петербургское Ватерлоо	123
Бессменный чемпион России	131
До конца в строю!	144
Наш, советский Чигорин!	152

Василий Николаевич Панов
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ЧИГОРИН

Редактор И. Я. Нарусова
Художественный редактор Е. М. Галинский
Оформление художников П. Э. Бендель и А. Г. Луцкова
Технический редактор М. П. Манина
Корректор И. М. Ханютина

Изд. № 2198 Сдано в набор 30/1 1962 г. Подписано к печати 10/X 1962 г.
Формат 64×108^{1/32}. Объем 2,5 бум. л., 5,0 физ. печ. л., 8,20 усл. печ. л.,
8,29 уч. изд. л., А04119. Тираж 60 000 Цена 25 коп. Зак. 2663.

Издательство «Физкультура и Спорт».
Москва, М. Гнездниковский пер., 3

Отпечатано с готовых матриц Первой Образцовой
типографии им. А. А. Жданова Мосгорсовнархо-
ва типографией газеты «Курская правда».
Курск, Ленина, 77. Зак. 5592.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
В 1962 ГОДУ ВЫХОДЯТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ**

Е. Загорянский. Повесть о Морфи.

Гениальный юноша, американский шахматист XIX столетия Поль Морфи за полтора года стал некоронованным чемпионом мира. Его судьба драматически сплетается со сложным и бурным периодом истории Соединенных Штатов. Эпизоды войны Севера с Югом, освобождение негров, Европа перед началом франко-прусской войны и Парижской Коммуны — все это проходит перед читателем, как на экране, воссозданное автором.

История трагической любви Поля Морфи, гибель гения, растоптанного стадом тупых стяжателей, распад психики и смерть великого шахматиста, нищего и полубезумного, его трагическая судьба в условиях капиталистической действительности — все это показано автором ярко, с большой художественной убедительностью и силой.

Язык повести — лаконичный и точный, она рассчитана не только на квалифицированного шахматиста, но и на самый широкий круг любителей шахмат.

Ф. Гохман. Анатолий Капчинский.

Каждый год в последнее воскресенье января в Москве и Саратове выходят на старт лучшие советские конькобежцы. Они вступают в борьбу за обладание призом имени Анатолия Капчинского.

Имя Анатолия Капчинского упоминается в книге командира партизанского отряда Героя Советского Союза Дмитрия Медведева «Это было под Ровно».

«...Два часа длился бой 25 партизан, непосредственно участвовавших в бою, справились со 160 фашистами. Фашистов было убито свыше 40 человек. В том числе 7 офицеров... В этом бою мы понесли тяжелую утрату. Был убит Толя Капчинский, храбрый, веселый, жизнерадостный москвич, комсомолец, рекордсмен СССР по конькам Капчинский добровольно пришел в наш отряд и за короткий срок стал всеобщим любимцем.

В далеком Мозырском лесу, на поляне, мы вырыли могилу герою-партизану. Опустили тело в землю, молча сняли головные уборы. Лишь несколько слов сказал я у открытой могилы: «Прощай, молодой друг! Мы отомстим за тебя».

Автор книжки из серии «Замечательные спортсмены нашей страны» рассказывает о детстве и юности спортсмена о том, как умело сочетал Анатолий Капчинский учебу в институте с напряженными тренировками, работу на железнодорожном транспорте с выступлениями на соревнованиях, показывает, как креп и мужал характер будущего героя. Обаятельный, с большим чувством юмора Капчинский страстно любил жизнь. И погиб за нее, за счастье тех, для которых написана сегодня эта книга.

М. Барин ов. Песня о парусе.

«Мы ворвались в этот маленький рыбацкий порт в вихре пены и туче брызг. Шторм опять гулял во всю свою богатирскую силу над морем, и мы решили хоть раз за неделю выжать воду из своих матрацев и, обсушившись, поспать по-человечески.

Белоснежное крыло паруса пригнуто к самым волнам могучим дыханием ветра, струи воды летят через борт, яхта мчится все вперед, туда, где яростно разбиваются зелено-белые громады вспененного моря о берег, о гранитные монолиты причала...»

О дальних походах спортивных яхт, перипетиях борьбы их в парусных гонках, о смелых и мужественных людях — советских яхтсменах рассказывает книга М. Баринова «Песня о парусе».

В маленьких очерках-новеллах автор попытался передать свою любовь к спорту смелых и сильных, заразить читателя романтикой плавания под парусами.

В форме художественных очерков рассказывается об основных этапах истории парусного спорта с момента его зарождения до Великой Отечественной войны включительно. Здесь читатель найдет исторические факты, выдержки из устава Невского потешного флота Петра Первого, воспоминания яхтсменов — участников Великой Отечественной войны.

Читатель познакомится с яхтсменами-балтийцами, влюбленными в свой спорт, который воспитывает мужество, ловкость, выносливость в людях и учит крепкой дружбе, взаимовыручке.

Книга рассчитана как на спортсменов, так и на широкий круг читателей.

С. Ф и л а т о в, засл. мастер спорта. Рим рукоплещет.

Сергей Филатов — чемпион XVII Олимпийских игр по конному спорту. Впервые русский кавалерист сумел победить по высшей школе кавалерийской езды прославленных конников мира.

В очерке, написанном живым, увлекательным языком, Филатов рассказывает о своей спортивной жизни, о трудностях, которые встречались на его пути, и о том, как он сумел их преодолеть.

Очень живо описаны встречи Филатова с зарубежными конниками.

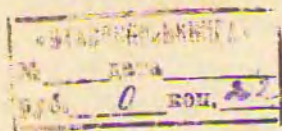
Филатов рассказывает о международных спортивных встречах в Швейцарии, Швеции и Италии. Интересны главы о творческой «кухне» спортсмена-конника: «Мой Абсент», «Как я готовил Абсента».

Олимпийский чемпион, настойчивый и трудолюбивый человек, делится с читателями своими впечатлениями, богатым спортивным опытом.

Брошюру с интересом прочтут не только специалисты конники, но и широкие массы читателей.

Цена 25 коп.

„Физкультура и Спорт“ . 1963